

Mikola-konferencia

2004

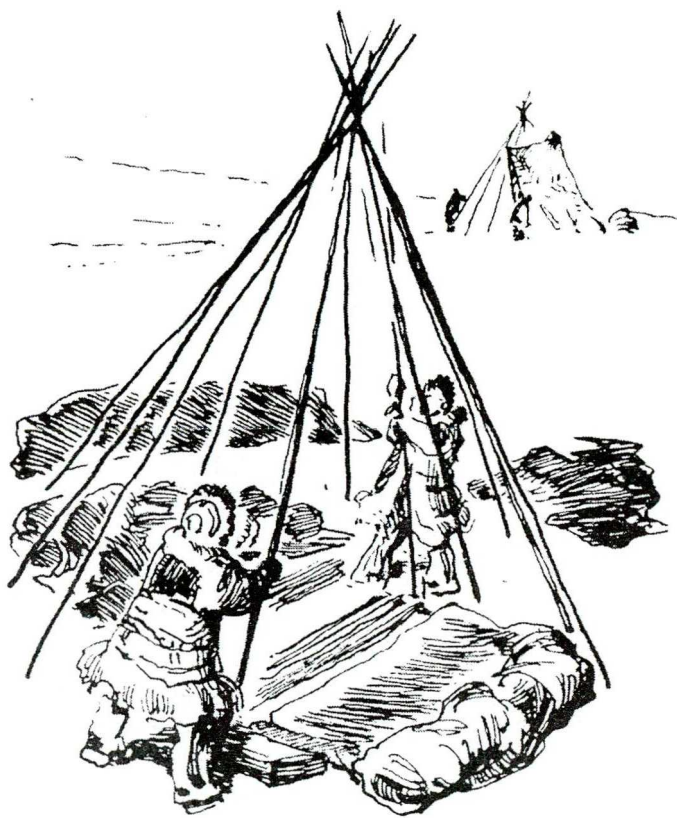

Mikola-konferencia

2004

Mikola-konferencia

2004

SzTE Department of Finno-Ugristics • Szeged

**Published by SzTE Department of Finnougristics
H-6722 Szeged, Egyetem utca 2.**

Edited by Beáta Wagner-Nagy

All right reserved. No parts of this book may be reproduced in any form – by photoprint, microfilm or any other means – without written permission from Publisher.

ISBN 963 482 747 0

© Authors, 2005

© Department of Finnougristics, 2005

CONTENTS

Foreword	7
Dobzhanskaya, Oksana: The Musical Folklore of Nganasans: Traditions and Contemporary Condition	9
Gusev, Valentin [Гусев, Валентин]: Дополнение к нганасанскому словоизменению.	15
Helimski, Eugen: The 13 th Proto-Samoyedic vowel	27
Klumpp, Gerson: A List of Kamas Tense-Aspect Forms	41
Nagy, Zoltán [Надь, Золтан]: Хантыйско-селькупские межэтнические связи в бассейне Васюгана	63
Szeverényi, Sándor: Lexical Categorization of Property Concept Words in the Samoyedic Languages	75
Tuchkova, Natalya [Тучкова, Наталья]: „Эпос об Итге” у южных селькупов.....	95
Várnai, Zsuzsa: Some Problems of Nganasan Phonology: Mora or Syllable.....	113
Wagner-Nagy, Beáta: Konstituentennegation im Nganasanischen.....	127
Abbreviations	137

FOREWORD

The series of Mikola-conferences organized biannually by the Finno-Ugric Department of the University of Szeged is intended to be devoted to a special subject-matter at every turn. At the first occasion in 2002 this idea has not been realized because at that time colleagues, students and friends of the late Tibor Mikola were invited and asked to give presentations without any thematic limitation. At the second occasion in 2004, however, Samoyedic studies were brought into focus. As Tibor Mikola was an acknowledged specialist in Samoyedology it was obvious that various aspects of this scientific area should be the theme, i.e. the Samoyedic languages and peoples from linguistic, ethnic, folkloristic aspects. Although the number of Samoyedologists is not high at all throughout the world all the representatives of the discipline could not be assembled. Despite this fact eminent experts accepted the invitation from abroad and from Hungary as well.

This volume contains nine papers of the 2nd Mikola-conference. Due to different reasons not all the papers presented at the conference could be included into this volume.

Among the topics that were most intensively discussed there are linguistic questions. What the phonological aspects concerns Eugene Helimski studies the vowel system of Proto-Samoyedic, and proposes the reconstruction of a 13th Proto-Samoyedic vowel phoneme, whereas the aim of Zsuzsa Várnai's paper is to question a traditionally accepted statement of Samoyedology. On the basis of meticulous analysis she suggests that it is the syllable and not the mora that should be the characteristic metrical unit in Nganasan.

Morphological aspects of tense and aspect are raised by two papers. Tense and aspect markers in the extinct Kamass language are investigated and a list of them is set up in Gerson Klumpp's contribution. „Tense, aspect and actionality in Nenets: the riddle of the delimitative (*aka* attenuative)” was the title of Tapani Salminen's presentation. Discussing the rise and fall of the so called delimitative he suggests the delition of this case (written version is not included into this volume). The paper by Valentin Gusev takes up the issue of derivational suffixes in Nganasan, a language especially rich in such endings, and explores a number of „new” ones not mentioned earlier in the literature.

In his cross-Samoyedic study Sándor Szeverényi aims to categorize the property concept words on semantic grounds serving with a new aspect, namely word-class analysis of these languages.

By the only morphosyntactic paper of the conference a relatively new tendency seems to be emerging in synchronic grammatical description of the Samoyedic languages. Giving a detailed study of constituent-negation in Nganasan Beáta Wagner-Nagy offers a new direction for grammatical studies. Sergei Glushkov's special, mathematical approach to the analysis of the Selkup syntax (not included into this volume) attempted to highlight certain aspects of the insufficiently studied territory.

A second focus of interest is the relevance of folklore studies in Samoyedology. Using data from a wide range of variations of the *Itte* epos Natalya Tuchkova explores the sources and the archetypes of this Selkup folklore work. In her large-scale study Oksana Dobzhanskaya gives an exhaustive introduction into the Nganasan folk music, exploring its genres, main characteristics, and showing the instruments and the performers too.

Among the topics that were discussed the relevance of the ethnic aspect is represented by the contribution of Zoltán Nagy who analyses the ethnic consciousness of Selkups and Khanties in the Vasyugan basin and points out the uncertainties in this respect.

And finally a short statistics: four papers are concerned with Nganasan, three with Selkup, one with Nenets, one with Kamass, one with Samoyedic in general, and one with a Proto-Samoyedic topic. It is difficult to tell whether the state of art is reflected by the above figures or not. It is hoped, however, that the contributions to the conference will increase the better understanding of the field.

Marianne Bakró-Nagy

THE MUSICAL FOLKLORE OF NGANASANS: TRADITIONS AND CONTEMPORARY CONDITION¹

OKSANA DOBZHANSKAYA

Dudinka, Russia

The Nganasan musical culture is a relic phenomenon. Up to the end of the 20th century it remained insufficiently studied, and was described generally in papers by travelers, such as P. Pallas, A. Middendorf, and ethnographers (A. Popov, G. Gracheva, B. Dolgikh, L. Fajnberg, J. Simchenko). As the subject of ethnomusicology it emerged in the 1980s–1990s (I. Brodsky, T. Ojamaa, O. Dobzhanskaya, Ju. Shejkin, M. Zhornitskaya, V. Nilov). The folklore texts published by N. Kosterkina, E. Helimski, K. Labanauskas, B. Wagner-Nagy, and the publication of Nganasan dictionaries played an important role in the formation of the ethnomusicological view of Nganasan culture.

The genre system of Nganasan music includes songs, epic tales, shaman rituals, dancing, playing musical instruments, and various instances of onomatopoeia. The Nganasan songs are subdivided into two groups: 1) *kajngejrsja* (a sung allegorical dialogue) and 2) *baly* (song itself).

The sung allegorical dialogues called *kajngejrsja* or *kajngarjuo* ‘singing to each other’, ‘singing competition’ are a unique genre of Nganasan folklore. Specific features of the *kajngejrsja* genre include the use of encryption in plot, lexicalmorphological and syllabic-phonetic levels of text structure. The musical composition of *kajngejrsja* (question-answer) is defined by the function of the genre of improvised singing dialogue. The quantity of the parts in *kajngejrsja* varies from 2 (minimum) up to 8 (a maximum from the known samples). Besides, the question and the answer in the allegorical dialogue are sung as different melodies because they are performed on behalf of different people. Entering mature age, together with training in the secret language of *kajngejrsja*, the young man also created his own tune of allegorical songs on which he subsequently improvised the text of the allegory (but, the tune *kajngejrsja* should not coincide with the melody of a personal song). Nowadays the Nganasan people do not practice the genre of *kajngejrsja* in their life and consider it to be a cultural relic.

¹ This report was prepared for the Second Mikola Conference with the financial help of Russian Humanitarian Scientific Fund (Российский Гуманитарный Научный Фонд – РГНФ), project 04-04-15128z (2004).

The Nganasan **singing tradition** is locally called *baly* ('a song'). It has the following versions: *ngonana baly* 'a personal song', *hoangkutuo baly* 'a drunk person's song', *njuo baly* 'a children's song', *ngaza baly* 'a shaman song'.

1) *ngonana baly* 'my own song', 'a song of myself' – a personal song, the tune of which the grown man composes out for himself, and keeps it unchangeable all his life. The text of the songs was improvised during singing (at work, while wandering) and told about the events of the singer's life. In the given correlation of „the tune and the text” the tune is a stable, constant component, the text is fickle, changeable and of minor importance.

2) *hoangkutuo baly* 'a drunk person's song' – singing under the influence of alcohol. The traditional *hoangkutuo baly* differs from other songs by its content: a man sang about intimate things, personal information, his failures, offences and grief. The melodies of the drinking songs reflected a specific (psychedelic) manner of performance: a great number of repetitions, incoherent mutter, sharp register of the melody, prevailing glissando at transition from sound to sound, metric amorphous. Now *hoangkutuo baly* replaces personal songs in repertoires of many Nganasan people.

3) Another kind of the singing tradition is *njuo baly* 'a children's song': the tiny tunes-formulas, which parents compose for children, are being based on watching their habits, gait, the first sounds made by the child and words. *Njuo baly* are performed like a joke or a game. The text of *njuo baly* is often based on phonation of the child's name.

The rhythmical basis of the Nganasans songs (*baly* and *kajnjejsja*) is the six-syllable verse structure. The main characteristics of the tunes *baly* and *kajnjejsja* are a developed melody line and plenty of plug-in non-semantic syllables (who, ho, o, he, ge, je) which are being sung while the syllables of the basic text are performed like a recitative. The melodic factor of form-building plays the leading role: each structural piece of the songs (a line, less often – a stanza) is allocated by initial and/or final melody formulas connected with special vocal method (high-altitude or dynamic vibrato on a long sound).

The **epic narrative** includes the two versions called *sitaby* 'an epic tale' and *djurymy* 'a story'. In the Nganasan folklore these genres are different by the type of the performance: the *sitaby* has mixed singing-prosaic form (singing alternates with speech), the *djurymy* has only the narrative one. The Nganasan people use both their own Nganasan epic plots and tunes and the Nenets ones.

The composition of the *sitaby* is defined by an alternation of the speech (prosaic) and singing (poetic) episodes. The *sitaby* is performed without any support of a musical instrument. The famous Nganasan epic teller Tubjaku Kosterkin gave a figurative definition of epos performance: „Every *sitaby* follows its way” (every *sitaby* has its

own melody). The special tune which serves as melodic „marker” of the given epic subject is fixed to a plot and is persistent. It is followed by different *sitaby* performers. The vocal-speech manner of intoning flexibly combines singing and speech (the vocal melody follows recitative or only speech pronouncing of the text and the recitative follows the vocal melody). The epic melodies are recitative. The rhythmic organization of melodies reflects the syllabic structure of the text. The recitative and improvisation influence the length of lines.

The Nganasan shaman ritual is a syncretic action with a major component of singing accompanied by the shaman drum. It creates the extatic atmosphere of the shaman ritual, and is required for recognized communication with the shaman spirits (each *djamada* ‘shaman spirit-assistant’ has the song on which melody he is recognized unmistakably by the participants of the ceremony). The plot of the shaman ritual is the shaman’s travel to the world of spirits. It is reflected in details in a melodic outline of the ritual. Each subject turning (the flight-travel of the shaman, the reference to any deity) is connected to a change of song melody, a rhythm of the drum accompaniment, kinematics, onomatopoeic signals. The sequence of melodies of the shaman songs reflects the sequence of appearance of the shaman spirits-assistants. Some Nganasan terms marking the shaman singing are: *ngaza baly* ‘a shaman song’, *ngatazattia baly* ‘a song of shaman ritual’, *monjutattia baly* ‘a song of the reduced shaman ritual’.

The singing in the Nganasan shaman ritual represents heterophonical polyphony of the responsory type: every line of his songs is repeated after the shaman by *tuoptusi* ‘the shaman assistant’ which is supported by singing and exclamations of all participants of the ceremony. The responsory singing is typical for shamanism of the Northern people (the Evenks, the Nenets etc). The powerful chorus of voices, according to the Nganasans’ beliefs, increases the force of the shaman during flight and allows to reach faster the purpose of the travel. The main rule of the verse organization of the shaman songs (division of the eight-syllable line into a 4 + 4 line with the help of a caesura between the words) is strictly observed in the underlying rhythm of the shaman melodies. In the melodies of the central part of the shaman ritual, the rhythm corresponds strictly to the verse metrics and each syllable of the text is submitted by the note.

An important role in the Nganasan musical culture is played the onomatopoeia (imitation of animals and birds voices): hunters calling up on goose and a grouse, the signals used in routine life activities (the ruling of deer in the herds and in the team, calling up to deer, signals for dogs during hunting, etc.). Onomatopoeia is used in the shaman rituals, marking the appearance of some zoomorphical spirits-assistants of the shaman. A special type of intonation – the wheezing sound – can be found in the Nganasans’ dance of *bjetysja*. The term *kunty* (‘a motive’, ‘a melody’) designates the wheezing sound on breath and on exhalation. *Bjetyre kunty* ‘a dance

voice' or *ngarka kunty* 'a bear voice' accompanies slow movement of circling dancers, showing the measured shaken „gait" of a bear. The circular dance *bjetyrsja*, presumably, used to have a ritual value, nowadays lost.

The Nganasan musical instruments are subdivided into ceremonial (of sacral applicability, used in the shaman ritual) and non-ceremonial. All shaman attributes are used only in ritual ceremonies, and are strict taboo for non-members of the shaman family.

The most important shaman attributes are *hendir* 'a drum' with *hetaa* 'a drum-stick'. The Nganasan shaman drum belongs to the Jenissej-Taimyr (Central-Siberian) type of drums (its distinctive characteristics are oval form and cruciform grip). This membranophone instrument has index 211.331 according to E. von Hornbostel and K. Sachs System of Musical Instruments.

Nganasan shamans often used a wooden or metal shaman stick *chire* (index 111.1) as substitution of the drum. In that case the shaman struck the *chire* with a small wooden stick *hosihua*. Another substitution of shaman drum is *hou* 'a copper hook' – index 111.1.

There are many metal pendants on the shaman clothes (*kahia* 'big set of pendants', *hie* 'small set of pendants' – index 112.121), which symbolize the shaman's helper-spirits. The ringing of these metal pendants and percussive decorations plays an important part in the sound picture of the shaman ritual, it represents voices of shaman spirits.

Non-ritual musical instruments are connected with economic activities and art culture of the Nganasans. There are

chordophones: *kojnginta dinta* 'a singing bow' – index 311.121, and *siechi kiririe* 'a singing string' – index 31;

aerophones: various kinds of whistles (*diebtu chue siucharsa* 'a whistle from a goose feather' – index 421.221, *liansa siucharsa* 'a whistle from a willow' – index 421.2; *anika niotta siucharsa* 'a whistle from big grass' – index 421.11) and buzzers, which had the magic functions in the past (a bull-roarer *bie-hiery* 'a wind whirligig' for communication with a wind – index 412.21, and string buzzers spun between the hands *sani-hiery* 'a toy whirligig' for communication with the world of dead people – index 412.22);

idiophones: *sangku* 'a bell' – index 111.242.122, *singeri* 'a jingle' of spherical form – index 112.13, sets of metal pendants on the clothes: on the chest of women's clothing *badiamuo* in the form of half moons – index 112.111, pendants-tubes *honge* – index 112.111, conical tubes for children's clothing *bydylang* – index 112.121, tubes beaded on a ring *diabtuza* for woman suit – index 112.121; a complete set of pendants-rattles for a cradle *niuolapsa*: striking animal beaks, claws and hoofs, metal coins and

shells – index 112.121; a cradle arch *kabtisi* with notched surface for scratching with a stick or a tube as calming the child and accompanying lullaby singing – index 112.21; a stick-scraper with many knots *dereva* for scratching on another stick or on a tree trunk, alluring wild reindeers – index 112.211; a rattle-toy from 21 wooden plates beaded on a rope – index 112.111; flapper for frightening off wolves - index 111.1.

The best Nganasan folklore performers were outstanding epic storytellers T. D. Kosterkin (1921–1989), K. H. Kokare (1923–2002), S. M. Porbin (1920–2001), N. H. Turdagin (1914–1993), N. B. Jarotsky (1925–2002), V. B. Kosterkina (1938–1998), the shaman Demnime Kosterkin (1913–1980) and his son Djulsymjaku Kosterkin (1940–1997), and many others, not mentioned by name. Now the Nganasan traditional musical culture is in the stage of fading which is connected with the destruction of the traditional way of life and language communication, death of the best traditional storytellers and singers of the senior generation. In the 1990s the innovative processes in the Nganasan musical life began: in the settlements Ust-Avam and Volochanka the folkethnographic groups „Ngamtusuo” (headed by E. S. Kosterkina) and „Hensu” (headed by L. M. Kling), maintained by the administrations, were created spontaneously. These amateur groups consist of folklore keepers, and their concert repertoire includes the basic genres of the Nganasan musical culture, though they are kept in a reduced way adapted to stage requirements.

ДОПОЛНЕНИЯ К НГАНАСАНСКОМУ СЛОВОИЗМЕНЕНИЮ

ВАЛЕНТИН ГУСЕВ

Москва, Россия

В настоящей статье рассматриваются несколько словоизменительных показателей нганасанского языка, которые (за одним исключением) не упоминались в существующих описаниях нганасанской грамматики, в том числе в последних и наиболее полных из них — Терешенко 1979; Хелимский 1994 (Helimski 1998); Wagner-Nagy (szerk.) 2002, не говоря уже о более ранних работах. Эти суффиксы были обнаружены в ходе работы по сбору, расшифровке и обработке текстов в рамках проекта *Корпус нганасанских фольклорных текстов*. Экспедиции по проекту проводились в 2003–2005 гг.; помимо автора, в них в разное время участвовали М. М. Брыкина и М. А. Даниэль¹.

Речь идет о следующих показателях²:

- ирреальный дестинатив *-tətə(təə)d'əə*;
- вопросительный ренарратив *-ha*;
- вопросительный итератив *-kəə*;
- итеративное причастие *-kutə*;
- целевая форма («второй супин») *-²sa*;
- экскламатив *-əu*.

1. Ирреальный дестинатив *-tətə(təə)d'əə*

Этот показатель, впервые обнаруженный М. А. Даниэлем, выражает несостоявшееся обладание. Ср. такие формы, как *kuhu-δətə(δəə)d'əə-mə* 'предназначавшаяся для меня шкура', *tobəkəə-δətə(δəə)d'əə-mə* 'топор, который предназначался для меня', *t'üü-t'etə(δəə)d'əə-mə* 'одеяло, которое должно было быть моим', *ñilu-δətə(δəə)d'əə-mə* 'жизнь, которая могла бы у меня быть'. Ср. примеры:

¹ Проект по составлению корпуса нганасанских текстов выполнялся в рамках программы Президиума Российской Академии наук *Этнокультурное взаимодействие в Евразии*. В настоящее время обработка расшифрованных текстов завершается, и они размещены в Интернете на сайте Института языкознания РАН.

Разумеется, наша работа была бы невозможна без наших постоянных информантов – Е. С. Костеркиной, С. М. Купчик, Е. Д. Порбиной, Е. Н. Соваловой, Н. Д. Чунанчар. Мы пользуемся случаем, чтобы выразить им нашу огромную благодарность.

² Как это принято в большинстве упомянутых выше работ, аффиксы приводятся в морфоно-логической транскрипции: для согласных дается сильная ступень, для гласных – „заднерядные” варианты, возможные ассимиляции не учитываются.

- (1) *Əmti mənə tobəkəə-ɖətəɖəə-mə i-süə.*
 этот я топор-DestIrreal-1Sg быть-Praet
 'Этот топор должен был быть моим'.
- (2) *Kolɨ-m-tə h"anu-ʔə-ŋ tʰüü-t'etəɖəəɖəə-nə ni.*
 рыба-Acc-2Sg положить-Pf-2Sg.s одеяло-DestIrreal-Gen.1Sg на[-LatAdv]
 'Ты положила рыбу на одеяло, которое предназначалось мне'.
- (3) *Maad'a mi-h'adi-ŋ takəə-tə luu-ɖətə(ɖəə)d'əə-mə?*
 зачем дать-Infer-2Sg.s тот-Lat парка-DestIrreal-Acc.1Sg
 'Зачем ты отдала ему парку, которая предназначалась мне?'
- (4) *Takəə ni məɾi-ʔə nilu-ɖətəɖəəɖəə-mə.*
 тот женщина отобрать-Pf жизнь-DestIrreal-Acc.1Sg
 'Вот та женщина отобрала то, что должно было быть моей жизнью' (напри-
 мер, отбила мужа).

Как и обычный дестинатив (см. Daniel 2005), ирреальный дестинатив употребляется либо с притяжательными показателями, либо (реже) без них, но с гени-
 тивной формой имени, выражающей обладателя. Однако если обычный дестина-
 тив употребляется только в формах «синтаксических» падежей (номинативе, ге-
 нитиве, аккузативе и лативе в значении агенса в пассивной конструкции; ср. Те-
 рещенко 1979: 102; Wagner-Nagy (szerk.) 2002: 85), ирреальный дестинатив су-
 ществует и в других падежах, ср.:

- (5) *Tənə tobəkəə-ɖətəɖəə-tənu-nə hoi'tə-ndi-ŋ.*
 ты топор-DestIrreal-Loc-1Sg рубить.дрова-Praes-2Sg.s
 'Ты рубишь дрова тем топором, который ты должен был отдать мне'.
- (6) *Səɖəə-ɖətəɖəəɖəə-mənu-ntə heɖiŋi-ndi-m mənə.*
 дорога-DestIrreal-Prol-2Sg идти-Praes-1Sg я
 'Я иду по дороге, по которой должен был идти ты' (если собеседник,
 например, пошел по другому пути).

Суффикс *-tətə(təə)d'əə* означает именно обладание (в широком смысле), ко-
 торое должно было иметь место, но не состоялось. Так, про раскрытые куски
 шкуры нельзя сказать *luuɖətəɖəəɖəə-mə* 'парка, которая предназначалась для меня'
 (поскольку в будущем парка, возможно, будет сшита и достанется говорящему),
 однако возможно следующее предложение:

- (7) *Luu-ɖətəɖəəɖəə-i-nə ŋiŋtə-ndiŋ d'übəi-ti-ʔ.*
 парка-DestIrreal-Pl.1Sg еще-3Pl лежать-Praes-3Pl.s
 'То, что должно было быть моей паркой, до сих пор валяется' (имеются в
 виду раскрытые куски шкуры; муж упрекает жену за то, что та подгото-
 вила шкуры и никак не берется за шитье).

Про покойную жену нельзя сказать *nj̥təδə(təə)d'əəm̩ə*, поскольку она была женой говорящего. В примере (8) *nj̥təδə(təə)d'əəm̩ə* означает 'моя невеста', т. е. 'та, которая должна была быть – но не стала – моей женой':

- (8) *Nj̥-təδə(təə)d'əə-m̩ə* *küü-ʔⁱa*.
 женщина-DestInteal-1Sg умереть-Pf
 'Моя невеста умерла'.

Так же *d'esj̥-δətə(δəə)d'əə-m̩ə* (отец-DestInteal-1Sg) может значить лишь 'человек, который должен был жениться на моей матери, но не сделал этого'.

На синхронном уровне перед нами единый аффикс: за исключением факкультативного элемента *-təə-*, ни одна его часть не может быть опущена. Но этимологически этот аффикс, очевидно, составной. Его последняя часть *-d'əə* тождественна суффиксу предшествования или „бывшести” *-d'əə* (ср. *kəntəd'əə* 'сломанная нарта', *njd'əə* 'покойная жена'). *-təə-* отождествляется с аналогичным элементом суффикса ирреального наклонения глагола *-haatəə-³* (значение этого элемента следует, по-видимому, реконструировать как ирреальность, указание на несостоявшееся действие). Наконец, *-tətə-* как продуктивный аффикс в современном нганасанском языке отсутствует, однако его можно усматривать в таких словах, как *matəδə* 'место для чума' (ср. производные от него *matəδil'emu*, *matəδis'emu* 'обычное место стоянки' и др.); *šitidətə* '8' ('то, к чему надо добавить 2, чтобы получить 10'); *nj̥j̥δətəə* 'женский' и *kuəd'umidətəə* 'мужской' (об одежде, санке и т. д., с адъективным суффиксом *-ə*); *matəδəə* 'домашний' (об одежде; засвидетельствована аугментативная форма этого прилагательного *matəδaʔa*). Семантику этого суффикса можно приблизительно восстановить как „то, что нужно добавить, присоединить к тому, что выражено основой”.

Суффикс ирреального дестинатива редкий: в текстах он встретился нам всего один раз.

2. Вопросительный ренарратив *-ha*

Форма на *-ha* употребляется в двух типах ситуаций: для пересказа вопроса, т. е. когда говорящий задает вопрос не от своего имени, а от имени другого человека; и в случаях, когда предполагается, что отвечающий сам знает то, о чем его спрашивают, с чужих слов. Конечное *-a* суффикса в переднерядных словах чередуется с *-ⁱa* (морфонема А по Хелимский 1994: 211). Ср. примеры:

- (9) *Kuniʔⁱa* *tuj-hⁱaʔ*
 как прийти-RenarrInterr
 'Как (на чем) он приехал?'

³ Где *-haa* тождественно современному оптативу.

- (10) *Kuni^ʔa koni-bⁱa-ŋ?*
 куда пойти-RenarrInterr-2Sg.s
 'Куда ты уходишь (меня просили узнать)?'
- (11) *Kunini nili-bⁱa?* — *Moskva-tənu nili-bⁱaŋhi.*
 где жить-RenarrInterr — Москва-Loc жить-Renarr
 'Где, говорят, он живет?' — 'Он, говорят, живет в Москве'.

Употребить эту форму в утвердительном предложении невозможно; отвечать на подобные вопросы надо в обычной форме ренарратива (ср. пример 11). Ср. примеры из текстов:

- (12) *Kaδⁱau bəinair-mün-də kərbu-ba-ru?*
 Interj воевать-VNipf-Lat хотеть-RenarrInterr-2Pl.s
 'Эй, вы воевать хотите?' (вопрос задает парламентар, посланный к восставшим⁴).
- (13) *T'aj d'əŋguj-h^aaŋhu.* — *T'aj d'əŋguj-h^a?*
 чай отсутствовать-Renarr — чай отсутствовать-RenarrInterr
 'Чая, говорят, нет (в магазине). — Говорят, нет?' (при переспросе фразы, сказанной в ренарративе, употреблен вопросительный ренарратив)⁵.

Похожий суффикс оптатива *-haa* отличается от вопросительного ренарратива наличием второго *-a* (< *ə), которое в рефлексивном спряжении и в объектном спряжении при множественном числе объекта дает *-i*. Ср., например, *büübaŋ* 'ты, говорят, уходишь?' vs. *büübaŋ* 'ты бы ушел, тебе бы следовало уйти'.

Обнаружение суффикса *-ha* заполняет лакуну в системе нганасанских ренарративных форм, из которых ранее были известны лишь утвердительная и императивная. Типологически *-ha* уникально по своему значению: в других языках ренарративные формы, если и употребляются в вопросах, то только во втором из значений *-ha*, т. е. когда говорящий полагает, что то, о чем он спрашивает, известно собеседнику от других людей. Форм, которые означали бы «меня послали спросить», ранее нигде не было засвидетельствовано (Aikhenvald 2004: 244–249).

Этимологически *-ha*, по-видимому, тождественно первой части суффикса ренарратива *-haŋhu* и, вероятно, также первой части суффикса инференциалиса *-hatu*. Отметим, что в таком случае вопросительный суффикс оказывается морфологически проще, чем соответствующий ему утвердительный. Это заставляет предположить, что ранее *-ha* употреблялось во всех типах речевых актов в значении „нерасчлененной” эвиденциальности; позднее сочетание *-ha-tu* (со вторым эле-

⁴ Речь идет о восстании 1932 г., когда нганасаны и долгане воспротивились коллективизации. Парламентар, естественно, действует не от своего имени, а по приказу своего командира. Ср. формы императивного ренарратива, которые употребляет парламентар после отказа нганасанов от боя: *...mij mou d'erə h^aaa netəru-təbaŋhu... təndə na tuubitiit'u?... h^aan-təbaŋhu-ru?* 'посередине между нами поставьте палку; около этой палки бросайте свои ружья'.

⁵ На этот пример нам указала М. М. Брыкина.

ментом неясного происхождения) полностью взяло на себе значение инференциалиса, утратив связь с *-ha*, а в значении утвердительного ренарратива специализировалось сочетание *-ha-ŋhi*; *-ha* сохранилось лишь в вопросительном ренарративном употреблении. В этом случае история *-ha* типична для вопросительных форм северосамодийских языков – ср. нганасанский показатель интеррогатива настоящего времени *-ŋhi*, по-видимому, представляющий собой «осколок» старого общесамодийского настоящего времени **-ŋa*, которое в утвердительных конструкциях в нганасанском языке было заменено формами причастия **-nta* > совр. *-ntu*; ненецкий и энецкий интеррогатив прошедшего времени *-sa*, восходящий к общесамодийскому претериту на **-s*; вероятно, такой же путь прошел нганасанский интеррогатив прошедшего времени на *-hi* (ср. сохранившиеся формы причастий прошедшего времени на *-hiə*: *kuəbiə* ‘мертвый’, *hihiə* ‘вареный’ и др., а также ненецкие формы на *-bəi/-nəi* – Терещенко 1965: 910; ср. также Künnap 1978: 141).

Можно предполагать родство *-ha* с энецким *-bi* (хотя вероятно и другая точка зрения на происхождение последнего – Künnap 2002: 151). По утверждению наших информантов, суффикс сейчас употребляется редко, чаще используется обычный интеррогатив на *-ŋhi*.

3. Вопросительный итератив *-kəə*

Достаточно частотный суффикс, употребляется как аналог итератива в вопросительных предложениях. Ср. примеры из текстов:

- (14) *Danuδ'edə-ʔ nūə-ʔ bad'a-ʔ i-kəə-ʔ mənūü-tūŋ?*
 простой-PI ребенок-PI железо-PI быть-IterInterr-3Pl.s кулак-PI.3Pl
 ‘У простых детей разве бывают кулаки железные?’
- (15) *Tuj-hü-ti ku-muŋ-kəə-gəj?*
 прийти-Cond-2Du что-говорить-IterInterr-3Du.s
 ‘(Два эвенка) когда приходят, что говорят?’
- (16) *Küδ'atud'a nimbi-ʔia-ʔ manüi-ʔ hüə-tini, maa, kundua-kəə-ʔ?*
 утром взрослый-Augm-PI давний-PI год-LocPl что спать-IterInterr-3Pl.s
 ‘Утром разве взрослые (люди) в те годы (долго) спали?’
- (17) *Ŋi-kəə-ʔ d'ind'ü-tə əhi t'etua səŋku-ʔ?*
 Neg-IterInterr-3Pl.s лук-PI.2Sg наверное очень быть.тяжелым-CN
 ‘Лук со стрелами не бывают тебе сильно тяжелыми?’

Помимо собственно вопросительных высказываний, форма на *-kəə* имеет и другие употребления, свойственные интеррогативным формам в нганасанском языке, в частности, в конструкции с отрицательным глаголом в значении эмфатического утверждения; ср.:

- (18) *Sili-t'a ni-kəə muna-ʔ*.
кто-Emph Neg-IterInterr сказать-CN
'Любой человек скажет'.
- (19) *Manu bənsə ni-kəə tɪbɪsi-ʔ*.
раньше все Neg-IterInterr блестеть-CN
'Раньше ведь все блестело там'.
- (20) *Hüətə ni-kəə-m muna-ʔ*.
всегда Neg-IterInterr-1Sg.s сказать-CN
'Я же (тебе) все время говорил'.

В утвердительных предложениях формам на *-kəə* соответствуют формы итератива на *-kə*, ср. следующие диалоги из текстов:

- (21) *Təti mər, mər goroda i-bahu, muni-ntu: «Kuniʔiaj-ŋu,*
тот мэр мэр города быть-Renarr говорить-Praes как.быть-Interr
iniʔi a-ʔku-ri-əi-ʔ, biðir-kəə-ri-ʔ» — «Biðir-kə-ti-mi-ʔ».
старуха-Dim-2Pl+Excl пить-IterInterr-2Pl.s — пить-Iter-Praes-1Pl.s
'Тогда мэр — мэр города, говорят — спрашивает (предлагая вино): «Ну что, старухи, выпиваете?» — «Выпиваем»'.
- (22) *Tənə ni-kəə-ŋ kaʔəmə-ʔ maə-gəl'itə? — Maad'a*
ты Neg-IterInterr-2Sg.s увидеть-CN что-Emph — почему
ni-niə-ŋi-m kaʔəmə-ʔ, miñ-siə-nə kaʔəmə-gə-tu-əu-m!
Neg-Fut-Interr-1Sg.s увидеть-CN 1-то-1Sg увидеть-Iter-Praes-Excl-1Sg.s
'Ты (когда спишь) ничего не видишь? — Почему не буду видеть, я-то вижу!'

Отметим, что утвердительный итератив сочетается с показателями времени, вопросительный же итератив присоединяет личные окончания непосредственно.

Что касается аффикса адмиссива-когортатива (некатегорического императива) *-kəə*, то – по крайней мере, на синхронном уровне – он является просто омонимом вопросительного итератива. Формы когортатива не несут никакой итеративной семантики и приложимы к единичным действиям, ср. примеры из текстов *kaula-kəə-ruʔ* 'прикройте (меня)', *kaʔəmə-kəə-rə* 'посмотри (туда)'; ср. также:

- (23) *Isi-rə baabtu-ʔ, munuŋ-kəə-ŋ «Iri-əi,*
дедушка-2Sg говорить-Imp.2Sg.s говорить-AdmCoh-2Sg.s дедушка-Excl
tənə huud'i-ndi-əi-m!»
ты звать-Praes-Excl-1Sg.s
'Поговори с дедушкой, скажи: «Дедушка, я к тебе за помощью пришел!»'.

4. Итеративное причастие *-kutə*

Форма на *-kutə* регулярно встречается в текстах, обозначая постоянное, обычное или повторяющееся (возможно, в пределах ограниченного отрезка времени) действие. Этот суффикс, содержится, в частности, в давно засвидетельст-

вованном слове *baagutə* ‘незамерзающий водоем; морской залив’ от *baa-* ‘бодрствовать’. Как и все причастия, эта форма может употребляться не только атрибутивно, но и предикативно; часто сочетается с аугментативным показателем. Ср. примеры из текстов:

- (24) *Əmə-ʔ nūajkiʔa-ʔ ... basu-guḁə-ʔ tənɪʔi a munu-ʔnalɪ-ʔə-ʔ,*
 этот-Pl мальчик-Pl охотиться-PtIter-Pl так говорить-Mult-Inch-Pf-3Pl.s
tənɪʔi a mənə tuu-ʔə-m.
 так я прийти-Pf-1Sg.s
 ‘Эти мальчики, которые охотятся, так стали говорить (что ты здесь живешь), поэтому я приехал’.
- (25) *Əməniə-ʔma a nī-kūdi-nī honəidə-ʔ d'embia-nī šerə-gu-mi.*
 этот-Pl что Neg-PtIter-Pl.1Du использовать-CN одежда-Pl.1Du одеть-Imp-1Du.s
 ‘Оденем одежды, которые мы с тобой ни разу не одевали’.
- (26) *Neńd'a-kuda-ʔa-mi t'etə kobtaʔa-mi tɪi-t'u.*
 не.запрягать-PtIter-Augm-1Du четыре бык-1Du иметься-Praes
 ‘У нас есть четыре быка, которых мы не запрягаем’.
- (27) *Tə, tətia-ʔku-mə huanʔku-guḁa-ŋku i-hʔadu təbtə.*
 ну тот-Dim-1Sg быть.пьяным-PtIter-Dim быть-Infer тоже
 ‘Ну, этот пьяницей оказался тоже’.

В словах переднего ряда *и* в этом суффиксе не чередуется (морфонема U_0 по Хелимский 1994: 211)⁶. Можно предполагать соответствие этого суффикса не-нецкой ‘форме обычного действия’ на *-сеты* (Терещенко 1965: 903–904; хабитив на *-syot* по Salminen 1997: 53), восстанавливая его праформу как **-kūtə*.

5. Целевая форма („второй супин”) -ʔsa

В отличие от остальных рассматриваемых здесь форм целевая форма на *-ʔsa* упоминалась ранее – в монографии Н. Н. Коваленко (1992: 23–24). Вот некоторые из приводимых там примеров⁷:

- (28) *Nakələ-ʔ tan-tə-m-tə d'emb'a-tə soturə-ʔsa-tə.*
 взять-Imp.2Sg.s жила-Dest-Acc-2Sg одежда-AccPl.2Sg шить-Sup2-2Sg
 ‘Возьми жилы-твои одежду шить-тебе’.

⁶ Засвидетельствована форма *nili-giḁi-ʔa-ʔ* ‘живут’ от *nili-*, однако первое *-i-* суффикса здесь может объясняться фонетической ассимиляцией окружающим гласным.

⁷ Примеры при цитировании переводятся в стандартизованную транскрипцию. Мы признательны М. М. Брыкиной, первой обратившей внимание на форму на *-ʔsa*; здесь мы называем эту форму „вторым супином” в отличие от „первого супина” — на *-nakə*.

- (29) *Tətu-gə-ŋ* *h^haa-δə-mi* *lapsi-δə-mi* *meljδj-sⁱa-ni*.
принести-ImpFut-2Sg.s дерево-Dest-1Du люлька-Dest-Acc.1Du делать-Sup2-1Du
'Принеси бересты (точнее – просто 'дерево'. – В. Г.) люльку делать нам-
двоим'.
- (30) *Nakələ-ʔ* *bikuru-ni* *koljδj-sj* *büü-ʔsa-ni*.
взять-Imp.2Sg.s сеть-Pl.1Du рыбачить-Inf уйти-Sup2-1Du
'Возьми сети-нас-двоих рыбачить идти-нам'.

Н. Н. Коваленко трактует эти формы как сочетание инфинитивно-деепричастной формы на *-sa* с личными показателями. Однако второй супин совпадает с инфинитивом (с точностью до гортанной смычки, часто плохо слышной и у Н. Н. Коваленко не отмечавшейся) лишь у части глаголов, как это видно и из приведенных примеров. Во-первых, из-за предшествующей смычки *s* суффикса второго супина всегда стоит в сильной ступени, в отличие от *s* в суффиксе инфинитива, ср. *büü-ʔsa-ni* из примера (30) vs. инфинитив от того же глагола *büü-d'a*. Во-вторых, гласная в *-ʔsa* в словах этимологического переднего ряда чередуется с *-i*, а в суффиксе инфинитива – с *-j* (т. е. в этих суффиксах представлены разные архифонемы по Хелимский 1994: 211 – А и А₁, соответственно); ср. форму *meljδj-sⁱa-ni* из примера (29) vs. инфинитив *meljδj-sj*. Таким образом, перед нами, несомненно, разные суффиксы (а точка зрения Н. М. Терещенко (1979: 274) о том, что инфинитив не присоединяет показателей лица, остается непоколебленной).

Аффикс *-ʔsa* не употребляется в таких позициях, которые позволили бы проверить наличие в нем конечного консонанта, однако этимологически он, скорее всего, присутствует, учитывая очевидно родственный показатель отглагольного имени на *-ʔsa^N/bsa^N* (ср., например, такие формы, как *basubsa* 'охота; охотничьи принадлежности', *kałəməbsa* 'тот факт, что X увидел что-л.', *bəδəbsa/bəδüʔsa* 'отличие, отличительный признак', *tuuʔsa* 'место огня, очаг' и др.)⁸.

Ср. еще примеры на „второй супин” из текстов:

- (31) *Tənə* *nerəδj-ʔ* *maδu-tə* *d'a*, *na-t'i*
ты быть.вперед-Imp.2Sg.s чум-GenPl.2Sg All товарищ-AccPl.2Du
kałəmə-ʔsa-ti.
увидеть-Sup2-2Du
'Ты поезжай вперед домой (отвези нганасанку), пусть они увидятся'.
- (32) *ŋi-sⁱa-tə* *tanüʔ-tə-ʔ* *tə səə-güə-m-tu* *təδa-ʔa-m* *təndə*.
Neg-Sup2-2Sg сомневаться-Impf-CN ну сердце-то-Acc-3Sg принести-Pf-1Sg.s тот[-Acc]
'Чтобы ты не сомневался, я принес его сердце'.

⁸ К соотношению *-ʔs-* и *-bs-* ср. другую подобную пару – будущее время *-ʔsuta* и дебитатив *-bsuta*.

- (33) *Horə-tə ʔi-sʰa kaʔəmə-ru-ʔ əmə-ʔ kalini-nüʔ*
 лицо-Gen.2Sg Neg-Sup2 увидеть-Pass-CN этот-Pl подмышка-GenPl.1Pl
bəŋku-rai-ʔmənu ʔentiri-gə-bsjðə-ŋ bitidi-ʔə.
 углубление-Lim-ProlPl готовить-Iter-Debit-2Sg.s стрела-AccPl.2Sg
 ‘Чтобы твоего лица не увидели, у нас подмышками готовь стрелы’.

Обратим внимание, что в последнем примере форма на *-ʔsa* употребляется без личного показателя (что, однако, не означает, что она совпадает с инфинитивом: последний выглядел бы как *ʔisi*).

Отличаются ли по значению формы на *-ʔsa* от других форм, которые могут иметь целевое значение, – супина на *-nakə*, инфинитива (в моносубъектных конструкциях), отглагольных имен, – пока не ясно. В известных нам контекстах, по крайней мере, взятых изолированно, эти формы взаимозаменяемы:

- (34) *Tamtüüdʔə-ʔ tuu-bidi-tə-mə babi-j kotə-bsa-tə-mə //*
 купить-Imp.2Sg.s огонь-стрела-Dest-1Sg дикий.олень-AccPl убивать-VN-Dest-1Sg //
kotə-nakə-nə // *kotə-ʔsa-nə.*
 убивать-Sup-1Sg // убивать-Sup2-1Sg
 ‘Купи мне ружье, чтобы я убивал диких’.
- (35) *Nakələ-ʔ biŋi taə-j huturə-sa //* *hukurə-ʔsa-tə.*
 взять-Imp.2Sg.s веревка домашний.олень-AccPl запречь-Inf // запречь-Sup2-2Sg
 ‘Возьми веревку оленей запречь’ (Коваленко 1992: 28).

6. Экскламатив *-əi*

Суффикс *-əi* занимает совершенно особое место в системе нганасанского языка, да и типологически весьма своеобразен. Он присоединяется не по морфологическим, а по фонетическим правилам: после последней гласной словоформы; если же словоформа оканчивается на согласную, то *-əi* оказывается перед ней. Если последняя согласная является частью суффикса, то *-əi* разрывает суффикс. Если *-əi* оказывается после *a* или *ə*, то эта последняя сливается с *ə* суффикса (по крайней мере, увеличения длительности получившейся гласной не отмечено). Ср. примеры: *Dʔajkü-əi* (от *Dʔajkü*) ‘эй, Дяйку!’, *dʔukəl-əi-ʔ* (от *dʔukələ-ʔ*) ‘заверни’, *konj-gu-ð-əi-m* (от *konj-gu-ðəm*) ‘пойду-ка я’ и т. д. Суффикс очень частотен.

Подобные фонетические правила «вставки» *-əi* заставляют предполагать, что этимологически это не сегментная, а супraseгментная единица, подобная просто эмфатическому удлинению конечного гласного (также весьма распространенному способу выразить эмфазу в нганасанском языке). Однако несмотря на это, *-əi* подчиняется правилам сингармонизма – в переднерядных словах он имеет вид *-əi*, ср.: *imi-əi* ‘бабушка!’, *nənsuŋandi-əi* ‘вставляйте (вы двое)!’, *konj-əi-ʔ* ‘иди!’, *ʔiitəbiahi-əi-ŋ* ‘тебе велят зайти (в чум)!’. Правда, это последнее правило

может нарушаться, и везде употребляется вариант *-əi* – ср. выше форму *koniguidəit*.

Суффикс употребляется либо при обращении, либо как эмфаза; присоединяется к последнему слову выделяемой синтаксической группы. Вот несколько примеров из текстов:

- (36) *Tə, baruši-əi, ɲonəiʔ basad'-əi-ʔ* (от *basad'-ʔ*).
 ну черт-Excl снова пойти.охотиться-Excl-Imp.2Sg.s
 'Ну, черт (баруси), снова иди на охоту!'
- (37) *Dəmsu-muʔ süd'ü-ʔsüdə ɲandj-tj-əi* (от *ɲandj-tj*).
 мясо-1Pl кончиться-Fut кажется-3Sg-Excl
 'Мясо у нас, кажется, скоро кончится!'
- (38) *Maɲuna d'erəmuə-j ɲanaʔsanə-j ɲətə-ɲu-əi-m* (от *ɲətə-ɲu-m*)?
 что.такое неизвестный-AccPl человек-AccPl найти-Interrog-Excl-1Sg.s
 'Что за странных людей я встретил?'
- (39) *Əu, maad'ətə-ruʔ ɲanaʔsa-luʔ tɲɲ-gümü-ndü-əi-ʔ* (от *tɲɲ-gümü-ndüʔ*)?
 Interj какой-2Pl человек-2Pl 2-то-2Pl+Excl
 'Оу, что вы за люди?'

Ср. также примеры (21), (22), (23) выше.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	1-е, 2-е, 3-е лицо	ImpFut	императив будущего
Acc	аккузатив		времени
AdmCoh	адмиссив-когортатив	Inch	инхоатив
All	аллатив	Inf	инфинитив
Augm	аугментатив	Infer	инференциалис
CN	коннегатив	Interj	междометие
Cond	условное деепричастие	Interr	интеррогатив
Debit	дебитатив	Irreal	ирреалис
Dest	дестинатив	Iter	итератив
DestIrreal	ирреальный дестина- тив	IterInterr	вопросительный итера- тив
Dim	диминутив	Lat	латив
Du	двойсвенное число	LatAdv	адвербиальный латив
Emph	эмфатический показа- тель	Lim	лимитатив
		Loc	локатив
Excl	эксclamатив	Mult	мультипликатив
Fut	будущее время	Neg	отрицательный глагол
Gen	генитив	Opt	оптатив
Imp	императив	Pass	пассив
		Pf	перфект

Pl	множественное число	s	субъектное спряжение
Praes	настоящее время	Sg	единственное число
Praet	прошедшее время	Sup	супин
Prol	пролатив	Sup2	второй супин
Pt	причастие	VN	отглагольное имя
Renarr	ренарратив	VNipf	итеративное глаголь-
RenarrInterr	вопросительный ренар-		ное имя
	ратив		

ЛИТЕРАТУРА

- Aikhenvald, Alexandra Y. 2004: *Evidentiality*, Oxford, Oxford University Press
- Daniel, Michael 2005: *The category of Destinative in Nganasan and Typology of Prospective Possession*, Paper read at ALT-VI, Association for Linguistic Typology, held in Padang, Indonesia in 21 to 28 of July, 2005, also published in a collection of abstracts from the conference.
- Коваленко, Н. Н. 1992: *Инфинитные формы глагола нганасанского языка*, Новосибирск, Наука
- Künnap, Ago 1978: *System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe. II: Verbal-flexion und Verbalnomina = MSFOu 164*
- Künnap, Ago 2002: On the Enets Evidential Suffixes, *LU XXXVIII*, 145–153.
- Терещенко, Н. М. 1965: *Ненецко-русский словарь*, Москва, Советская энциклопедия
- Терещенко, Н. М. 1979: *Нганасанский язык*, Ленинград, Наука
- Хелимский, Е. А. 1994: Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка, in *Таймырский этнолингвистический сборник*. Вып. 1, Материалы по нганасанскому шаманству и языку, Москва, РГГУ, 190–221.
- Helimski, Eugen 1998: Nganasan, in Abondolo, Daniel (ed.): *The Uralic Languages*. London, Routledge, 480–515.
- Wagner-Nagy, Beáta (ed.) 2002: *Chrestomathia Nganasanica = SUA Supplementum 10*

THE 13TH PROTO-SAMOYEDIC VOWEL

EUGEN HELIMSKI

Hamburg, Germany

The reconstruction of the Proto-Samoyedic and Proto-Northern-Samoyedic vowel system suggested and substantiated by Juha Janhunen (1975–1976: 170) and reproduced, with minor differences in phonetic notation, in Janhunen 1977: 9, 1981: 247, 1998: 463, as well as in Sammallahti 1988: 485, Mikola 1988: 219, Mikola 2004: 17 and several other publications, includes 10 full vowels and one reduced vowel:

*i	*ü	*ĩ	*u
*e	*ö	*ę	*o
*ä		*a or *ã	
		*ə	

Several years ago the present author has shown that the data of Nganasan corroborated by the Uralic comparison make it necessary to reconstruct two phonologically different reduced vowels, back and front – *ã and *ä (Helimski 1993, the suggestion is discussed and accepted also in Mikola 2004: 18–19, 27–28). As long as the distinction between *ã and *ä can be traced – until now at least – mainly for the stems which are attested in Nganasan and only in the initial syllable (it is possible that in non-initial syllables the opposition of the two reduced vowels was neutralised), it is expedient to preserve the symbol *ə as the designation for an „archiphoneme” *ã or *ä.

Further study of phonetic correspondences between Proto-Uralic, Proto-Samoyedic, and Nganasan shows that Janhunen’s reconstruction needs one more amendment. The vowel reconstructed as PS *i of the first syllable has three different Uralic sources: PU *e, *i, *ü, which were formerly believed to have completely merged in Proto-Samoyedic with the exception of cases when the PU *i developed to the PS reduced vowel *ä, see Janhunen (1981: 247), Sammallahti (1988: 484–485). It turns out, however, that the reconstructed PS *i has two different continuations in Nganasan, namely Ngan. *i* and Ngan. *ĩ* (from former *e* or *ę*: for example, in Castrén’s material this vowel is usually rendered with *e*). The two Nganasan continuations stand in clear correlation with their Uralic predecessors. The first of them occurs in the stems with PU *i or *ü, and the second one in the stems with PU *e.

Hence the most natural, and perhaps the only possible, explanation: The merger of PU **i*/**ü* and PU **e* did not yet occur in Proto-Samoyedic – this merger is a common later development of all other Samoyedic idioms with the exception of Nganasan. Accordingly, **in place of PS (Janhunen) **i* two different vowels must be reconstructed, which can be preliminarily defined as **i* (< PU **i*/**ü*, > Ngan. *i*) and **ɛ*, „the 13th Proto-Samoyedic vowel” (< PU **e*, > Ngan. *e/ɛ* > *ɨ*)**. It cannot be excluded that further research reveals direct or indirect evidence for the opposition **i* : **ɛ* also in other branches of Samoyedic; if not, the correspondence dealt with in this paper should be considered as an additional proof of the exclusive phonetic archaicity of the Nganasan language (cf. Helimski 1993, 1995), or maybe of its special taxonomic position within the Samoyedic group (cf. Janhunen 1991, 1997: 458–459).

For the evaluation of the etymological material two restrictive rules of Nganasan morphonology must be taken into consideration:

(R1) A syllable with the vowel *ɨ* cannot be preceded or followed by a syllable with one of the vowels *i* or *ü*. In such cases it is assimilated (progressively or regressively) to *i*. In Helimski 1998: 495 this rule was qualified as optional. To be more precise, it is obligatory inside morphemes, but can be disregarded if the syllables are separated by a morpheme boundary (cf. *sɨ-ti* ‘they (Du.)’). Besides, there are numerous exceptions generated by the rule R2.

(R2) Ngan. *ɨ* does not occur after palatal consonants and is replaced in this position by *i* (Helimski 1998: 495).

The rule R1 is not applied to the outcome of the rule R2 (it reflects an earlier phonetic change), therefore there are many stems like *ɲɨli-* ‘to live’ (< *ɲɨli-*).

Below the relevant etymological material – all those Samoyedic etymologies with **i* (resp. with **ɛ*) in the first syllable which include a Nganasan counterpart – as well as several relevant „special cases” are presented in the form of tables. Unless other sources are indicated, the PU forms in the first column are quoted after the UEW (R), Janhunen 1981: 272–274 (J), and Sammallahti 1988: 536 ff. (S); the Proto-Samoyedic forms after Janhunen 1977 (J) and Helimski 1997a (H); the modern Nganasan forms after my field records and publications (most of them can be found also in recently published works by N. Kosterkina, A. Momde, B. Wagner-Nagy, T. Zhdanova); older Nganasan forms after Castrén 1855. The translations of words are omitted if they do not differ significantly from those quoted in the preceding column. The minor and in our case less relevant details of phonetics, transcription, and semantics are also omitted. The comments in smaller font are mine.

1. The correspondence PU **i*, **ü* – PS **i* – Ngan. *i*

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) <i>*čiwɳ3</i> 'Geruch, Gestank' An old etymology (Wichmann, Paasonen, Setälä) which probably deserves rehabilitation. In UEW: 621 presented as a Finno-Volgaic word, the Samoyedic forms are mentioned only marginally.	(J) <i>*cin3-</i> 'riechen, beriechen'	<i>t'inü-</i>	<i>t'inu'ama</i>
(J S) <i>*δümä</i> 'Leim / glue'	(J) <i>*jimä</i>	<i>d'imi</i>	<i>jimi</i>
(R) <i>*ime-</i> 'saugen', (J) <i>*imi-</i> (?/ <i>*nimi-</i>), (Helimski 1986: 124–125, Aikio 2002: 24) <i>*nime-</i> , <i>*nimi-</i>	(J) <i>*nim-</i>	<i>nimibti-</i> 'to suckle'	<i>nima'bte'ama</i>
(R) <i>*im3-</i> 'alte Frau, Großmutter'	(J) <i>*im3-</i> (? <i>*imäj-</i>)	<i>imi</i>	
(R) <i>*nime</i> 'Name', (Helimski 2000: 475) <i>*nim</i>	(J) <i>*nim</i>	<i>nim</i>	<i>nim</i>
(R) <i>*nüde</i> 'Griff, Stiel, Schaft'	(J) <i>*nir</i>	<i>nir</i>	<i>nir</i>
The stem <i>*pi</i> 'night' (?) may have served as the base of derivation for: (R) <i>*pil'm3-</i> 'dunkel, dunkel werden', (J) <i>*pilmi-</i>	(J) <i>*pi</i> 'Nacht'	<i>hii</i>	<i>fi-</i>
(R) <i>*piðe</i> 'hoch, lang'	(J) <i>*pirə-</i> 'Höhe'	<i>hirəgəə</i> 'high'	<i>firagā</i>
(R) <i>*süje</i> 'Jahresring des Baumes, Faser, Fiber', (J S) <i>*süxi</i>	(J) <i>*ti ~ *tü</i> (? <i>*tiw</i>)	<i>tüi</i>	<i>tĩ</i>
(R) <i>*süle</i> 'Schoß, Klafter'	(J) <i>*tij</i> , <i>*tijmä</i>	<i>tüimi</i>	<i>tĩmi</i>
(J S) <i>*üli</i> 'das Obere / over, on'	(J) <i>*i-</i> 'das Obere'	<i>hi-</i>	<i>hi-</i>
(J S) <i>*üxji</i> 'Gürtel / belt' In UEW: 90 the Samoyedic forms are quoted, together with Permian, under PU <i>*jäje</i> . The relationship between Permian forms (Voty. <i>je</i>) and <i>*üxji</i> (Fi. <i>vyö</i>) deserves reconsideration; in any case, the Permian evidence for a PU <i>*ä</i> is extremely weak.	(J) <i>*n'i</i> , <i>*n'ə</i> , <i>*ji</i> , <i>*jiw</i> , (Janhunen 1981: 260) <i>*hiəj</i> , <i>*jiəj</i> , (Sammallahti 1988: 536) <i>*iəj</i>	<i>hiədə</i>	<i>niēja</i>

2. The correspondence PU *e – PS „i” (reinterpreted as *e) – Ngan. i (after palatal consonants i), Older Ngan. e

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) *čecä ‘Onkel’, (J S) *cecä	*čecä, (J) *cicä ‘Onkel (jüngerer Bruder der Mutter)’	tičä	
(R) *elä- ‘leben’	*elä-, (J) *ilä- ~ *jilä-	nili-	niletem, niletm In the materials from the 18 th cent.: neléte ‘vivus’, njelümme ‘Seele des Menschen’, нелыпся ‘жизнь’
(R) *enä ‘big, much’	*enä, (J) *inä ‘älterer Bruder’	nini	nenne
(R) *ke (*ki) ‘wer’ Ken in phonetically archaic Finnish is in itself a strong indication in favour of the reconstruction *ke.	*ke, (J) *ki ‘wer’	sili	sele
The Samoyedic word is possibly related to (R) PFU *lemp3- (*lämp3-) ‘schweben, fliegen’	*lempä, (J) *limpä ‘Adler’	lihi	lunfe, (Prokof’ev 1937) lenfe
(R) *mene- ‘gehen’, (Helimski 2001: 78) *men-	*men-, (J) *min-	min-	méndem
(R) *pälkä ‘Daumen’, (S) *pelkä, cf. also Fi. <i>peukalo</i>	*pe-, (J) *pi- (? *pij-)	hičä	feája
(R) *peksä- ‘schlagen’ Rather ‘to thresh, to soften, to tan’	*pet-, (J) *pit- ‘gerben’	hit-	fede’ama
(R) *pele- ‘fürchten, sich fürchten’	*pej-, (J) *pij- (?) ‘(sich) fürchten’, *pijm- ‘erschrecken’	hiim- ‘to get afraid’, hilis- ‘to be afraid’ Assimilation according to R1 in the second form.	fémé’am, filitima
(R) *pesä ‘Nest’	*petä, (J) *pitä	hiti	

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
The Samoyedic word is possibly related to FP (R) <i>*wene-</i> ‘sich ausstrecken, sich dehnen’. Its comparison with the words listed in UEW: 575 under <i>*wiŋä</i> (<i>*wüŋä</i>) ‘Gurt, Gürtel’ is erroneous, as well as this PU reconstruction itself: cf. the treatment of Fi. <i>vyö</i> etc. under (J S) <i>*üxje</i> (see above).	<i>*weĕnă</i> , (J) <i>*wină</i> ‘Rie-men’	<i>bini</i> ‘rope’	<i>béne</i>
<i>*wete</i> ‘Wasser’, (Helimski 2000: 475, 2001: 79) <i>*wet</i>	<i>*wet</i> , (J) <i>*wit</i>	<i>bĭ?</i>	<i>bê</i> ’

The second example in this table seems to indicate that the process of narrowing which produced the Modern Nganasan *i* (*i* after palatals) must have already started at the time when M. A. Castrén made his records, which resulted in spelling inconsequences (cf. the third example).

3. The correspondence PS **i* – Ngan. *i*; PU unknown or unclear (possibly PU **i*, **ü*)

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) <i>*älä-</i> ‘heben, tragen’ Contrary to UEW 24, this etymology connecting the Samoyedic word with Osty. <i>*äl-</i> ‘tragen’, Vog. <i>*ālm-</i> ‘heben, tragen’, (?) Hung. <i>emel-</i> ‘heben’ is not completely reliable – one can side with J. Janhunen and P. Sammallahti who do not mention it in their lists. Even if we accept it, the reconstruction of the initial <i>*ä-</i> is by no means justified by the Ugric data: Osty. <i>*ä</i> and Vog. <i>*ā</i> go back equally or even more often to other PFU/PU vowels, including <i>*i</i> .	(J) <i>*ilä-</i> ~ <i>*jilä-</i> ‘heben’	<i>dilä-</i>	<i>jili’ema</i> , <i>jilajeama</i>
(R) <i>*erä</i> ‘groß, viel’ There are many semantic and other reasons to reject this etymology connecting Osty. <i>*är</i> ‘viel’, Vog. TJ <i>är</i> , (?) Hung. <i>öreg</i> ‘alt’ with Samoyedic forms (many of them – as listed in UEW: 75 – have nothing to do with PS <i>*irä</i> etc. ‘Großvater’)	(J) <i>*irä</i> (?) <i>*iräjä</i>) ~ <i>*jirä-</i> (?) <i>*jiräjä</i>) ‘Großvater, der Alte’	<i>iri</i>	
	(J) <i>*jikka-</i> ‘losbinden’	<i>dikü-</i>	<i>jika’ama</i>
	(J) <i>*kiä</i> ‘Loch’	<i>šiä</i>	<i>sie</i>
	(J) <i>*kimä</i> ‘Asche’	<i>šimi</i>	<i>šimi</i>
	(J) <i>*kitä-</i> ‘aufwecken’	<i>kiti-</i>	<i>kidi’ema</i>

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) <i>*miye-</i> 'geben, verkaufen', (J S) <i>*mexi-</i> , (Helimski 2001: 78) <i>*mi-</i> The reconstruction of <i>*i</i> in the first syllable seems to be better justified than the reconstruction of <i>*e</i> (supported, as it seems, only by Fi. <i>myö-</i> as a parallel form to <i>myy-</i>), see UEW: 275. The etymology can be rather safely placed also among those under 1.	(J) <i>*mi-</i> 'geben'	<i>mis-</i>	<i>mîji'ema</i>
(R) <i>*peje-</i> 'kochen, siedern', (J S) <i>*pexi-</i> In the absence of Fenno-Lappic cognates the reconstruction of an <i>*e</i> is nothing more than a voluntary choice among several possible options. Md. <i>pîje-</i> 'gar kochen (intr.)' may indicate that the vowel of the first syllable and the structure of the stem were the same as in the preceding etymology (which includes Md. <i>mije-</i> 'verkaufen').	(J) <i>*pi-</i> '(durch Kochen) reifen'	<i>hiñ-, hiiʔə</i>	<i>fî'em</i>
The comparison with Lp. N <i>buoidā</i> 'ermine' (UEW: 390) is unacceptable, see Helimski 2000: 206.	(H) <i>*piñz-</i> 'Hermelin'	<i>hieðə</i>	<i>fîéda</i>
	(J) <i>*pisz-</i> 'lachen', (H) <i>*pisin-</i>	<i>hiðĩ^c-</i>	<i>fjîitim</i>
	(J) <i>*sirə-</i> 'graben'	<i>širə-</i>	<i>siri'éma</i>
(R) <i>*senz-</i> (misprint for <i>*señz-</i>) 'kämme'n'. The Uralic etymology is qualified in UEW (439–440) as uncertain. In the absence of Fenno-Lappic cognates phonetic details, including the quality of the vowel in the first syllable, remain unclear.	(J) <i>*tiə- (?)</i> 'kämme'n'	<i>tüilə-</i>	<i>tîli'éma</i>
	(J) <i>*tiə</i> Wolke'	<i>tüirü</i>	<i>tîrų</i>
	(J) <i>*tirämä ~ *türämä</i> 'Rogen'	<i>tîrimi</i>	<i>tîrimi</i>
	(J) <i>*wiñkəncä</i> 'Vielfrass'	<i>bintiši</i>	<i>bintiši</i>

4. The correspondence PS „*i” (reinterpreted as **e*) – Ngan. *i* (after palatal consonants *i*), Older Ngan. *e*; PU unknown or unclear (possibly PU **e*)

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
	* <i>eak</i> , (H) * <i>iak</i> (* <i>niak</i> , <i>niak</i>) ‘Adler’	<i>ŋiəgə</i>	<i>ŋêgu</i>
	* <i>jē</i> , (J) * <i>jeta</i> (?) ~ * <i>jita</i>) ‘Ge- fäß’, (H) * <i>ji</i>	<i>niətə</i>	<i>netâ</i>
PS * <i>ki</i> - in * <i>kit</i> ’ (this stem is used also as suppletive stem in the accusative of personal pronouns) is comparable with Hung. - <i>ge</i> - in <i>engem</i> ‘me (acc.)’, <i>téged</i> ‘you (acc.)’, Vog. N - <i>ki</i> - in <i>amki</i> ‘myself’ etc. (Helimski 1982: 88–97). Nothing contradicts reconstructing the common source of these forms as PU * <i>ke</i> .	* <i>kēt</i> ’, (J) * <i>kit</i> ’ ‘Ähnlichkeit, Bild’	<i>sī?</i> ; <i>siti</i> ‘he/she’ (< *‘his image’)	<i>sete</i> ‘er’
(R) * <i>tä</i> (~ * <i>te</i> ~ * <i>ti</i>) ‘dieser’ At least one of the possible reconstructions (* <i>te</i>) supports the main thesis of this paper; on the whole, however, it will be better to treat the phonetic correspondences in this etymology as unclear.	* <i>tê</i> -, (J) * <i>ti</i> (-) ‘der, jener, dieser’	<i>timin’a</i> ‘now’	<i>temenay</i>
	* <i>tēpä</i> , (J) * <i>tipä</i> ‘Mann’	<i>tibijk’a</i> ‘boy’	

5. Distinguishing on the basis of Nganasan data is not possible (neutralisation *i/i* according to R1-2, Older Nganasan forms not attested)

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) * <i>niwa</i> - (* <i>niŋa</i> -) ‘enthaaren’ The etymology is very problematic. Finno-Ugric forms suggest the reconstruction with *- <i>w</i> -; however, even the reconstruction with *- <i>ŋ</i> - does not explain the PS *- <i>ŋk</i> -.	(J) * <i>niŋkə</i> - ~ * <i>niŋkə</i> - ‘rup- fen’	<i>niŋkə</i> -	
	(H) * <i>t’isi</i> - ‘be- halten, bewah- ren’	<i>t’isü</i> - ‘to help, to save’	

6. Special cases with PS *i – Ngan. i probably corresponding to PFU *ä (rather than to *e)

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) *kakta ~ *käktä 'zwei', (J) *kektä/*käktä, (S) *kektä	(J) *kitä 'zwei'	šiti	šiti
(R) *säje 'Eiter, verfaulen', (J S) *sexji	(J) *ti- (? *tij-) ~ *te- 'faulen'	t̥iiniə	t̥inea
(R) *säle- (*säle-) 'sich (in etw., auf etw.) setzen, einsteigen', (S) PFU *sälä- The Permic-Ugric-Samoyedic comparison is completely reliable. P. Sammallahti leaves the Samoyedic cognates aside and attracts Fi. <i>sälyttä</i> - 'aufbürden' (but cf. UEW: 434!). Without this Finnish word the reconstruction of *ä is only one of several options.	(J) *t̥ij- (? *t̥iä-) 'sich setzen (in den Schlitten usw.)'	t̥iä-	(Prokof'ev 1937) t̥ii'em
(R) *täwe 'Lunge', (J S) *te/äwiw	(J) *tiw'ə	t̥eind̥ə Probably from t̥iäind̥ə	t̥ieind̥ə
(R) *wäŋe 'Schwiegersohn, Bräutigam', (J S) *we/äŋiw	(J) *wiŋə 'Schwiegersohn', (H) *wiŋü	biŋi	biŋiŋ, biŋi

It must be stressed that in four of these five cases J. Janhunen (and, following him, P. Sammallahti) suggested the PU reconstructions with *e only in order to account for the PS *i, though the Finno-Ugric data point to PU *ä. The origin of the correspondence PFU *ä – PS *i (not PS *ē) remains unclear.

7. The correspondence PS *e (or *ê?) – Ngan. i, Older Ngan. e in PS open monosyllables

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) *mš 'wir' Most probably *me.	(J) *me(-)	m̥iŋ	m̥êŋ
(R) *niŋä 'Frau, Weib', (J S) *näxi, (Helimski 2001: 78) *naj/*näj One can think also of *ne	(J) *ne	n̥i	n̥ê
(R) *tš 'ihr' Most probably *te.	(J) *te(-)	t̥iŋ	t̥êŋ

8. Exceptions?

Proto-Uralic	Proto-Samoyedic	Modern Nganasan	Older Nganasan
(R) <i>*ede</i> 'das Vordere, Raum vor etw.' The PS counterpart suggested and discussed in Helimski 1986: 135–136.	(H) <i>*ir-</i>	<i>ñiri-</i>	<i>ñiriŋ</i> 'Reihe'
<i>*sew(e)-mä</i> to <i>*sewe-</i> 'essen' (Abondolo 1996: 57–58; Aikio 2002: 34–36) The etymology appears to be too glottogenic to be true and can, in my opinion, be safely disregarded.	(J) <i>*timä</i> 'Zahn'	<i>timi</i>	<i>timi</i>
(R) <i>siŋe</i> 'Biegung, Krümmung' If this etymology is correct, it contradicts the observations made in this article. However, (a) the comparison between Finno-Ugric and Samoyedic forms is semantically very problematic (that is perhaps the reason for its being omitted from the lists compiled by J. Janhunen and P. Sammallahti); (b) there are doubts concerning the possibility of attracting Fi. <i>sii(hirsi)</i> 'großer Balken unter dem inneren Dache' to this comparison (see SKES, SSA) – and without the Finnish word the reconstruction of <i>*-i-</i> (rather than <i>*-e-</i> or some other vowel) becomes very uncertain.	(J) <i>*siŋ</i> 'hinterer Teil des Zeltes'	<i>siŋ</i>	

9. Negative and prohibitive verbs

It is interesting to note that, while in Modern Nganasan all inflectional forms of the negative verb contain the stem *ñi-* (see Helimski 1998: 504–506), the data in Castrén 1854: 492–494 seem to indicate that this situation results from the merger (in the position after the palatal consonant *ñ-*) of two stems, one of which, *ñe-*, was used exclusively in the 2nd person singular of the imperative in the subjective conjugation (*ñe'*) and in the objective conjugation for singular object (*ñeta'*), and the other, *ñi-*, in all other finite and non-finite forms (including the rest of the imperative paradigm). These data could be interpreted as a partial preservation of the distinction between negative and prohibitive verbs (ot between non-imperative and imperative parts in the paradigm of the negative verbs) which is present in many Samoyedic and Finno-Ugric languages (see e.g. Honti 1997: 84 ff.), and, if so, as a possible continuation of PS **i-* (negative) and **e-* (or **e-*, cf. 7; prohibitive)¹. However, the typical non-imperative forms in the Nganasan negative paradigm contain an *i* (from *e*, *e*) in the second syllable – cf. *ñindim*

¹ J. Janhunen (1977) reconstructed PS **i-* ~ **e-* ~ **ɜ-* verbum negativum 'nicht' without accounting for the details of phonetics and usage.

(Castrén *nindem*) ‘I do not (subj.)’, and such forms, according to R1-2, may have developed only from PS **e-* (or **e-*, cf. 7). It is therefore probable that the distinction as represented by Castrén’s data is not original: forms like *nindem* etc. reflect the same phonetic/graphic effect as (Castrén) *niletem*, *niletm* ‘I live’ (see 2). The fact that this effect did not present itself in *ne*’ and *neteta*’ can be explained both by objective reasons (the pronunciation of the vowel in question was more open than when it was followed by a syllable with *e*) and by subjective reasons (an attempt to find in Nganasan a formal distinction which was well known to Castrén from other Uralic languages).

The two types of Nganasan reflexes of PS **i* in the first syllable did not remain unnoticed by former research; however, they have never attracted much attention, and no attempt to correlate them with the data of Uralic comparison has been made. Juha Janhunen suggested an explanation of this duality through the illabiality/labiality of the preceding word-initial consonant: „A zárt **i*, **ü*, **ĩ* magánhangzónak a nganaszanban általában egységes *i* (vagy > másodlagos *ü*) felel meg. Néhány esetben azonban, labiális mássalhangzók után, az eredeti **i* folytatója eltér az **ü*, **ĩ* folytatójától, pl. C[astrén] *bi*’ ‘zehn’, P[rokojev] T[erescsenko] M[ikola] *bi*’ < **wüt* (> nye[nyec] *juq*), de C *bê*’ ‘Wasser’, P *befj*, T M *bi*’ < **wit* (> nye *jiq*); C *minadâ* ‘Magen’ < **min-* (> nye *miq*), de C *méndem* ‘gehen’, T *мынсы* < **min-* (> nye *minz*)” (Janhunen 1975–1976: 175). Tibor Mikola preferred a more cautious formulations, indicating that „die Entwicklung vom PS **i* zeigt eine Zweiheit” and that „die Entwicklung **i* > *ĩ* ist zu meist nach labialen Konsonanten erfolgt”; among the quoted examples for this development one finds not only PS **wit* ‘water’, **winä* ‘belt’, **pij-* ‘to be afraid’, **min-* ‘to go’ but also PS **cicä* ‘uncle’ (Mikola 2004: 76–77). The examples above show however that the assumed correlation between the Nganasan continuations of PS **i* and the labial/illabial quality of the preceding consonant does not really exist: there are numerous cases like PS **mi-* ‘to give’, **wiŋkəncä* ‘glutton’ (with **i* preserved in Nganasan), and still much more cases like PS **cicä* ‘uncle’ (with „special” Nganasan continuation after a non-labial consonant).

The PS vowel system with 13 vowels looks as follows:

<i>*i</i>	<i>*ü</i>	<i>*ĩ</i>	<i>*u</i>
<i>*e</i>			
<i>*e</i>	<i>*ö</i>	<i>*e</i>	<i>*o</i>
<i>*ä</i>			<i>*a</i> or <i>*ä</i>
	<i>*ə</i>		<i>*ə</i>

There are, however, strong indications in favour of treating the „PS *ä” as a back vowel:

- in all instances with a clear Uralic etymology it corresponds to an open back vowel (usually to *a, esp. before a palatal consonant) in Finno-Ugric, see Aikio 2002: 40–41, 49–50;
- it is typically reflected as a back vowel (*a*, *ä*) in Nganasan, Selkup, and Kamassian; its front articulation attested in Nenets (*a* with the palatalisation of the preceding consonant), in Enets (usually *e*), and in Mator (usually *ä*) may go back to a feature of a Proto-Samoyedic dialectal unity which included the predecessors of these three languages (Helimski 1997b);
- even in Nenets, „*ä” behaves as an original back vowel: unlike *i, *e, *ü, and *ö, it never triggers the harmonic palatalisation of the following consonant which is residually observable in Nenets derivation and inflection (Janhunen 1998: 466, Salmi-nen 1997: 66–67).

Therefore in the above system (a) *ä can be reinterpreted as *a; (b) *e as *ε or even as *ä, (c) and, accordingly, „the 13th vowel” *ǵ as *e. After this reinterpretation the Proto-Samoyedic vocalism acquires the following shape (the reconstructions in brackets refer to Janhunen 1977: 9):

*i (*i)	*ü (*ü)	*ĩ (*ĩ)	*u (*u)
*e (*i)	*ö (*ö)	*ǵ (*ǵ)	*o (*o)
*ε or ä (*e)		*a (*ä)	*â (*â)
	*ä (*ä)		*â (*â)

REFERENCES

- Abondolo, Daniel 1996: *Vowel Rotation in Uralic: Obugrocentric Evidence*, London, School of Slavonic and East European Studies
- Aikio, Ante 2002: New and old Samoyed etymologies, *FUF* 57, 9–57.
- Castrén, Matthias Alexander 1854: *Grammatik der samojedischen Sprachen*. Herausgegeben von Anton Schiefner, St. Petersburg, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften
- Castrén, Matthias Alexander 1855: *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. Bearbeitet von Anton Schiefner, St. Petersburg, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften
- Helimski, Eugen [Хелимский Е. А.] 1982: *Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели*. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация, Москва, Наука
- Helimski, Eugen 1986: *Etymologica* 1–48, *НУК* 88, 119–143.
- Helimski, Eugen [Хелимский, Евгений] 1993: Прасамодийские *ǣ и *ǣ̃: прауральские источники и нганасанские рефлексy, in Sz. Bakró-Nagy, Marianne – Enikő Szűj (eds): *Hajdú Péter 70 éves*, Budapest, MTA Nyelvtudományi Intézet, 125–133.
- Helimski, Eugen 1995: Proto-Uralic gradation: Continuation and traces, in *CIFU* 8, Pars I: *Orationes plenariae et conspectus quinquennales*, Jyväskylä, 17–51.
- Helimski, Eugen 1997a: *Die Matorische Sprache: Wörterbuch – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*, unter Mitarbeit von B. Nagy = *SUA* 41
- Helimski, Eugen 1997b: Mator and Northern Samoyed (Paper presented at the meeting of the Finno-Ugrian Society, Helsinki on the 16th of May 1997)
- Helimski, Eugen 1998: Nganasan, in Abondolo, Daniel (ed.): *The Uralic Languages*, London – New York, Routledge, 480–515.
- Helimski, Eugen [Хелимский, Евгений] 2000: *Компаративистика, уралистика: Статьи и лекции*. Москва, Языки русской культуры
- Helimski, Eugen 2001: PU *iś- ‘to cause to be, to be’ and some other core vocabulary items in Proto-Uralic: Remarks on etymology and reconstruction, in Oszkó, Beatrix – Mária Sipos (eds): *Budapesti Uráli Műhely II. Szófejtő Műhely 1999. szeptember 8–10*, Budapest, MTA Nyelvtudományi Intézet, 71–84.
- Honti, László 1997: Die Negation im Uralischen I, *LU* 33, 81–96.
- Janhunen, Juha 1975–1976: Adalékok az északi-szamojéd hangtörténethez. Vokalizmus: az első szótagi magánhangzók, *NNy* 19–20, 165–188.
- Janhunen, Juha 1977: *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien = CT* 17
- Janhunen, Juha 1981: Uralilaisen kantakielen sanastosta, *JSFOu* 77, 219–274.
- Janhunen, Juha [Янхунен, Юха] 1991: Нганасаны и распад прасамодийской языковой общности, in *Семинар «Проблемы происхождения народов уральской языковой семьи»*, Тезисы докладов, Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы, 16–19.
- Janhunen, Juha 1998: Samoyedic, in Abondolo, Daniel (ed.): *The Uralic Languages*, London – New York, Routledge, 457–479.

-
- Mikola, Tibor 1988: Geschichte der samojedischen Sprachen, in Sinor, Denis (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*, Leiden e. a., Brill, 219–263.
- Mikola, Tibor 2004: *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen* = *SUA* 45
- Prokof'ev, G. N. [Прокофьев Г. Н.] 1937: Нганасанский (тавгийский) диалект, in Прокофьев Г. Н. (ред.): *Языки и письменность народов Севера. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов*. Москва – Ленинград, Учпедгиз, 53–74.
- Salminen, Tapani 1997: *Tundra Nenets Inflection* = *MSFOu* 227
- Sammallahti, Pekka. 1988: Historical phonology of the Uralic languages, in Sinor, Denis (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*, Leiden e. a., Brill, 478–554.

A LIST OF KAMAS TENSE-ASPECT FORMS

GERSON KLUMPP

Munich, Germany

0. The aim of the present article is to present qualitative and quantitative information about those Kamas tense aspect (TA) forms which are attested in the Kamas text corpus.¹ The description is based on the results of earlier investigations into the verbal system of Kamas (Klumpp 2001, 2002, Künnap 1978), but it adds some corrections to them.

In the introduction I provide a sketch of Kamas tense morphology, aspect morphology and explanations concerning the list of TA-forms presented below. This list includes information on the make-up, meaning and frequency of each TA-form and is supplemented by at least one example.

1. Introduction

1.1 Suffixal tense marking

In the prefinal phase of Kamas at the beginning of the 20th century there was a three-way distinction of tenses: past, future and present tense. An account of Kamas finite tense markers must make reference to the entities in Fig. 1:

Past tense	Future tense	Present tense
1. <i>-Bi</i> , <i>-BjA</i>	2. <i>-LA</i> , <i>-Lə</i> 3. <i>-Lji</i>	4. <i>-LjA</i> 5. <i>-GA</i> 6. <i>-∅</i> 7. <i>-mA</i>

Figure 1: Kamas tense suffixes

Past tense is marked by the suffix *-Bi* or *-BjA* in 1. and 2. person singular, respectively. Past tense formation is productive for any verb stem except the negation verb *e- ~ i-*.

Future tense is marked by a suffix containing an *-L* followed by a vowel-harmonic full vowel or by schwa, i.e. *-LA* or *-Lə*. Moreover there is another future tense

¹ Fn.: The Kamas text corpus was collected by Kai Donner in 1912 and 1914. It includes 35 riddles, one song, two prayers and 12 fairy-tales. All texts were published in Joki (1944). TA-forms which are part of the present study, but attested only in Donner's manuscripts will be marked as such.

The total number of Kamas TA-form types and tokens known from all sources taken together is bigger than the number of TA-forms attested in the text corpus. The motivation for restricting the presentation to forms attested in the texts is their occurrence within at least a minimum of context.

marker which has the *-L* followed by a *-j* and a vowel *-i*, i.e. *-Lji*. This marker appears only with the 1. and 2. person singular of transitive verbs.²

In contrast to the completely homogeneous nature of past tense marking and the essentially homogeneous nature of future marking, the marking of present tense is quite heterogeneous. There are four different present tense markers. One of them contains the *-Lj* element also found in the future tense marker just mentioned, followed by a vowel-harmonic full vowel *a ~ e*, i.e. *-LjA*. In the prefinal period of Kamas this was the most common present tense marker, and it could be selected by (almost) all verbs. The remaining three present tense markers were restricted insofar as only certain verbs could select them: tense marker no. 5., *-GA*, is regularly and exclusively found with the verbs *i-* 'be', *kandā-* 'go', *mīn-* 'go', *nu-* 'stand', *šonā-* 'be coming'; the zero marker, no. 6. *-∅*, with the three inchoative-stative verbs (or initio-transformatives, cf. Johanson 1999: 173) *amnā-* 'sit down; sit', *iḷbā-* 'lie down; lie' and *tīmnā-* 'get to know; know'. The present tense in *-mA* (no. 8.) is not attested within the text corpus,³ but in paradigms and single sentences in the lexicon. It appears only with the three transitive imperfective *O*-derivates (see below 1.2.1) *ṭabo-* 'hold', *tenō-* 'think' and *tīmnō-* 'remember'.⁴

1.2 Aspect marking

1.2.1 Older suffixal aspect marking

The category of aspect is represented in two ways: An older layer consists of a relatively small number of verbs which come in aspectual pairs with a perfective simplex verb and a derived imperfective verb. One of these members of aspectual pairs typically selects an restricted present tense marker.

First there is imperfectivisation by a suffix *-NTā* in the following pairs: *kan-* 'go away, leave' : *kan-dā-* 'go, walk', *kun-* 'lead away' : *kun-dā-* 'be leading', *šo-* 'come, arrive' : *šo-nā-* 'be coming'. All *NTā*-imperfectives select the present tense in *-GA*. Cf. the behaviour of perfective *kan-* and imperfective *kandā-* in (1a-f) as an example:

² Another suffix, *-NTA*, is called a future tense marker in some of M. A. Castrén's (1847) paradigms. However, its status is rather unclear because the same suffix is labelled as a marker of the subjunctive in other paradigms and no translations are given for any of these forms (cf. Klumpp 2002: 100, Künnap 1978: 126ff.).

³ In *šoktoloma* 'it is spread out' in tale no. 1 (KW: 88) we find an instance of the infinite *OmA*-participle (cf. Klumpp 2002: 82).

⁴ In addition to its three tenses Kamas had an imperative and a subjunctive. The system of finite verb forms is exemplified by affirmative and negative 2. pers. sg. forms of the verb *am-* 'eat'. Note the two different negations: in the past and present tense negation is signalled by a negative particle, *ej* 'not', whereas future tense, subjunctive and imperative are negated with the help of the negation verb *e-* ~ *i-*:

Past tense:	<i>am-bja-l</i> 'you ate'	<i>ej am-bja-l</i> 'you didn't eat'
Present tense:	<i>am-nja-l</i> 'you eat'	<i>ej am-nja-l</i> 'you don't eat'
Future tense:	<i>am-na-l</i> 'you will eat'	<i>el-lā ama-?</i> 'you won't eat'
Subjunctive:	<i>am-da-l-ze</i> 'you would eat'	<i>e-ne-l ama?-ze</i> 'you wouldn't eat'
Imperative:	<i>ama-?</i> 'eat!'	<i>i-? ama-?</i> 'don't eat!'

Within the text corpus no subjunctive forms are attested.

Past tense:

- (1a) *dīgəttə kam-bi bü-nə*
 then go-pst river-lat
 'then he went to the river' (no. 5, KW: 91)

- (1b) *kozan kandə-bi, kandə-bi*
 hare walk-pst walk-pst
 'a hare was walking around' (no. 5, KW: 91)

Future tense:

- (1c) *mān tān-zə? kal-la-m-a*
 I you-ins go-fut-1sg-qp
 'shall I go with you?' (no. 9, KW: 97)

Present tense:

- (1d) *gibər kandə-ga-l tān*
 where go-prs-2sg you
 'where are you going?' (no. 8, KW: 94)

- (1e) *nükke-t ej kal-lja*
 wife-3sg not go-prs
 'his wife doesn't go' (no. 11, KW: 99)

Imperative:

- (1f) *kaŋ-ga-? a?dʒə dāra*
 go-imp-pl way along
 'go along the path!' (no. 6, KW: 92)

The suffix *-O* was another imperfectiviser. It is attested with inchoative-stative (initio-transformative) verbs. If it occurs the initio-transformative reading of the simplex verb is suppressed, the derivate is only stative. *O*-imperfectivisation occurs with the following verbs: *amnə-* 'sit down; sit, live somewhere' : *amno-* 'sit, live somewhere', *i?bə-* 'lie down; lie' : *i?bö-* 'lie', *ʔabə-* 'grasp; hold' : *ʔabo-* 'hold', *tīmnə-* 'get to know; know' : *tīmnö-* 'know', and probably also **tenə- ?* : *tenö-* 'think'. The simplex verbs (except *ʔabə-*) are zero-present-verbs. The *O*-derivates select *-LjA* as their present tense marker, *ʔabo-* may also select the *mA*-present. Some examples are given in (2a-d):

Past tense of *amnə-* vs. *amno-*:

- (2a) *i-bi dī šamnā-m amnə-bi samnak-tə*
 take-pst the spoon-acc sit.down-pst spoon-lat
 '[the mouse] took the spoon and sat down into it' (no. 1, KW: 88)

- (2b) *sīde ʔaktə nükke-zeŋ amno-bi ʔeje-gən*
 two old wife-pl live-pst forest-loc
 'two old women lived in the forest' (KW: 197)

Past tense of *iʔbə-* vs. *iʔbö-*:

- (2c) *iʔbe-ʔ*, *šüʔdä-le-m*. *iʔbä-bi*, *šüʔdä-bi*
 lie.down-imp fasten-fut-1sg lie.down-pst fasten-pst
 ‘„Lie down, I’ll tie you up.” He lied down, [the other one] tied him up.’ (no. 11, KW: 99)

- (2d) *măn* *balgaš-gən* *iʔbö-bje-m*
 I mud-loc lie-pst-1sg
 ‘I’ve been lying in the mud’ (KW: 7b)

The suffix *-(V)r* may be one more imperfectiviser, cf. the following example with the verb pair *ʔabə-* ‘grasp; hold’ : *ʔabər-* ‘hold’.

- (3a) *ine-m* *ʔabə-lja-m*
 horse-acc catch-prs-1sg
 ‘I catch the horse’ (KW: 13a)
- (3b) *men* *tažəʔ-m* *tīme-t-šəʔ* *ʔabə-r-ja-t*
 dog squirrel-acc tooth-ins hold-prs-3sg.oc
 ‘the dog holds the squirrel with its teeth’ (KW: 15a)

Joki (KW: 179f.) also makes mention of a frequentative suffix *-l*. The suffix *-ʔbdə* might originally have been a perfectiviser in so-called alternation verbs (see Klumpp 2002: 63). Imperfectivisers like *-NTə*, *-O* or *-Ōr* are never suffixed to Turkic loan verbs, an observation from which one may conclude that these suffixes were already unproductive in the prefinal phase of Kamas.

1.2.2 Aspectual auxiliaries

As a substitute for the loss of aspect derivation by suffixation we find in Kamas a range of aspectual auxiliaries, among them some of the aforementioned aspectually marked verbs. Kamas code-copied aspectual auxiliary constructions from neighbouring Turkic varieties. At least 16 different auxiliaries expressed imperfective (nontransformative) aspectual notions like durativity, iterativity, habituality or conativity, or perfective (transformative) notions like ingressivity (initiotransformative), resultativity (final-transformative) or momentaneousness and semelfactivity (momentaneous-transformative):⁵

1. <i>amnə-</i> ‘sit’ / ‘sit down’	nontransformative / initiotransformative auxiliaries
2. <i>iʔbə-</i> ‘lie’ / ‘lie down’	
3. <i>nu-</i> ‘stand’	nontransformative auxiliaries
4. <i>kandə-</i> ‘go’	
5. <i>mīn-</i> ‘go’	
6. <i>i-</i> ‘be’	

⁵ The verb *üzə-* ‘fall, move downwards’ (cf. Klumpp 2002: 223) is no longer considered an aspectual auxiliary; cf. Helinski (2004: 183).

7. <i>ü?</i> - 'send'	initiotransformative auxiliaries
8. <i>kojo</i> - 'stay'	
9. <i>u?</i> (<i>bdə</i>)- 'stand up'	
10. <i>ba?</i> (<i>bdə</i>)- 'throw away'	finaltransformative auxiliaries
11. <i>kun</i> - 'lead away'	
12. <i>kan</i> - 'go away'	
13. <i>šo</i> - 'arrive'	
14. <i>i</i> - 'take'	
15. <i>mĩ</i> - 'give'	
16. <i>sa?</i> <i>mə</i> - 'collapse'	momentaneous-transformative auxiliary

Figure 2: Kamas aspectual auxiliaries

The syntagmatic frame in which the auxiliaries could modify the aspectual properties of the main verb was a converb construction. In most cases the converb form of the main verb was the one in *-LA?* (for Kamas converbs see Klumpp 2002: 112–133). In some of the aspectual converb constructions the converb ending and the auxiliary stem were fused, thus yielding new aspectual suffixes, e.g. *par-lāndə-ga* ‘is returning’ < *par-la? kandə-ga* ‘returning goes’. The string *-lāndə-* is the result of a contraction of the converb ending in *-la?* and the auxiliary stem *kandə-*. The tense suffix always remained unchanged.

Another outcome of changes affecting aspectual auxiliaries was their lexicalization as aspectual adverbs. Auxiliaries 2, 12 and 13 are attested in this function, i.e. *i?bəle?*, *kalla?* and *šola?* (cf. Klumpp 2002: 315–324). Since an aspectual adverb could co-occur with an aspectual auxiliary, cf. example (4), aspectual adverbs should not be treated at the same level as auxiliaries. In the following discussion the presence of an aspectual adverb – as well as the presence of temporal adverbs like *ugandə* ‘always’ – is more or less neglected, i.e. a form like the one in (4) is simply treated as an instance of the finaltransformative past tense in *-LĀmbi*.

- (4) *i?bə-le? jado-zaŋ-bə te?-lām-bi-jə?*
lie-cv tent.pole-pl-1sg rott-ftf-pst-pl
‘my tent poles are rotten forever’ (song, KW: 87)

1.3. The structure of TA-forms

Since complex TA-forms consist of a tense marker attached to an aspectual auxiliary, the analysis in Figure 3 below makes use of the numbers for tense markers in Figure 1 and the numbers for auxiliaries in Figure 2. The two numbers are given in brackets, the numbers arranged along the vertical axis refer to the the number of the aspectual auxiliary, and the numbers arranged along the horizontal axis refer to the number of the tense marker, e.g. the analysis code of 2.3.7 *-LĀndəga* (like in the above mentioned form *parlāndəga* ‘is returning’ < *parla? kandəga*) is [4+5]. Absence of an aspectual auxiliary is marked by [0], e.g. *pa?bi* ‘cooked’: [0+1].

Two of the TA-forms consist of three components, namely 2.1.19 *-LA? mülle?bi* < *-LA? mül-le? i-bi* [5+6+1], and 2.1.21 *-LA? kunnāmbi* < *-LA? kun-na? kamb* [11+12+1]. In both cases the aspectual meaning of an auxiliary was reinforced by a second auxiliary: nontransformative *mīn-* ‘be going’ by nontransformative *i-* ‘be’ and finaltransformative *kun-* ‘lead away’ by finaltransformative *kan-* ‘go away’.

Figure 3 assembles 41 different TA-form types (22 preterite, 6 future and 13 present tense form types) which are the outcome of 35 different combinations of an aspect auxiliary and a tense marker. The reason for the higher number of TA-form types is that one and the same combination may have different surface forms, e.g. [6+1]: *-LAba(?)bi* ~ *-LA?bdəbi* ~ *-LA ba?bdəbi*. All surface forms are listed individually, with relatively frequent forms preceding relatively infrequent ones.

	[+1]	[+2]	[+3]	[+4]	[+5]	[+6]
[0+]	<i>-Bi</i>	<i>-LA / -Lə</i>	<i>-Lji</i>	<i>-LjA</i>	<i>-GA</i>	<i>-∅</i>
[1+]	<i>-LAmnəbi</i>					<i>-LA? amnə -LAmnə</i>
[2+]				<i>-LA?bəlje</i>		<i>-LA?bə</i>
[3+]					<i>-LA? nuga</i>	
[4+]	<i>-LĀndəbi</i>				<i>-Lagandəga -LĀndəga</i>	
[5+]	<i>-LA? mīm̄bi</i>				<i>-LA? mīnge</i>	
[6+]	<i>-Leibi -LA?bi</i>				<i>-LAgA</i>	
[7+]	<i>-LU?bi</i>	<i>-LU?lə</i>				
[8+]	<i>-LA? kojobi</i>					
[9+]	<i>-Lo?bdəbi</i>	<i>-LA? u?lə</i>				
[10+]	<i>-LA?bdəbi -LAba?bdəbi -LAba(?)bi</i>			<i>-LA?bljA</i>		
[11+]	<i>-LA? kumbi</i>	<i>-LA? kunnə</i>	<i>-LA? kunnji</i>			
[12+]	<i>-Lagambi -LĀmbi</i>					
[13+]	<i>-LA? šobi</i>					
[14+]	<i>-Leibi</i>					
[15+]	<i>-LA? mībi</i>					
[16+]	<i>-LA? sa?mābi</i>					
[5+6+]	<i>-LA? mülle?bi</i>					
[11+12+]	<i>-LA? kunnāmbi</i>					
[?+]	<i>-(O)?əbi</i>					

Figure 3: Kamas tense aspect forms

1.4. The meaning of TA-forms

The aspectual framework which allows towards the classification of TA-morphemes as nontransformative, initio-, final- or momentaneous-transformative is developed in Klumpp (2002: 159-169). Nontransformative means basically the same as imperfective, i.e. a situation without borders. Transformativity means the same as perfectivity and has three subtypes: Initiotransformative aspectuality means entrance into a situation and finaltransformativity means the end of a situation (possibly with a result). Momentaneous-transformativity is a special case where no initial and final border can be distinguished. The terminology goes back to Johanson (1971).

1.5. The frequency of TA-forms

1.5.1 Main predication types

The Kamas text corpus adds up to 811 predications.⁶ The proportions between main predication types – the different finite verb forms listed in fn. 3 above plus nominal predicates – are presented in Figure 4:

Predication type	Tokens 811	Relative frequency 100 %
Past tense forms	434	53.4 %
Future tense forms	54	6.6 %
Present tense forms	198	24.4 %
Imperatives	81	10 %
Nominal predicates	44	5.7 %

Figure 4: Proportions between main predication types in Kamas texts

1.5.2 TA-predications

Past, future and present tense forms taken together amount to 686 TA-forms, thereby covering 84.2 % of all predications. The prevalence of past tense forms (434 predications ending in *-Bi* or *-BjA*) is a consequence of the narrative bias of the texts.

The 54 future tense form tokens, i.e. predications in *-LA/-Lə* and *-Lji* are 7.9 % of the 686 TA-forms. A total of 198 present tense form tokens, i.e. predications in *-LjA*, *-GA* and *-Ø*, constitute a share of 28.9 % of the 686 TA-forms. Cf. Figure 5:

Predication type	Tokens 686	Relative frequency 100 %
Past tense (in <i>-Bi</i> ~ <i>-BjA</i>)	434	63.3 %
Future tense in <i>-LA/-Lə</i>	41	6 %
Future tense in <i>-Lji</i>	13	1.9 %
Present tense in <i>-LjA</i>	79	11.5 %

⁶ About ten elliptic predicates like „the girl:...” instead of „the girl said:...” remain out of consideration. Another form has been excluded from the database due to its uncertain form and meaning, namely *hendi* in *kāza ti hendi* ‘Rinde legt er (ins Feuer)’ (KW: 197).

Predication type	Tokens 686	Relative frequency 100 %
Present tense in <i>-GA</i>	50	7.3 %
Present tense in <i>-Ø</i>	69	10.1 %

Figure 5: Proportions between different tense forms in Kamas texts

Within the future tense predications those in *-LA/-Lə* prevail: 41 (76 %), i.e. 5.1 % of all predications, vs. 13 future tense predications in *-Lji* (24 %), which amount to 1.6 % of all predications. Within the present tense predications those in *-LjA* form the biggest portion: 79 (39.9 %), i.e. 9.7 % of all predications. Considering the restricted use of the present tenses in *-GA* and *-Ø* their frequency is surprisingly high: 50 instances of present tense in *-GA* (25.3 %) amount to 6.2 % of all predications, and 69 present tense predications in *-Ø* (34.8 %) even up to 8.5 % of all predications.

The following Figures 6 through 8 show proportions between different aspectual tense form tokens within the three tenses' past, future and present tense:

Predication type	Tokens 434	Rel. frequency 100 %
Unmarked past tense <i>-Bi ~ -BjA</i>	283	65.2 %
Transformative past tense <i>-LU?bi</i>	41	9.4 %
Finaltransformative past tense <i>-LĀmbi</i>	19	4.4 %
Finaltransformative past tense <i>-LAba(?)bi</i>	14	3.2 %
Nontransformative past tense <i>-LA?bi</i>	10	2.3 %
Finaltransformative past tense <i>-LA? šobi</i>	10	2.3 %
Initiotransformative past tense <i>-Lo?bdabi</i>	8	1.8 %
Finaltransformative past tense <i>-Leibi</i>	8	1.8 %
Initiotransformative past tense <i>-LA? kojobi</i>	8	1.8 %
Finaltransformative past tense <i>-LA? mībi</i>	7	1.6 %
Momentan.-transf. past tense <i>-LA? sa?mābi</i>	6	1.4 %
Finaltransformative past tense <i>-LA? kumbi</i>	4	0.9 %
Nontransformative past tense <i>-LĀndabi</i>	3	0.7 %
Nontransformative past tense <i>-Leibi</i>	3	0.7 %
Finaltransformative past tense <i>-LA?bdabi</i>	2	0.5 %
Initiotransformative past tense <i>-(O) ?abi</i>	2	0.5 %
Initiotransformative past tense <i>-LAmnabi</i>	1	0.2 %
Nontransformative past tense <i>-LA? mīm̃bi</i>	1	0.2 %
Nontransformative past tense <i>-LA? mīlle?bi</i>	1	0.2 %
Finaltransformative past tense <i>-LAba?bdabi</i>	1	0.2 %
Finaltransform. past tense <i>-LA? kunnāmbi</i>	1	0.2 %
Finaltransformative past tense <i>-Lagambi</i>	1	0.2 %

Figure 6: Proportions within past tense TA forms in Kamas texts

Predication type	Tokens 54	Rel. frequency 100 %
Unmarked future tense - <i>LA</i> / - <i>Lə</i>	38	70.4 %
Unmarked future tense - <i>Lji</i>	12	22.2 %
Transformative future tense - <i>LU?lə</i>	1	1.9 %
Transformative future tense - <i>LA? u?lə</i>	1	1.9 %
Transformative future tense - <i>LA? kunnə</i>	1	1.9 %
Transformative future tense - <i>LA? kunnji</i>	1	1.9 %

Figure 7: Proportions with future tense TA-forms in Kamas texts

Predication type	Tokens 198	Rel. frequency 100 %
Unmarked present tense - <i>LjA</i>	76	38.4 %
Restricted present tense - <i>GA</i>	34	17.2 %
Nontransformative present tense - <i>LA?bə</i>	29	14.7 %
Restricted present tense - <i>∅</i>	26	13 %
Nontransformative present tense - <i>LAmnə</i>	12	6.1 %
Nontransformative present tense - <i>LAgandəga</i>	5	2.5 %
Nontransformative present tense - <i>LĀndəga</i>	4	2 %
Nontransformative present tense - <i>LA? minge</i>	4	2 %
Initiitransformative present tense - <i>LA?bəlje</i>	2	1 %
Nontransformative present tense - <i>LA? nuga</i>	2	1 %
Nontransformative present tense - <i>LA? amnə</i>	2	1 %
Transformative present tense - <i>LA?bljA</i>	1	0.5 %
Nontransformative present tense - <i>LAGA</i>	1	0.5 %

Figure 8: Proportions within present tense TA-forms in Kamas texts

1.5.3 The most frequent TA-forms

Figure 9 lists the eight most frequent TA-forms (the first percentage is based on the total of 686 TA-forms, the second on the total of 811 predications). The relatively high frequency of -*LU?bi* (6 %) and -*LA?bə* (4.2 %) might explain why these forms survived in the idiom of the last speaker of Kamas, who did not use any other auxiliary-based aspect markers (cf. Klumpp 2002: 327f.).

Tokens	686 = 100 %	811 = 100 %	Predication type
283	41.3 %	34.9 %	Unmarked past tense - <i>Bi</i>
76	11.1 %	9.4 %	Unmarked present tense - <i>LjA</i>
41	6 %	5.1 %	Transformative past tense - <i>LU?bi</i>
38	5.5 %	4.7 %	Unmarked future tense - <i>LA</i> / - <i>Lə</i>

Tokens	686 = 100 %	811 = 100 %	Predication type
34	5 %	4.2 %	Restricted present tense -GA
29	4.2 %	3.6 %	Nontransformative present tense -LAʔbə
26	3.8 %	3.2 %	Restricted present tense -θ
19	2.8 %	2.3 %	Finaltransformative past tense -Lāmbi

Figure 9: Most frequent Kamas TA forms

1.5.4 Imperative predications

Predication type	Tokens 81	Rel. frequency 100 %
Unmarked imperative	75	92.6 %
Transformative imperative in -Li-(...)	4	4.9 %
Transformative imperative in -LA-(...)	1	1.2 %
Nontransformative imperative in -LAʔ amnə-(...)	1	1.2 %

Figure 10: Proportions within imperative forms in Kamas texts

1.5.5 The frequency of auxiliaries

	whole 216	preterite 150	future 4	present 62
[7] üʔ- 'send'	42 = 19.4%	41	1+1	–
[2] iʔbə- 'lie' / 'lie down'	31 = 14.4 %	–	–	29+2
[12] kan- 'go away'	21 = 9.7 %	19+1+1	–	–
[10] baʔ(bdə)- 'throw away'	18 = 8.3 %	14+2+1	–	1
[1] amnə- 'sit' / 'sit down'	15 = 6.9 %	1	–	12+2
[6] i- 'be'	15 = 6.9 %	10+3+1	–	1
[4] kanda- 'go'	12 = 5.6 %	3	–	5+4
[13] šo- 'arrive'	10 = 4.6 %	10	–	–
[8] kojo- 'stay'	8 = 3.7 %	8	–	–
[14] i- 'take'	8 = 3.7 %	8	–	–
[9] uʔ(bdə)- 'stand up'	8 = 3.7 %	8	–	–
[11] kun- 'lead away'	7 = 3.2 %	4+1	1+1	–
[15] mĩ- 'give'	7 = 3.2 %	7	–	–
[5] mĩn- 'go'	6 = 2.8 %	1+1	–	4
[16] saʔmə- 'collapse'	6 = 2.8 %	6	–	–
[3] nu- 'stand'	2 = 0.9 %	–	–	2

Figure 11: Frequent Kamas aspectual auxiliaries

Without [ʔ] in -(O)ʔəbi; mĩlleʔbi and kunnāmbi: one count for each auxiliary (under past).

1.5.6 Narration flow vs. quoted speech

A basic difference between the discourse types in the texts has been taken into account: The difference between narration flow (NF) and quoted speech (QS). In some cases the decision was not easy to make, e.g. in riddles. If a riddle has a verb in the 1. or 2. person singular, it was counted as an QS-form. According to the discourse type criteria the number of 686 TA-forms splits up into 501 forms attested in NF and 185 in QS. Of the 434 past tense form tokens, 378 (= 87.1 %) appear in NF and only 56 (12.9 %) in QS. Of the 54 future tense predications, nearly all appear in QS (52 = 96.3 %) vs. 2 (= 3.7 %) in NF. Among the 198 present tense predications the distribution between NF and QS is rather even: 121 present tense forms (= 61.1 %) appear in NF, and 77 (= 38.9 %) in QS.

For the other two predication types the proportions are as follows: All 81 imperatives appear within QS. Within the 44 nominal predicates 39 appear in QS and 5 in NF.

1.6. The examples

Examples are presented with glosses. If one example alone cannot represent all known functions of a specific TA-form, two or more examples are given. The glossings of the TA-forms in the examples deviate from the conventions in Klumpp (2002). While in the latter the glosses are interpretational, e.g. a nontransformative TA-form was glossed according to its contextual meaning as durative, conative and the like, the glosses in the present study only make use of the terms 'nontransformative', 'initio-', 'final-' and 'momentaneous-transformative'.

A guideline in choosing examples for presentation was to come close to creating minimal pairs, i.e. to present as many different TA-form types with one and the same verb as possible. In that respect, one of the best documented verbs is *am-* 'eat', cf. examples (5), (7), (18), (20), (28), (30), (34), and (37). Another recurring verb is *par-* 'turn around, return', cf. the passages in example (12) and (39).

2. The List

2.1 Past tense forms

2.1.1 Aspectually unmarked past tense in *-Bi*

Make-up: [0+1]. Tokens: 283 (248 in NF; 35 in QS) (65.2 % of all past tense forms, 41.3 % of all TA-forms and 34.9 % of all predications). Example (5) is an example of a remote past (narrative) taken from NF; (6) is an example of an immediate past, taken from QS.

- (5) *nükke paʔ-bi i am-bi*
 woman cook-pst and eat-pst
 'the woman cooked and ate' (no. 9, KW: 96)

- (6) *ĩmbi-m* *pi-le?* *mĩŋ-ge-l?*
 what-acc search-cv go-prs-2sg
 'What are you looking for?'
- kānā-n* *ko?bdo-bə* *i-žət-tə* *šo-bja-m.*
 khan-gen daughter-acc3sg take-inf-lat come-pst-1sg
 'I came to take the khan's daughter' (no. 2, KW: 89)

2.1.2 Transformative past tense in *-LU?bi*

Make-up: [7+1].⁷ Tokens: 41 (40 in NF; 1 in QS) (9.4 % of all past tense forms, 6 % of all TA-forms, and 5.1 % of all predications). Example (7) is an example with a momentaneous reading (see also *há?lu?bi* 'chopped' in example (11) below); (8) is an example with an ingressive reading (see also *parlu?bi* 'turned back' in example (12) below).

- (7) *tān* *aspa?-lə* *kō-lām-bi* *mān* *uja-m* *am-nu?-bi*
 you cauldron-2sg drie.up-3pf-pst I meat-1sg eat-3pf-pst
 'your cauldron dried up and ate up my meat' (no. 8, KW: 94)
- (8) *keŋ'ün* *güd'ər* *r'or-lu?-bi*
 name cry-3pf-pst
 'Keŋ'ün güd'ər started crying' (no. 8, KW: 94)

2.1.3 Finaltransformative past tense in *-LĀmbi*

Make-up: [12+1]. Tokens: 19 (13 in NF; 6 in QS) (4.4 % of all past tense forms, 2.8 % of all TA-forms, and 2.3 % of all predications).

- (9) *ami* *sima-t* *pāktə-la?* *sa?mə-bi,* *kü-lām-bi* *dī* *nükke*
 other eye-3sg burst-cv collapse-pst die-3pf-pst the woman
 'her other eye burst and the woman died' (KW: 197)

For another example see *kōlāmbi* 'dried up' in (7) above.

2.1.4 Finaltransformative past tense (with transitive verbs)⁸ in *-LAbā(?)bi*

Make-up: [10+1]. Tokens: 14 (11 in NF; 3 in QS) (3.2 % of all past tense forms, 2 % of all TA-forms and 1.7 % of all predications).

- (10) *ne-m* *esseŋ-də-žə?* *kut-labā?-bi*
 woman-acc children-3sg-ins kill-3pf-pst
 'he killed the woman together with her children' (no. 3, KW: 90)

For another example see *nünneba?bi* 'heard it' in example (17) below.

⁷ As suggested by E. Helimski (2004: 181f.), the origin of *-LU?* is not the auxiliary *u?bda-* 'get up', but *ü?* 'send'. The analysis in Klumpp (2002: 233–252) is obsolete. As also suggested by E. Helimski (2004: 184), two forms earlier analysed as instances of the auxiliary *i-* 'take', *sürertabi* 'drove away' und *tillabi* 'digged' (see Klumpp 2002: 302) now are treated as instances of strongly reduced *-LU?*.

⁸ With intransitive verbs the auxiliary *ba?bda-* 'throw' may also have a transitivizing function, cf. example (19).

2.1.5 Nontransformative past tense in -LAʔbi

Make-up: [6+1]. Tokens: 10⁹ (8 in NF; 2 in QS) (2.3 % of all past tense forms, 1.5 % of all TA-forms, and 1.2 % of all predications).

- (11) *dī* *ne* *nōrbə-lje:* *pūʔbdʔə-t!* *pūʔ-leʔ-bi.*
 the woman say-prs blow-imp.2sg.oc blow-ntf-pst
 dī *ne* *bajkkə-bə [...]* *həʔ-luʔ-bi*
 the woman neck-3sg chop-mtf-pst
 ‘the woman said: Blow it [the fire]! While he was trying to blow it the woman
 chopped his neck.’ (no. 3, KW: 90)

2.1.6 Finaltransformative past tense in -LAʔšobi

Make-up: [13+1]. Tokens: 10 (9 in NF; 1 in QS) (2.3 % of all past tense forms, 1.5 % of all TA-forms, and 1.2 % of all predications).

- (12) *dī* *koʔbdo* *par-luʔ-bi,* *par-laʔ* *šo-bi*
 the girl return-itf-pst return-cv come-pst
 mā-lja: *moʔ* *par-bja-l*
 say-prs why return-pst-2sg
 ‘The girl turned back, returned. He said: –Why did you come back?’
 (no. 10, KW: 97)

2.1.7 Initiotransformative past tense in -Loʔbdəbi

Make-up: [9+1]. Tokens: 8 (in NF) (1.8 % of all past tense forms, 1.2 % of all TA-forms, and 1 % of all predications).

- (13) *amnə-bi* *šamnak-tə* *peñə-loʔbdə-bi* *lʔga-n* *tāžə*
 sit.down-pst spoon-lat float-itf-pst river-gen downwards
 ‘[the mouse] sat down into the spoon and started floating down the river’ (no. 1,
 KW: 88)

2.1.8 (Directive) finaltransformative past tense in -Leibi

Make-up: [14+1]. Tokens: 8 (in NF)¹⁰ (1.8 % of all past tense forms, 1.2 % of all TA-forms, and 1 % of all predications).

- (14) *ular-də* *bokkul-lei-bi*
 sheep-3sg fasten-fff-pst
 ‘he fastened his sheep’ (no. 8, KW: 94)

2.1.9 Initiotransformative past tense in -LAʔkojobi

Make-up: [8+1]. Tokens: 8 (3 in NF; 5 in QS) (1.8 % of all past tense forms, 1.2 % of all TA-forms, and 1 % of all predications).

⁹ Among these forms is also *tīrlölebi* ‘was rolling’, cf. example (45) below, which earlier was analyzed as a finaltransformative with *i-* ‘take’ in Klumpp (2002: 302).

¹⁰ To this number belong also two tokens of *iʔleibi* ‘shot’, analyzed earlier as nontransformatives (habituals) (cf. Klumpp 2002: 217; cf. also Helimski 2004: 183).

- (15) *bazo?* *t'or-la?* *türlö-le?* *kojo-bi*
 again cry-cv roll.about-cv stay-pst
 'again he kept on crying and rolling about' (no. 8, KW: 95)

2.1.10 (Directive) finaltransformative past tense in -LA? *mibi*

Make-up: [15+1]. Tokens: 7 (6 in NF; 1 in QS) (1.6 % of all past tense forms, 1 % of all TA-forms, and 0.9 % of all predication).

- (16) *so* *ha-bi-jə?* *so-nə sar-bi-jə?* *ü?le?* *mī-bi-jə?* *bü-nə*
 raft make-pst-3pl raft-lat bind-pst-3pl send-cv give-pst-3pl water-lat
 'they made a raft, tied [them] onto the raft and put it afloat into the water'
 (no. 6, KW: 91)

2.1.11 Momentaneous-transformative past tense in -LA? *sa?mabi*

Make-up: [16+1]. Tokens: 6 (in NF) (1.4 % of all past tense forms, 0.9 % of all TA-forms, and 0.7 % of all predication).

- (17) *ke'tün güd'ər* *nün-neba?-bi u?-la?* *sa?mā-bi*
 name hear-ftf-pst get up-cv collapse-pst
 'Ke'tün Güd'ər heard it and jumped up' (no. 8, KW: 95)

For another example see *päktəla? sa?mabi* 'burst' in (9) above.

2.1.12 Finaltransformative past tense (with transitive verbs) in -LA? *kumbi*

Make-up: [11+1]. Tokens: 4 (2 in NF; 2 in QS). Example (18) has a resultative reading.

- (18) *šanambile* *am-na?* *kum-bi-jə?*
 indeed eat-cv lead.away-pst-pl
 'they really have eaten it up' (no. 8, KW: 95)

2.1.13 Nontransformative past tense in -L[̃]āndabi

Make-up: [4+1]. Tokens: 3 (in NF). Example (19) has a conative reading.

- (19) *kös* *bej-lāndā-bi* *šalguj amo-la?bdā-bi* *kös* *bü-nə* *üzə-bi*
 coal cross-ntf-pst blade burn-ftf-pst coal water-lat fall-pst
 'the [glowing] coal was crossing [the creek] when it burnt the blade of grass. The coal fell into the water' (no. 1, KW: 88)

2.1.14 Nontransformative past tense in -Leibi

Make-up: [6+1]. Tokens: 3 (in NF).¹¹

- (20) *ti* *nükke* *uja* *sil* *am-nei-bi*
 that woman meat fat eat-ntf-pst
 'that woman was eating meat and fat' (KW: 197)

¹¹ As suggested by E. Helimski (2004: 184) *arērlē ibi* 'died', analysed as an instance of *i-* 'take' in Klumpp (2002: 299) should be considered an instance of *i-* 'be'.

2.1.15 Finaltransformative past tense (with transitive verbs) in -LA?bdabi

Make-up: [10+1]. Tokens: 2 (in NF). For an example see *amola?bdabi* 'burnt' in (19) above.

2.1.16 Initiotransformative past tense in -(O)?abi

Make-up: [?+1].¹² Tokens: 2 (in NF).

- (21) *dī-zen* *am-žat-tən* *nago-(o)?a-bi*
 (s)he-pl.gen eat-inf-3pl be.absent-itf-pst
 'their food had run out' (no. 9, KW: 96)

2.1.17 Initiotransformative past tense in -LAMnabi

Make-up: [1+1]. Tokens: 1 (in NF).

- (22) *dī* *nükke* *büže* *ĩmbidəndə* *naga* *bazo?* *püjö-lamnə-bi*
 the woman man something-3pl-pcl isn't again be.hungry-itf-past¹³
 'everything that the woman and the man had was gone and they were starving again' (no. 9, KW: 97)

2.1.18 Nontransformative past tense in -LA?mĩmbi

Make-up: [5+1]. Tokens: 1 (in NF).

- (23) *dīgittə* *šo-bi* *dö* *nükke, paj-la?* *mĩm-bi,* *šo-bi.*
 then come-pst that woman cut.wood-cv go-pst come-pst
 'then that woman came, she had been wood-cutting, she came [back]' (KW: 197)

2.1.19 Nontransformative past tense in -LA?mille?bi

Make-up: [5+6+1].¹⁴ Tokens: 1 (in NF).

- (24) *dī-gən* *tunol-dala?* *mĩl-le?bi*
 it-loc galopp-cv go-ntf-pst
 'there [in the stepp] he was galloping around' (no. 6, KW: 93)

2.1.20 Finaltransformative past tense (with transitive verbs) in -LAba?bdabi

Make-up: [10+1]. Tokens: 1 (in NF).

- (25) *ami-m* *kut-la?* *ba?bdə-bi*
 other-acc kill-cv throw-pst
 'he had killed the other one' (no. 3, KW: 90)¹⁵

¹² In Klumpp (2002: 250) I suggested to analyse *nakō'obi* as consisting of a participle in -GA followed by *u?bi* 'got up'. This solution was rejected by Helimski (2004: 184). I follow him in leaving the form unanalyzed for the time being, but I stick to the initialtransformative interpretation.

¹³ In example (26) in Klumpp (2002: 179) the form is glossed as a durative past tense but the ingressive meaning (entrance into a durative situation) is mentioned later (op. cit.: 182).

¹⁴ In Klumpp (2002: 219) the form was not yet analysed as a TA-form containing two auxiliaries.

¹⁵ Example (25) is based on the manuscript form *āmi* [cancelled -m] *kuχna* [later: *kuχnaγabi*] *bakt²bi*.

2.1.21 Finaltransformative past tense in *-LA?kunnāmbi*

Make-up: [11+12+1].¹⁶ Tokens: 1 in (NF).

- (26) *urgāba askār-i-m paṇḍal-la? kun-nām-bi*
 grandfather stallion-pl-acc pursue-cv lead.away-ftf-pst
 'the bear drove away the stallions' (no. 2, KW: 89)

2.1.22 Finaltransformative past tense in *-Lagambi*

Make-up: [12+1]. Tokens: 1 (in NF).

- (27) *šü-t ku?bdo-lagam-bi*
 fire-3sg go.out-ftf-pst
 'his fire went out' (KW: 197)

2.2 Future tense forms

2.2.1 Aspectually unmarked future tense in *-LA / -Lə*

Make-up: [0+2]. Tokens: 38 (2 in NF; 36 in QS) (70.4 % of all future tense forms, 5.5 % of all TA-forms, and 4.7 % of all predications).

- (28) *ular-bə am-nə-dən*
 sheep-1sg eat-fut-3pl.oc
 'they will eat my sheep' (no. 8, KW: 95)

2.2.2 Aspectually unmarked future tense in *-Lji*

Make-up: [0+3]. Tokens: 12 (in QS) (22.2 % of all future tense forms, 1.7 % of all TA-forms, and 1.5 % of all predications).

- (29) *tar'ta bar'ta [...] p'el mal-bə mī-lji-m, p'el baj-bə mī-lji-m,*
 name half cattle-1sg give-fut-1sg half riches-1sg give-fut-1sg
ko?bdo-m mī-lji-m
 daughter-1sg give-fut-1sg
 'I will give half of my cattle and half of my riches and my daughter'
 (no. 2, KW: 90)

2.2.3 Transformative future tense in: *-LU?la*

Make-up: [7+2].¹⁷ Tokens: 1 (in QS).

- (30) *ši? ular-zaṇ-na? mǎn ular-bə am-nu?-lə-dən*
 you(pl) sheep-pl-2pl I sheep-1sg eat-mtf-fut-3pl.oc
 'your sheep will eat up my sheep' (no. 8, KW: 95)

¹⁶ In Klumpp (2002: 282) the form was not yet analysed as a TA-form containing two auxiliaries.

¹⁷ See fn. 7 above.

2.2.4 Transformative future tense in *-LA? u?lə*

Make-up: [9+2]. Tokens: 1 (in QS).

- (31) *mo-gəñi pǎ?-la? u?-lə-m*
 nest-lat-1sg sneak.in-cv stand.up-fut-1sg
 'I will sneak into my nest' (riddle 1, KW: 196)

2.2.5 Transformative future tense (with transitive verbs) in *-LA? kunna*

Make-up: [11+2]. Tokens: 1 (in QS).

- (32) *u?bdəl-gut buga-im kazar-im šejmü-t-še?*
 set.free-imp-2pl.oc bull-acc.pl wild-acc.pl mare-3pl-ins
l'uga mü?-le? kun-nə-dən
 to.death ram-cv lead.away-fut-3pl.oc
 'set the bulls free, the wild ones, they will ram [him] to death together with his mare' (no. 2, KW: 89)¹⁸

2.2.6 Transformative future tense (with transitive verbs) in *-LA? kunnji*

Make-up: [11+3]. Tokens: 1 (in QS).

- (33) *mǎn torə ine-n torə kunda to?la? kun-nji-m*
 I brown horse-gen brown mane beat-cv lead.away-fut-1sg
 'I will tear up [beat against]¹⁹ a brown horse's brown mane' (no. 4, KW: 91)

2.3 Present tense forms

2.3.1 Aspectually unmarked present tense in *-LjA*

Make-up: [0+4]. Tokens: 76 (49 in NF; 27 in QS) (38.4 % of all present tense forms, 11.1 % of all TA-forms, and 9.4 % of all predication).

- (34) *mi? bosta-dən nodə-n tamər am-nja-ba?*
 we own-3pl grass-gen root eat-prs-1pl
 'we eat our own grass roots' (no. 5, KW: 91)

2.3.2 Restricted present tense in *-GA*

Make-up: [0+5]. Tokens: 34 (13 in NF; 21 in QS) (17.2 % of all present tense forms, 5 % of all TA-forms and 4.2 % of all predication). Example (35) is an example from QS; example (36) is an example of a present tense form highlighting the appearance of a new discourse referent within a *Bi*-based narration flow:

- (35) *tān sagəš-šət i-ge-l*
 you brain-car be-prs-2sg
 'you are silly' (no. 4, KW: 91)

¹⁸ The form is taken from the manuscript: *u^{cb} tulgut buga^c iim kazarⁱ iim šejmüt^{še} turya mu^c ne* [originally: *mu^c le kunodun*] 'päästäkää sonnini vihaset tammojen kanssa do smerti stānga'.

¹⁹ Cf. the explanation in Klumpp (2002: 297).

- (36) *amnə-bi* *samnak-tə* *peñə-lobdə-bi* *t'äga-n* *täžə*
 sit.down-pst spoon-lat float-1tf-pst river-gen downstream
ku-bi-ndə *ma?* *nu-ga* *esseŋ* *šar-la?bə-jə?*
 see-pt-loc3sg tent stand-prs children play-ntf-pl
 '(The mouse) sat down into the spoon and floated down the river. When it looked
 around, there stands a tent and children are playing' (no. 1, KW: 88)

2.3.3 Nontransformative present tense in -*LA? bə*

Make-up: [2+6]. Tokens: 29 (19 in NF; 10 in QS) (14.6 % of all present tense forms, 4.2 % of all TA-forms and 3.6 % of all predications). See also *šarla?bəjə?* 'are playing' in (36) above.

- (37) *tān* *ija-l* *sil* *uja* *am-na?bə*
 you mother-2sg fat meat eat-ntf
 'your mother is eating fat and meat' (KW: 197)

2.3.4 Restricted present tense in -*Ø*

Make-up: [0+6]. Tokens: 26 (15 in NF; 11 in QS) (13.1 % of all present tense forms, 3.8 % of all TA-forms and 3.2 % of all predications).

- (38) *bospa?* *ej* *tīmne-be?*
 self-1pl not know-1pl
 'we don't know it ourselves' (no. 6, KW: 93)

2.3.5 Nontransformative present tense in -*LAmnə*

Make-up: [1+6]. Tokens: 12 (10 in NF; 2 in QS) (6.1 % of all present tense forms, 1.7 % of all TA-forms and 1.5 % of all predications).

- (39) *nagurgit* *t'ala-n* *dī* *šide aləbə-n* *boš* *ine-zeŋ-dən* *par-lāndə-ga-jə?*
 third day-gen the two hero-gen empty horse-pl-3pl return-ntf-prs-3pl
dī-ze-n *pi?ne-ttə* *sīri* *ine-zəbi* *par-la?* *amna*
 (s)he-pl-gen behind-abl3sg white horse-poss return-cv sit
 'On the third day the two heroes' empty horses are returning. Behind them returns
 [the hero] with the white horse' (no. 6, KW: 92)

2.3.6 Nontransformative present tense in -*Lagandəga*

Make-up: [4+5]. Tokens: 5 (4 in NF; 1 in QS) (2.5 % of all present tense forms, 0.7 % of all TA-forms and 0.6 % of all predications).

- (40) *il-əm* *bü* *kun-nagandə-ga-t*
 people-acc water lead.away-ntf-prs-3sg.oc
 'the water [river] is carrying away the people' (no.2, KW: 90)²⁰

²⁰ The form is taken from the manuscript: *üilīm buu kunna* [later: *kündəyat*] *χandəyat*.

2.3.7 Nontransformative present tense in -*LĀndaga*

Make-up: [4+5]. Tokens: 4 (3 in NF; 1 in QS). For an example see *parlāndagajə?* ‘are returning’ in (39) above.

2.3.8 Nontransformative present tense in -*LA?mĩnge*

Make-up: [5+5]. Tokens: 4 (2 in NF; 2 in QS).

- (41) *ohi?* *šüşkə* *tĩrlö-le?* *mĩŋ-ge*
 single shoulder.blade rotate-cv go-prs
 ‘a single shoulder blade is rotating’ (no. 8, KW: 94)

For another example see *pile? mĩngel* ‘you are looking for’ in (6) above.

2.3.9 Initiotransformative present tense in -*LA?bälje*

Make-up: [2+4]. Tokens: 2 (1 in NF; 1 in QS).

- (42) *mān* *üjü-nə* *il-gəndə* *bü-gə?* *bü-le?ba-lje-m*
 I foot-gen1sg down-loc3sg river-abl drink-1tf-prs-1sg
 ‘I’m going to drink from the river at my feet’ (no. 5, KW: 91)

2.3.10 Nontransformative present tense in -*LA?nuga*

Make-up [3+5]. Tokens: 2 (1 in NF; 1 in QS). Example (43) possibly has a mirative connotation.²¹

- (43) *mān* *šüjō-ndə* *sil* *uja* *edö-le?* *nu-ga*
 tent-gen inner part-loc3sg fat meat hang-cv stand-prs
 ‘Inside the tent there is fat and meat hanging down’ (no. 9, KW: 96)

2.3.11 Nontransformative present tense in -*LA?amnə*

Make-up: [1+6]. Tokens: 2 (in NF).

- (44) *ku-bi-n-dən* *büşter-le?* *amna*
 look-pt-loc-3pl laugh-cv sit
 ‘as they had a look he sat there laughing’ (no. 11, KW: 99)

2.3.12 Transformative present tense in -*LA?błjA*

Make-up: [10+4]. Tokens: 1 (in NF).

- (45) *šü-nə* *tĩrlö-le-bi* *ne* *sābaj?-le?-bi* *keđi* *ne?-le?b-lje-t*
 fire-lat roll-ntf-pst woman pull.out-ntf-pst away tear-1tf-prs-3sg.oc
 ‘he was rolling into the fire, the woman was pulling at him, finally she managed to pull him away’ (no. 8, KW: 94)

²¹ The idea of a mirative meaning comes from a similar construction in Turkic. In Klumpp (2002: 203ff.) it has not yet been discussed.

2.3.13 Nontransformative present tense in *-LAga*

Make-up: [6+5]. Tokens: 1 (in NF).

- (46) *dīgəttə šü-t kuʔbdo-la-ga*
 then fire-3sg die.out-ntf-prs
 'then his fire is about to go out' (KW: 197)

2.4 Imperative forms

2.4.1 Aspectually unmarked imperative

Make-up: [0+imp]. Tokens: 75²² (92.6 % of all imperative forms, and 9.2 % of all predications).

- (47) *urgāba šo-ʔ!*
 grandfather come-imp
 'grandfather, come!' (no. 1. KW: 88)
- (48) *amor-žə-baʔ!*
 eat-imp-1pl
 'let's eat!' (no. 8, KW: 94)

2.4.2 Finaltransformative imperative in *-Li(...)*

Make-up: [14+imp].²³ Tokens: 4.

- (49) *üʔ-li-t mīʔ ular-zaŋ-gəhıbeʔ! üʔ-li-t ular-lə!*
 let-ftf-imp2sg.oc we sheep-pl-lat1pl let-ftf-imp2sg.oc sheep-2sg
 'let it among our sheep, let your sheep!' (no. 8, KW: 95)

2.4.3 Finaltransformative imperative in *-LA(...)*

Make-up: [14+imp]. Tokens: 1.

- (50) *üʔ-le-ʔ mǎna!*
 let-ftf-imp2sg I-acc
 'Let me go!' (no. 11, KW: 99)

2.4.4 Nontransformative imperative in *-LAʔ amnə(...)*

Make-up: [1+imp]. Tokens: 1. Example (51) from a prayer has a habitual meaning.

- (51) *bü-tü-n eje-t mǎna t'uksu sīrer-leʔ amnə-gu-bə²⁴ sīgen*
 water-land-gen host-3sg I-lat towards drive-cv sit-imp-3sg.oc maral
kura-bə...
 male-acc3sg
 'the earth ghost should constantly drive maral deer towards me'
 (prayer 2, KW: 100)

²² Eight out of these 75 imperative tokens occur with *kallaʔ*; cf. Klumpp (2002: 320–322).

²³ These forms haven't been analysed as auxiliary constructions in Klumpp (2002). Instead *üʔlə-* was regarded a stem derived from *üʔ-* 'send'.

²⁴ In Klumpp (2002: 177) this form was analysed as *amnə-gu-bə-a* with a question particle at the end.

ABBREVIATIONS

abl	ablative case	lat	lative case
acc	accusative case	loc	locative case
ant	anterior	mtf	momentaneous-transformative
car	caritive (derivational)	ntf	nontransformative
cv	converb	oc	objective conjugation
des	desiderative (deverbal derivation)	pcl	particle
ftf	finaltransformative	pl	plural
fut	future tense	poss	possessive adjective
gen	genitive case	prs	present tense
imp	imperative	pst	past tense
inf	infinitive	pt	participle
ins	instrumental case	qp	question particle
itf	initiotransformative	sg	singular

REFERENCES

- Donner, Kai: *Kamas Manuscripts* (Texts, Grammar, Dictionary). Archive of the Finno-Ugric Society, Helsinki
- Helimski, Eugen 2004: Rezension Klumpp, Gerson: Konverbkonstruktionen im Kamassischen, *FUM* 26/27, 167–190.
- Joki, Aulis J. 1944: *Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik* = *LSFU VIII*
- Johanson, Lars 1999: Typological notes on aspect and actionality in Kipchak Turkic, in Abraham, W. & Kulikov, L. (eds): *Tense-Aspect, Transitivity and Causativity*. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov, Amsterdam – Philadelphia, Benjamins, 171–184.
- Johanson, Lars 1971: *Aspekt im Türkischen* = *AUU. Studia Turcica Upsaliensia I*
- Klumpp, Gerson 2002: *Konverbkonstruktionen im Kamassischen* = *VDSU 58*
- Klumpp, Gerson 2001: Alte Negation und neue Tempora im Kamassischen, in Eichner, Heiner et al. (Hgg.): *Fremd und Eigen*. Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz. Wien, Edition Praesens, 115–28.
- KW = Joki 1944.
- Künnap, Ago 1978: *System und Ursprung der Kamassischen Flexionssuffixe. II. Verbalflexion und Verbalnomina* = *MSFOu 164*

ХАНТЫЙСКО-СЕЛЬКУПСКИЕ МЕЖЭТНИЧЕКИЕ СВЯЗИ В БАССЕЙНЕ ВАСЮГАНА

ЗОЛТАН НАДЬ

Печ, Венгрия

Об отношениях между васюганскими хантами и нарымскими селькупам можно говорить на двух уровнях: объективно, используя методы сопоставительного анализа культур, или субъективно, изучая самоопределение некоторых индивидуумов.

Также на двух уровнях можно говорить и о том, почему я выбрал именно данную тему. Объективной причиной можно считать тот факт, что настоящая тема является самой важной проблемой в системе межэтнических отношений в бассейне р. Васюган и поэтому интересует меня больше всего. Данную проблему изучали многие исследователи, я назову только некоторых из них: Г. И. Пелих (1972), З. П. Соколова (1983), Н. В. Лукина (1972). Надеюсь, что по данному вопросу я смогу добавить некоторые новейшие материалы, изложенные в статье. Субъективной причиной выбора этой темы является то обстоятельство, что во время моего пребывания в г. Томске я вел многочисленные беседы по данному вопросу с этнографом Томского областного краеведческого музея Н. А. Тучковой, и эти разговоры не позволили мне потерять из виду данную тему.

1. Ханты и селькупы на Васюгане

Тесную связь двух народов в данном ареале подтверждают топонимические и этнонимические курьезы, причину появления которых часто бывает сложно объяснить. Например, в XIX–XX вв. территории, населенные хантами, упоминались на картах и в официальных документах под селькупскими названиями, а территории, населенные селькупам, имели названия на хантыйском языке. Так, инородческая волость в низовьях Васюгана, где жили васюганские селькупы, называлась Ларьятская, названием, которое однозначно происходит от хантыйского словосочетания *lar jaχ* – ‘народ с лугов’. Однако приток Васюгана р. Нюролька, населенная ныне хантами, именуется по-хантыйски *ñorəm joyon* – ‘болотная река’, и это примечательно, так как ханты называют селькупов ‘болотным народом’ – *n'orəm jaχ*. Но васюганские ханты называют ‘болотным народом’, ‘народом болотной реки’ не только селькупов, но и нюрольских хантов, проживающих на р. Нюрольке, которых они еще называют ‘самоедским народом’.

‘народом самоедской реки’ – *jaran jaχ, jaran joχon jaχ*. Особенно интересной данная связь становится в свете того, что значения слов *lar* и *horam* весьма близки друг другу.

Подобным же образом, река Тым, населенная селькупам, дала наименование подгруппе ваховских хантов, близких васюганским хантам – *Tym jaχ*. Н. В. Лукина обращает внимание на то, что ханты, появившиеся на Вахе довольно поздно, по всей вероятности вытеснили оттуда аборигенов-селькупов. Движение хантов с запада на восток привело к заселению ими Лумпокольской (на Оби) инородческой волости (ныне Александровский район Томской области) и бассейна р. Вах (Лукина 1972). Несмотря на то, что переселение шло через нижнее течение р. Васюган, на территории восточнее впадения р. Нюрольки остались селькупы. З. П. Соколова предполагает, что территория Ларьятской волости еще в XVIII в. имела смешенное хантыйско-селькупское население, и это, на ее взгляд, объясняет хантыйское происхождение названия волости (Соколова 1983: 81). Однако никаких доказательств в подтверждение данной гипотезы автор не приводит, поэтому ее сложно принять или опровергнуть. Также трудно объяснить, почему ханты, считающиеся экспансивней селькупов, были вытеснены с данной территории, и во второй половине XIX в. население Ларьятской волости фиксируется почти исключительно как селькупское (остяко-самоедское).

Миграция хантов на восток доказывается, видимо, и тем, что в верхнем и среднем течении Васюгана, населенном хантами, ими были заимствованы или калькированы селькупские топонимы: например, название поселка *Катылга* происходит от селькупского гидронима со значением ‘еловая река’ (параллельное хантыйское название – *Kolon jaχ puχol* ‘еловая река деревня’. Кроме того, в Васюганской волости есть названия населенных пунктов, которые повторяются в волостях, населенных селькупам, как, например, *Калганак* на р. Чижапке, относящейся к Чижапской волости, расположенной, как и Ларьятская волость, в бассейне Васюгана. Юрты Калганак в верховье Васюгана имели и хантыйское название *Kulon jiye puχol* – ‘рыбная река деревня’, которое являлось калькой селькупского: предполагаемая этимология селькупского названия: *kol-kyn-ak* ‘устье рыбной реки’ (Яковлев – Камалетдинова 1996: 362).

Миграционные процессы, как правило, приводят к смешению и частичной ассимиляции народов. Так, по всей вероятности, и произошло на Васюгане: хантыйское и селькупское население в бассейне Васюгана, вероятно, следует считать смешанным. Возможная ассимиляция может являться причиной того сходства, которое было отмечено Н.В. Лукиной: она выявила сходство между тамгами данных народов в XVII в., опубликованными Ю. Б. Симченко: тамгой селькупов яв-

ляется выдра, которая отличается только формой хвоста от тамги васюганских хантов в виде бобра. (Лукина 1972: 88–89.)

Возвращаясь к нашему примеру – населенным пунктам *Катылга* и *Калганак* – следует отметить, что часто сами ханты употребляют их селькупские названия, несмотря на то, что существуют и хантыйские названия. Увеличивается значение этого факта тем, что территория, где находится поселок Катылга, и район Васюгана, где расположен поселок Калганак, представляют собой и религиозные центры. Васюганские ханты, по мнению исследователей, состоят из трех брачных групп (Лукина – Кулемзин 1976), и у каждой группы был свой культовый центр. Один из этих трех центров находился рядом с юртами Озерными, на полуострове *Päi Imi*, второй – в Катылге, а третий – рядом с поселком Калганак.

Все вышесказанное любопытно, но пока не поддается однозначной интерпретации. Тем не менее, напрашивается серьезный этноисторический вывод: две из трех групп васюганских хантов в своем происхождении имеют тесную связь с селькупам.

Связь двух народов подтверждается также архивными материалами. По данным метрических книг до 1919 года васюганские селькупы и ханты постоянно заключили браки между собой. Этот вывод не совпадает с мнением З. П. Соколовой, считавшей, что васюганские ханты представляют собой эндогамную группу, так как пропорция внутренних браков у них достигает 95% (Соколова 1976: 27). Этому, однако, противоречат данные метрических книг XIX – начала XX вв., хранящихся в архиве Администрации Каргасокского района, куда административно в настоящее время входит весь бассейн р. Васюган. В церковных метрических книгах представлены сведения по Васюганской волости с 1841 г. (сначала неполно, а позже все более репрезентативно) до 1919 г., и можно найти записи практически за полстолетия. По моим подсчетам, только 71,5 % из 339 браков носили эндогамный характер, а 28,5 % – были заключены с представителями других народов, причем чаще всего – с селькупам (42 % смешанных браков), несмотря даже на все более возрастающее проникновение сюда русского населения с конца XIX в. Благодаря хантыйско-селькупским бракам на территории, заселенной васюганскими хантами, жили и селькупы: в Калганке в 1897 г. (8 семейных хозяйств) – 2 селькупа и 62 ханта, а в целом в Васюганской волости в тот год проживало 9 селькупов, тогда как хантов было 586 (Патканов 1911).

На тесную связь этих двух народов указывает также и то, что существует целый ряд одинаковых фамилий, которые были в употреблении у хантов и селькупов Васюгана: Айдаровы, Кучуговы, Сельмановы, Миткины, Тейковы; фамилии Пачелковых, Сельмановых совпадают с такими же фамилиями тымских селькупов; Тагаевы встречаются как васюганские ханты, как обские (ласкинские)

селькупы и как селькупы р. Кёнга (на Кёнге даже был в XIX–XX вв. населенный пункт Тагаево-карамо) (Тучкова 1999).

Брачные связи между двумя народами отражены и на уровне эпического фольклора. Н. П. Григоровский записал рассказ о самой важной хантыйской богине *Päi Imi*. В этом рассказе сестра богини ушла искать себе мужа на Тым, населенный селькупам, и больше не вернулась (Григоровский 1884: 34–35). Мотив поиска супруга на р. Тым наблюдается и в другом тексте, записанном Н. П. Григоровским в связи со святым местом хантов, которое ныне называется Шайтанский Мыс (на Среднем Васюгане). В этом рассказе богатырь васюганских хантов хотел жениться на служанке дочери Солнца, которая жила на Тyme, но дочь Солнца сама полюбила богатыря и стала препятствовать их браку, устроив за ними погоню, и в итоге превратила их в камни (Григоровский 1884: 21–22). Точно такой же сюжет был позже записан на селькупском языке в поселке Нельмач на р. Парабель от сказительницы-селькупки, родившейся на р. Кёнге (Сказки на-рымских селькупов 1996: 99–106).

Изучая эпические традиции васюганских хантов, мы встречаемся не только с мотивом поиска супруга в селькупских землях, но и с мотивом враждебности хантов к селькупам. Самый известный богатырь нижнего течения Васюгана – *Anka'la*, предок хантыйской семьи Ангалиных – сражался с „обским народом”, селькупам. По одному рассказу, селькупы украли его ребенка и вернули только тогда, когда богатырь собрал своих воинов и стал угрожать похитителям войной. По другому рассказу селькупы напали на него, и он спасся от них, уплыв под водой. Его жена, которую украли, оставила секретные знаки, благодаря которым богатырь ее спас и в то же время убил похитителей-селькупов (Лукина 1980: 95).

Эти рассказы, несомненно, связаны с тем фактом, что заселение территории Привасюганья васюганскими хантами произошло довольно поздно, а коренное селькупское население было постепенно оттеснено на восток. Известен и тот факт, что кодские ханты, заключив союз с русскими, участвовали в разгроме Сургутского (Бардаковского) княжества и княжества Пегай Орда, объединяющего нарымских селькупов. Названный союз, вероятно, поддержали и васюганские ханты. Обоими фактами подтверждается враждебность и противостояние васюганских хантов и селькупов.

На Васюгане были записаны от информантов-хантов рассказы, в которых упоминалось о прибытии русских (тексты о Ермаке), и одновременно о конце их богатырской эпохи (Калинина 1956–1958, т. II: 341–345; Лукина 1990: 179, Кулемзин – Лукина 1978: 40.) Стоит подчеркнуть, что в этих рассказах русские никогда не играют негативную роль, они появляются как союзники хантыйских

богатырей. Эти рассказы описывают битвы между русскими и селькупам, при этом ханты остаются на стороне русских, как это и было в реальности. В фольклоре русские войска олицетворяются Ермаком, который в действительности никогда не добирался до Васюгана, а его врагом-селькупом был Нарымский богатырь.

Сходство между хантами и селькупам в материальной культуре и образе жизни является весьма значительным, но мне бы не хотелось об этом здесь подробно говорить. В научной литературе много раз были проанализированы связи между этими народами в области духовной культуры и фольклора. Обычно исследователи отмечают сходство сюжетов о небесной охоте на шестиногого лося, в связи с чем созвездие Большой Медведицы и ханты, и селькупы именуют 'Лось' или 'Большой лось' (Кулемзин – Лукина, 1978: 15; Томилов 1992: 166–173; Чепреги: 2; Мифология селькупов, 2004: 238–239). Также близкими по содержанию являются сюжеты о борьбе злого великана и доброго трикстера - у васюганских хантов Сэвэс и Альвали, а у селькупов Пёнэгуссэ и Итте (Мифология хантов 2000: 106–107, 219; Мифология селькупов 2004: 127–134, 248–254). Некоторая функциональная близость наблюдается между женским образом демона Порне у хантов и Пажинэ-людоедки у селькупов (Мифология хантов, 2000: 203–204; Мифология селькупов 2004: 230).

Наряду с этими часто упоминаемыми фактами, я считаю важным обратить внимание на то, что религиозные связи между хантами и селькупам наблюдались не только в области мифологии, но и в религиозной практике. В 1882 году венгерский исследователь Карой Папай ездил по Васюгану, и в своих полевых записях, говоря о священном месте рядом с Васюганским, он приводит информацию о том, что хантыйский бог *Камень-Старик* был тесно связан с богами другого священного места (по всей вероятности селькупского) – с *Каменной Старухой* и ее сестрой, культовый центр которых был рядом с селом Киндал (Папай 1882: 362, 367)

С точки зрения религиозно-культовых связей особый интерес представляет каталог священных мест, который К. Папай составил на основе информации, полученной от ханта, живущего недалеко от устья Нюрольки. Им были перечислены самые важные священные места Нарымского Приобья (к сожалению, не известно, отвечая на какие вопросы и в связи с чем информант дал этот перечень). После трех хантыйских священных мест он упоминает селькупские священные места. По этим данным вырисовывается, где именно находились важнейшие священные места южных селькупов: место на Васюгане около юрт Варгананджиных было посвящено 'Духу-шубе-ростом-с-соболя', в устье Чижепки – 'Духу-поставившему-300-запоров', в Наунаке на Васюгане – 'Духу-с-семью-

ремнями', у впадения Васюгана в Обь – 'Духу-в-виде-лисы', у впадения Кети в Обь – 'Духу-Женщине-поставшей-волосы-живого коня', на противоположном обском берегу от места впадения р. Парабели в Обь около юрт Ласкиных – 'Женщине-творящей-небольших-зверей'. У устья Чулыма было священное место с трудно поддающимся интерпретации названием (вероятно, 'пост-в ущелье-белого-камня'). В истоках Чулыма было священное место, где почитали 'Женщину-со-стороны-моря-с-черной-водой', которая упоминалась К. Папаи еще и под другим именем – 'Женщина-город'.

Ниже по Оби от устья Васюгана также было отмечено несколько культовых мест: на Оби в пос. Киндал находилось место, посвященное 'Каменной Старухе', у впадения Тыма – 'Мужчине-превратившемуся-в птицу', а около юрт Напас на Тыму – 'Мужчине, превратившемуся в собаку'; кроме того, у Напаса и в деревне Каминские были еще священные места с незафиксированными названиями. В конце каталога перечисляются два хантыйских святых места на Югане, а последнее упоминаемое им культовое место уже невозможно определить из-за неразборчивости текста рукописи (Папаи 1882: 359–365). Без преувеличения можно сказать, что несмотря на плохое качество записей К. Папаи (он делал их на нескольких языках и в некоторых случаях скорописью), этот перечень культовых мест Нарымского края имеет уникальное историческое значение.

Из материалов К. Папаи следует, что ханты и селькупы посещали священные места, знали и уважали богов друг друга. Хант, от которого был записан перечень священных мест, называл селькупские культовые объекты селькупским словом *kvodarku*, но самих богов во всех случаях называл по-хантыйски. Из записей видно, что он часто обращал внимание К. Папаи на то, что там живет народ, говорящий на другом языке. Соответственно этому, он обращал внимание исследователя на соответствие хантыйского выражения *jun̄ki-möŋki-tayä* «место духов» и селькупского *kvodarku*, а хантыйское слово *jun̄k* он переводил как *lo, loš*. С таким переводом информанта можно согласиться и сегодня.

2. Самоназвание и идентичность васюганских хантов и селькупов

В том случае, если наше исследование расширить на более субъективную область – область этнической идентичности, то, говоря о связях хантов и селькупов, нельзя не упомянуть и о том, что и тех, и других до 1930-х гг. в официальных документах, как и в ранней этнографической литературе, называли этнонимом *остяк*. Хорошо известно, кроме того, что кетов также называли *енисейскими остяками*, селькупов – *остяками-самоедами*, или *нарымскими остяками*, а ляпинских манси – *ляпинскими остяками* (Этнография народов СССР 1958).

Однако эту картину предстоит детализировать применительно к васюганским хантам. Названия, применявшиеся к ним, создают хаотичную картину. Ранняя научная литература упоминает их под именем *остяков*, так же как и селькупов, живущих на территории Нарымского края (см., например, Сирелиус 1983). Современная литература уже называет их *хантами*, отделяя от *селькупов* (см., например, Кулемзин, Лукина 1977); но если обратиться к официальным документам, где употребляются наименования аборигенных этносов данного региона, то предстанет совершенно иная картина.

Сегодня в официальной статистике селькупами считается большая часть васюганских хантов: по статистике Администрации Каргасокского района, в 1998 году в районе жило всего 1116 аборигенов, из них у 799 человек в паспортах в графе „национальность” указано, что они – *селькупы*. Данное название употребляется с середины 1970-х годов, когда паспорта старого образца были заменены новыми, „красными”. Поскольку селькупы составляют большую часть аборигенного населения севера Томской области, то на всех коренных жителей чиновники паспортной службы Каргасокского района в административном порядке распространили этноним «селькуп», не вдаваясь в тонкости межэтнической дифференциации. Проявив такую безграмотную активность, они усложнили и без того непростую ситуацию в данном регионе. Местные жители такое изменение своей национальности восприняли нелегко. Некоторые возмущались, один из них вспоминает, как высказал свое недовольство, получив новый паспорт: „Что это за селькуп? Я всегда был остяком”. Ответ был угрожающим: „Ты слишком много знаешь!!!”

Неизвестное до того момента название *селькуп*, которое для васюганских хантов и сегодня является малопонятным, устойчиво вызывает у них неприязненное отношение и провоцирует комические ситуации, благодаря его народной этимологизации. По мнению одного ханта, *селькуп* – это сокращение от „сельский покупатель”, а среди анекдотов другой семьи бытует следующая история:

„Когда меняли паспорта, превратили нашу национальность в селькупскую. Мы еще никогда не слышали это слово, понятия не имели, что оно означает. Я пошел в библиотеку и посмотрел его в словаре. Там сказано: «Остяк-самоед». Весь вечер мы смеялись с Петро, что мы самоеды, людоеды, остяки-людоеды.”

(В основе истории лежит распространенная народная этимология, по которой *самоед* означает *людоед*).

До появления в паспортах названия *селькуп* жителей Каргасокского района – и селькупов, и хантов – обычно официально считали *остяками*. Мой хозяин-хант, будучи по паспорту селькупом, в метрической книге был записан как ребен-

нок-остяк семьи *остяцкой* национальности. После принудительного внедрения названия *селькуп* только в единичных случаях некоторым в официальных документах удалось зарегистрироваться под этнонимом *остяк*, и по данным 1998 года в районе все-таки проживает 17 остяков. При этом название *остяк* широко употребляется в разговорной речи: так ханты продолжают называть сами себя, так же их называют все люди не-хантыйской национальности, живущие с ними на одной территории.

Данные 1999 г. по пос. Новый Васюган сообщают, что из 3226 жителей к аборигенному населению относятся всего 108 человек, из них 62 селькупа, 28 хантов, 17 остяков и один юганец (Список народов Севера 1999). Однако по моим данным, полученным из устных бесед со многими местными жителями, все аборигены в данном населенном пункте на самом деле ханты.

Еще более сложной окажется картина, если мы затронем проблему самоназвания васюганских хантов. В данном случае принципиальным становится вопрос, на каком языке хант говорит о себе. На хантыйском языке все называют себя *kantay jaχ*, что является вариантом названия *хант* в васюганском диалекте. Но если они говорят по-русски, то никогда не называют себя *kantay jaχ* или *hanti*, а только *остяками*. Наперекор научному мнению, согласно которому считается, что для них название *остяк* унижительно, они гордо и сознательно носят его. При этом, говоря по-русски, они могут употребить и название *ханты*, но они понимают под ним прежде всего хантов, живущих на соседних территориях – в Ханты-Мансийском автономном округе, и часто произносят его в виде словосочетания *ханты-манси* (такое соединение слов «на слуху» благодаря средствам массовой информации).

Название же *остяк* васюганские ханты применяют не только к себе самим, но порой употребляют этот этноним весьма широко – как обобщенное название всех малых коренных народов Севера („всякие остяки”), а в более узком понимании включают в него, помимо самих себя, селькупов Томской области. Это отчетливо видно тогда, когда они хотят назвать другие этнические группы, отличные от своей. Они могут употребить название *обские остяки*, но если спросить у них хантыйское название, то тогда информанты демонстрируют различие двух групп обских остяков: александровских хантов они называют *Ās jaχ* – ‘обский народ’, а селькупов *ĥorom jaχ* ‘болотный народ’.

То, как васюганские ханты употребляют название *остяк*, показывает, что, с одной стороны, они приняли употребление этого термина из русского языка, а с другой стороны, не считают языковой признак решающим при номинации. Несмотря на то, что васюганские ханты понимают речь юганских (хотя и с большим трудом), они считают их другим народом; напротив, кардинально отличающихся

по языку селькупов они считают практически единым с собой народом: „Такие же остяки, как и мы, только язык не понимаешь”. В таком толковании более важную роль играет то, что они живут в бассейне одной реки, чем тождество языков, и что их культуры в большей мере похожи друг на друга, чем культура васюганских хантов на культуру юганских хантов.

Такое положение с самоназванием и с самоидентификацией, оказывающееся хаотичным, создает проблемы не только для исследователей, но и для самих жителей Привасюганья. Нередки случаи, когда они стараются выяснить свою этническую принадлежность в разговорах между собой. Например, ярко демонстрирует это стремление следующий отрывок беседы, который происходил между образованной ханткой и ее мужем, не имеющим образования:

- „Я по паспорту селькупка.
- А я не селькуп, я остяк. Я остяк!!!
- Какой ты остяк, если я хантка!
- Да, я kantay ku!”

(т.е. при определении национальности жена в начале разговора употребила официальный вариант (как по паспорту), а потом исправилась и употребила название, которое используется в научной литературе; но для мужа полную определенность давало лишь самоназвание на родном языке).

3. Итоги

В данной статье я не претендовал на большее, чем только обратить внимание на весьма тесную связь васюганских хантов и нарымских селькупов и предпринять попытку дать этой связи некоторые объяснения. Этот вопрос изучали многие исследователи до меня, и потому я видел свою задачу прежде всего в том, чтобы ввести в научный оборот некоторый дополнительный материал, собранный мною в полевых условиях в Каргасокском районе Томской области в 1990-е гг.

Упомянутые топонимические аномалии данной территории подталкивают к определенным этноисторическим выводам, в том числе к выводу относительно происхождения некоторых групп васюганских хантов. Были рассмотрены также данные метрических книг относительно брачных отношений между двумя народами, а также свидетельства васюганско-хантского фольклора. Приведенные в докладе ранее не публиковавшиеся данные К. Папай свидетельствуют о интенсивных хантыйско-селькупских связях в сфере религии, демонстрируют высокую осведомленность и взаимное уважение к священным местам друг друга. В конце доклада затронута проблема употребления этнонимов и подчеркнута амбивалентность самоидентификации васюганских хантов. Рассмотрение всей этой проблематики я не считаю ни исчерпанным, ни даже доведенным до определен-

ной логической черты, и напоминаю о субъективной цели, названной в начале статьи - желание поддержать нить разговора.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Григоровский, Н. П. 1884: Описание Васюганской тундры, in *Записки Западносибирского отдела Русского Географического Общества*, том VI. Томск
- Калинина, Л. И. 1956–58: Материалы по топонимике и языку коренного населения Васюгана. Архив Лаборатории языков народов Сибири. in *Угорские языки (хантыйский)*. I–V. Томск [рукопись]
- Кулемзин, В. М. – Н. В. Лукина 1977: *Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX. вв., Этнографические очерки*. Томск
- Кулемзин, В. М. – Н. В. Лукина (ред.). 1978: *Материалы по фольклору хантов*, Томск
- Лукина, Н. В. (ред.), 1990: *Мифы, предания, сказки хантов и манси*, Москва
- Лукина, Н. В. 1972: Об этнических связях васюганско-ваховских хантов, in *Материалы по этнографии Сибири*, Томск, 67–92.
- Лукина, Н. В. 1980: *Культовые места хантов р. Нюрольки = Вопросы этнокультурной истории Сибири*, Томск, 92–99.
- Лукина, Н. В. – В. М. Кулемзин 1976: Новые данные по социальной организации восточных хантов, in *Из истории Сибири*. Вып 21., Томск, 232–240.
- Мифология селькупов* 2004, Томск
- Мифология хантов* 2000, Томск
- Rápai, Károly 1882: *Vogulok, osztjások, zürjének és szamojédok*, EA3751 [рукопись]
- Патканов, С. К. 1911: *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.)*, Санкт-Петербург. Т.2. Тобольская, Томская и Енисейская губернии
- Пелих, Г. И. 1972: *Происхождение селькупов*, Томск
- Сирелиус, У. Т. [Sirelius U. T.] 1983: *Reise zu den Ostjaken*, Helsinki.
- Сказки нарымских селькупов* 1996, Томск
- Соколова, З. П. 1976: *Страна Югория*, Москва
- Соколова, З. П. 1983: *Социальная организация хантов и манси в XVII-XIX. вв., Проблемы фратрии и рода*, Москва
- Список народов Севера* 1999, in Архив администрации села Новый Васюган.
- Томилов, Н. А. 1992: Астральные представления нарымских селькупов, in *Ранние формы религии народов Сибири*, Санкт-Петербург, 166–173.
- Тучкова, Н. А. 1999: *Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX – XX вв.)* [рукопись]
- Чепреги, Марта [Csepregi Márta]: *A jávorszarvas-mítosz az obi-ugor folklórban*, [рукопись]
- Этнография народов СССР*. Народы Сибири и Севера. Малые народы Севера. 1958, Москва

Яковлев, Я. А. – З. С. Камалетдинова 1996: Географические названия Каргасокского района. Что они означают? in *Земля каргасокская*. Сборник научно-популярных очерков, Томск, 296–320.

LEXICAL CATEGORIZATION OF PROPERTY CONCEPT WORDS IN THE SAMOYEDIC LANGUAGES

SÁNDOR SZEVERÉNYI

Budapest, Hungary

In this paper I try to find some grammatical factors of motivation for lexical categorization of property concepts in Nganasan and in Tundra Nenets. I am looking for some grammatical and semantic reasons for different lexical categorizations of adjectivals in these languages. In the first part of the paper I show the typological and theoretical background of my investigation, then, in the second part, I show and interpret the relevant data of the languages in question.

1. Definition of Property Concept Word and Lexical Word

First of all, I clear up the terms included in the title. I adopt Thompson's (1988) phrase 'property concept word' to refer to the functional category of concepts which in adjective-forming languages turn up as adjectives, and 'adjective' to refer to a syntactically distinct category of such words. Adjectives as a distinct word class can be defined by multiple (pragmatic, syntactic, morphological and semantic) criteria. Property Concept Words are defined by a semantic criterion only: they denote prototypical adjectival meanings. So, working with the PCW-definition, we can investigate not only adjectives, but also adjectivals such as nouns, verbs and manner adverbs which denote prototypical properties or states (e.g. stative verbs or nouns referring to some human propensity like *genius* in English, or *durak* in Russian). So by using this term I can examine diverse lexical forms of property concept words, such as participles, nouns, adjectives, etc. As is well known, there are languages with no distinct identifiable adjective category (Dixon 1977/1981). The adjectival category is not universal, as opposed to the category of nouns or verbs. I argue that, while adjectival structure, as Dixon has shown in his articles, is not universal, adjectival function is.

Lexical categorization is the assignment of concepts to a lexical word class. A lexical word is semantically not compositional, and its meaning cannot be traced back to the meaning of its components. All components are lexical words, which are listed in the dictionary. For example, in Nganasan *tuuŋənduj* 'steamship' (fire + ship) and *tuubiði* 'firearm' (fire + gun) are lexical words; however, in the case of some compounds, their compositionality is questionable, e.g.:

kuubjini 'pearl necklace' < 'pearl' + 'string'

d'alid'ər 'midday' < 'day' + 'middle'

In Nganasan we can regard such phrases as lexical words, given that their meaning is not compositional and vowel-harmony or gradation do not necessarily cover all components of the phrase.

The definition of predicative adjectival constructions is a „prototype” definition in various respects. Thus the focus of the investigation is on the predicative adjectival constructions in expressions that are referred to as kernel sentences. Further on, the investigation concentrates on the grammatical behaviour of prototypical adjectivals. Prototypical property concepts are defined here as property concepts which are included in Dixon's semantic types of age, dimension, value, colour, speed, physical property and others.

The typological theory I apply to my investigation is called *Tensedness Hypothesis* (Wetzer 1996). Wetzer's hypothesis is based on the Noun-Adjective-Verb continuum theories of the last few decades. These theories argue that a language encodes property concepts depending upon specific grammatical characteristics of the nominal-verbal system of the language in question (e.g. concept dominance: Capell 1965; continuum hypothesis: Ross 1972, Comrie 1975, Pustet 1989, semantic proto-types: Dixon 1982, time-stability hypothesis: Givón 1979, discourse analysis: Hopper – Thompson 1984).

Wetzer selected a sample of 115 languages. He divided the language sample into two groups on the basis of the presence (type-A languages) or absence (type-B languages) of a relatively clear morpho-syntactic distinction between verbal and nominal predicates. The language sample is representative both from an areal and a genetic point of view. This is confirmed by the Uralic languages: Wetzer investigates three of them, Finnish as a Finn-Permic language, Hungarian as a Ugric one, and Nenets as one of the Samoyedic languages.

The first group of the languages is called type-A languages where there is a clear morpho-syntactic distinction between intransitive verbal and nominal predicates.

Wetzer suggests that in his sample 43 languages fall under the category of nominal languages (e.g. Finnish, Hungarian, Russian, Turkish, etc.), and 37 languages belong to the verbal languages (e.g. Dakota, Vietnamese, Yukaghir, etc.).

There is a subgroup of type-A languages, namely *mixed-type* languages (18 in all, e.g. Japanese, West-Greenlandic). The mixed-type languages can be divided into two groups. In mixed languages of the *split-adjective* type prototypical adjectivals are distributed across diverse lexical categories, so that some properties are expressed as nouny adjectivals, whereas others find their expression through verby adjectivals.

In mixed languages of the switch-adjective type, property concept words can be described as categorially ambivalent. Since the very same adjectival items appear in both nouny and verby forms, without any overt derivational process being involved, there is no reason to assume that adjectivals are primarily nouny or verby.

In both cases an explanation for these phenomena can possibly be found within the domain of semantics, and in the diachronic development of the languages involved.

Finally, type-B languages are characterized by the absence of a clear differentiation in formal encoding of (intransitive) verbal, adjectival and nominal predicates in kernel sentences (their number is 17, e.g. Basque, Hindi, Nootka, Tagalog), and also Nenets is classified as a type-B language.

Wetzer found a connection between the tense-aspect system and the type of adjectival predication:

	verby	nouny
	adjectivals	
tensed language	–	+
non-tensed language	+	–

Tensedness Universals:

- a) If a language has an open class of nouny adjectivals, then it will be tensed. If a language is tensed, then it will have an open class of nouny adjectivals.
- b) If a language has an open class of verby adjectivals, then it will be non-tensed. If a language is non-tensed, then it will have an open class of verby adjectivals.

He considers languages to be „tensed” or tense oriented if they have a grammatical category of tense (i) which is restricted to verbs and (ii) which minimally involves a distinction between past and non-past time reference.

I agree with Bhat (1999) and Stassen (1997) who argue that this tendency cannot be considered as universal. Stassen established that the distinction between tensed and non-tensed languages can be recognised by the type of adjectival predication. In case of TP-languages adjectival predication is non-verbal. Tense-prominent languages tend to have no stative verbs as such or very few irregular stative verbs. The adjectival predicates, which are prototypically state predicates, tend to have non-verbal encoding in these tense-prominent languages. Stassen’s semantic explanation argues that adjectives are more time-stable than verbs and hence tense-marking is not as relevant for them as for verbs.

I show two simple examples. The first one is the English language, which is a typical tensed language. And as we can see, the structure of the adjectival predicate is very similar to that of the nominal predicate. The adjectival predicate requires a copula just as the nominal predicate does:

English: TP-language

- (1) *The boy sleeps.*
- (2) *The boy is tall.*
- (3) *The boy is a singer.*

The other example is from Supyire, a non-tensed language, and shows the system of encoding adjectival predicates as verbs, as can be seen from the following sentences.

Supyire: AP-language

- (4) *kafáága a péé*
stone (DEF) PERF big
'The stone is big.'
- (5) *sikáŋa a bó*
goat (DEF) PERF kill
'The goat has been killed.'
- (6) *yire wá pyí yé*
they (EMPH) be (they) children
'They are children.' (Carlson 1994, cited by Bhat 1999)

The predicate *péé* 'big' in (4), and the verbal predicate *bo* 'kill' in (5) occur directly with the perfective marker, whereas the nominal predicate *ye* 'children' in (6) requires an auxiliary support.

Stassen suggests that the adjectival drift from verbiness towards nouniness goes hand in hand with an increase in the tense orientation of the verbal system (Stassen 1997: 518). So it does not mean a chronological order, and a causal relation can hardly be presumed, either.

2. Problems and questions

The status of the adjectival category in the Samoyedic languages, namely whether it is classified as a main category or as a subcategory of substantives, is irrelevant in this respect. I pay attention primarily to the tense-aspect system as well as the structure of the adjectival predicates of the languages in question.

Wetzer argues that one of the most serious counterexamples to the tensedness universal is provided by the Nenets language. In Tundra Nenets, on the one hand, there is a morphological distinction between past and non-past tense, and on the other hand, adjectivals (and all nominals) can take personal suffixes directly.

The situation is almost the same in the case of the Nganasan language. The difference between the nominal predicates of these two languages is found in inflection, namely what inflectional category can be taken directly by a noun or an adjective in predicative position. In Nenets, the category of mood, whereas in Nganasan and Selkup

the categories of mood and tense are expressed supported by a copula. The suffixes of these categories cannot be taken directly by a noun.

Further differences between Nenets and Nganasan can be established in the order of the verbal inflectional suffixes. Nenets suffixes have a really extraordinary order: the suffix of tense follows the personal suffixes.

Nganasan:

STEM + (derivational suffixes) + TENSE / MOOD + PERSONAL ENDINGS

Nenets:

STEM + (derivational suffixes) + PERSONAL SUFFIX + TENSE

One of the aims of this paper is to show how the structure of nominal predicates may have developed in two different ways in these languages. First, in the following section, I survey the tense-aspect system of the Samoyedic languages.

3. Tense in Samoyed

Among the three Samoyedic languages investigated it is Nganasan that has the most differentiated tense-system. The neutral tense (aorist) is morphologically marked by coaffixes that show the perfectiveness or imperfectiveness of the verb. Furthermore, in Nganasan two different coaffixes have developed, and the choice between them is determined by the aspect of the verb (see section 4). Besides the aorist, there are four suffixes that can be classified as suffixes of tense in the indicative mood.

The suffix of past tense: -SUΘ: *nili-d'ia-m* 'I lived'
kotu-d'üa-ŋ 'you killed'

The suffix of future tense: -"SUTΘ: *hoðatə-suðə-m* 'I will write'

Both suffixes are frequent. Besides these tenses, grammars distinguish two other tense-suffixes that do not appear frequently.

The suffix of past perfect: -SUΘD'ΘΘ: *kotü-d'üəd'əə-m* 'I had killed'

(From a diachronic point of view: reduplication: ? *-SUΘ + -SUΘ.)

The suffix of future-in-the-past: -"SUTΘD'ΘΘ: *koðu-sutəd'əə-m* 'I had to kill (him/her).'

(From a diachronic point of view: future + past: -"SUTΘ + -SUΘ.)

In the last two cases the origin of the second element -d'əə is questionable phonologically, but it may be a result of grammaticalization, as has been mentioned above.

In Tundra Nenets (Salminen 1998) the inflectional category of tense comprises two tenses, the aorist and the preterite. In the indicative mood, the aorist has no marker, although in some cases it is marked, but then the morphological element does not refer to the aspect of the verb.

The preterite suffix is *-ś*, which occurs at the end of a morphological word, following the personal suffix. The tense suffix and the personal suffix can hardly be distinguished, though the border between the two morphemes can be recognised.

The future tense is expressed by derivational suffixes.

In *Selkup*, besides the aorist, we find future and past tense. The status of the aorist is similar to Tundra Nenets. The aorist is marked (*-ŋ-*) in some cases (like in Nenets), but it does not indicate the aspect, it has just a morphophonological role.

tü-ŋa-k 'I come' *amjr-na-k* 'I eat'

The suffix of the past tense is *-s*, which follows the stem directly.

tü-sa-k 'I came' *amjr-sa-k* 'I ate'

The suffix of the future tense is *-l*, which follows the stem directly.

qo-lä-p 'I will find'

The *-sä* particle that refers to remote future can occur after the suffix of future + verbal personal suffix.

4. Aspect in Samoyed

In the indicative mood, the *Nganasan* aorist has an indefinite character and its value depends on the aspect of the verb. The main aspectual distinction in *Nganasan* is between perfective and imperfective.

The aorist form is marked, it has two different suffixes showing the aspect of the verb. For this reason, they are not tense suffixes: it is the aspect of the verb that determines which suffix to choose. (However, there are a few verbs with double aspect: *h"anjud'a: h"anju"əm* 'I got drunk', *h"anikutum* 'I am drunk'.)

– coaffix of perfective verbs: *-"Ə*

tuj-śa 'to come' *tuu-"ə-m* 'I came'

– coaffix of imperfective verbs: *-NTU*

ñilj-d'i 'to live' *ñilj-tj-m* 'I live'

In *Nenets*, the verbs are divided into two groups with regard to their temporal relations. For momentaneous verbs, the indicative aorist expresses immediate past, and the indicative preterite expresses more remote past. For continuous verbs, the indicative aorist expresses present, and the indicative preterite expresses simple past" (Salminen 1998: 531).

	momentaneous verb	continuous verb
indicative aorist	immediate past	present
indicative preterite	more remote past	simple past

Also in *Selkup* there is a coaffix (*-ŋ-*); it has just a morphophonological role, almost the same as in Tundra Nenets.

5. Tense and Aspect in the Uralic Languages and in the Languages of the Area

It is generally said that aspect was not a characteristic of Proto-Uralic (e.g. Pusztaý 1977). The theories on the typicality of aspect in Proto-Uralic is based on primarily the Samoyedic languages. The only reconstructed tense suffix for PU is **-š* for past tense.

In Proto-Samoyed aspect or aktionsart must have been more prominent as it plays a more visible role in the Samoyedic verbal systems than it does in other Uralic languages. The reconstructed form of aorist is PS **-ŋ(a)-*. As Janhunen remarks, „In the functional sense, the aorist is an archaic feature preserved only in Northern Samoyedic, but the category has formal parallels in Southern Samoyedic” (Janhunen 1998: 472).

The reconstructed form of past tense is **-sa-*, whose continuation can be found in the North-Samoyedic languages and in Selkup. No other tense suffix can be reconstructed.

I selected three languages from the Central Siberian area. The Yenisei languages are represented by the Ket language, Yukaghir is an isolated language and Evenki represents the Mandzchu-Tungusic languages.

Comrie states that Ket distinguishes past from non-past, the latter (though not for all verbs) having a zero morph. It is possible that Ket at an earlier stage was non-tensed (Comrie 1981).

There is no systematic past/nonpast distinction in the Yukaghir language. The unmarked tense-aspect form indicates both present and past time reference, while the suffix *-t(e)-* signals the future. Some grammars mention a different tense-system, e.g. Nikolaeva lists the aorist, analytical past tense (remote) and future tense (Nikolaeva 2000), while Maslova (2003) writes about Tense-Aspect-Mood (TAM) forms.

There are twelve tense forms in Evenki: eight synthetic and four analytic (7 for past, 2 for present, 3 for future), and all of them have morphological markers (Nedjalkov 1997). The earlier studies mentioned fewer tense forms (e.g. Konstantinova 1968: aorist, past, recent past, and three future forms), but it can be established that in Evenki the tense-system is very differentiated.

6. Adjectival and Nominal Predication in the Samoyedic Languages

6.1. Nenets

In 3rd person present there is no copula. The special characteristic feature of Nenets is that the copula is missing also in the preterite. In the case of preterite, the verbal suffixes of the indicative preterite appear in nominal predicates, where the suffix of tense precedes the personal suffix. A copula appears only when expressing mood.

Let us see some examples of Nenets adjectival predicates:

- (7) *Мань пиця-дм'.*
 I tall-PrxSg1
 'I am tall.'
- (8) *Мань пиця -дамзь.*
 I tall-PRET.PrxSg1
 'I was tall.'
- (9) *Петра пиця.*
 Peter tall.
 'Peter is tall.'
- (10) *Петра пиця-зы.*
 Peter tall- PRET.PrxSg3
 'Peter was tall.'

The attributive adjective does not take a personal suffix at all.

- (11) *Мань пиця хасава џацекэдм'.*
 I tall man boy-PrxSg1
 'I am a tall boy.'
- (12) *Мань пиця хасава џацекэдамзы.*
 I tall man boy-PRET.PrxSg1
 'I was a tall boy.' (Roza Laptander, informant)

6.2. Nganasan

The construction of nominal predication is similar to that of Selkup since the suffixes of mood and tense are taken by a copula. What the predicative noun or adjective takes directly are only the personal suffixes. The personal suffix appears not only on the adjective, but also on the copula:

- (13) *Мәнә џаагәә-м.*
 I good-PrxSg1
 'I am good.'
- (14) *Мәнә џаагәә-м i-šüә-м.*
 I good-PrxSg1 be-PERF-VxSg1
 'I was good.'

The next example shows that in a mood other than the indicative the adjectival predicate requires a copula, and both elements take the personal suffix, but the suffix of past tense occurs only on the copula.

- (15) *Тәнә џетуа баһ¹а-џ џанді-ті-џ.*
 you very bad-PrxSg2 seem-Kimp-Sg2
 'You seem to be a very bad (person).' (Labanauskas 2001: 55)

- (16) *Təŋə-d'a hotəmə šürü-d'a širajkuə i-muŋh"a-ndu-". (Kəhi)*
 summer-All grey winter-All white be-Vhab-Kimp-VxPI3

'In summer it is grey, in winter it is white. (partridge)' (Labanauskas 2001: 23)

There is a special group of adjectives that can occur in predicative position as verbs and in attributive position as adjectives and/or participles, derived by a -KƏΘ nominal suffix. The passive stem seems to be nominal, so this phenomenon can be explained by an overt zero-suffix.

təŋkəgəə 'strong' (usually attributive)

- (17) *Bənsəmu" numəŋkumu", təŋgə-ti-mi".*
 all-PxPI1 young-PrxPI1 be.strong-Kimp-VxPI1

'We are all young and strong.' (Labanauskas 2001: 83)

- (18) *Januə matənu hojmi-nti.*
 real tent-Loc be.dark-Kimp-VxSg3

'There is darkness in the tent.' (Labanauskas 2001: 45)

However, there are some words with the -KƏΘ suffix in predicative position:

- (19) *Šürüədaδə" d'alj" kəəl'ikü", šürüədaδə" hii" najbəgəə".*
 winter-Pl day-Pl short-Pl winter-Pl night-Pl long-Pl

'The winter days are short, the winter nights are long.' (Tereščenko 1973: 226)

6.3. Selkup

In a short article Alitkina (1983) argues that using a copula in the case of predicative adjectives is not obligatory, it can be a part of the nominal predicative construction.

„В отличие от других самодийских языков, в селькупском языке имя прилагательное может выступать как именная часть составного именного сказуемого. В связи с этим следует сказать, что простое именное сказуемое может быть образовано в селькупском языке только от имён существительных и прилагательных.” (Alitkina 1983: 33)

However, Tamás Janurik mentioned¹ that the distinction between adjectival and nominal predicates is obligatory, namely copula has to be a part of the adjectival predicative construction. Obligatory or not, it is obvious that the adjective at least can differ from the noun with respect to whether a copula occurs in the predicative construction or not.

- (20) *mat nătäŋa-ŋ*
 I girl-Coaf-PrxSg1
 'I am a girl.'

- (21) *me some-ŋi-miŋt*
 we good-Coaf-PrxPI1
 'We are good.'

¹ I am grateful to Tamás Janurik for his comments to my presentation at Mikola 2004 Conference (Szeged, 2–4. September, 2004.)

- (22) *ta iralĭ som e-za*
 you husband-PxSg2 good be-PRET(-VxSg3)
 'Your husband was good.'

A copula occurring in the past tense is not a Selkup peculiarity, since the same construction can be found in Nganasan, and – historically – in Nenets, too. However, in some sources a copula construction occurs also in the aorist:

- (23) *mat ātip šar ē-ŋa*.
 I word heavy be-Coaf(-VxSg3)
 'My word is heavy.'
- (24) *Na qup pirqū ē-ŋa (pirqēŋa)*.
 this man tall be-Coaf(-VxSg3)
 'This man is tall.' (Kuznecova 1980: 266)
- (25) *tat kipl'a ā-ŋa-nti*
 you small be-Coaf-VxSg2
 'You are small.' (Hajdú 1968: 153)
- (26) *mat orsimiľ qum-ak ē-sa-k*
 I strong man-PrxSg1 be-PRET-VxSg1
 'I was a strong man.'

Comparing (25) and (26) we can see that while an adjectival predicate cannot take a personal suffix, a predicative noun can. Nenets fundamentally differs from the Selkup-type construction:

A COP-Vx (e.g. (25))

N-Prx COP-Vx (e.g. (26))

In other words, in the Selkup language only non-derived adjectives behave in this way. The number of these ancient adjectives is low:

<i>soma</i> 'good'	PS (SW: 132–133)
<i>tāntu</i> 'wide'	PS (SW: 32)
<i>wərqu</i> 'big'	PS (SW: 19)
<i>pirqu</i> 'high/tall'	PS (SW: 125)
<i>ňarkĭ</i> 'red'	PS (SW: 107)
<i>sərĭ</i> 'white'	PS (SW: 138)
<i>sarum</i> 'thick, fat'	PS (SW: 36) ?

(The prevailing words in Nganasan have a -KΘΘ adjectival suffix /primarily dimensional adjectives/ or a -KUΘ suffix /primarily colour terms/: *tantəgəə* 'wide', *hirəgəə* 'tall/high', *siřajkuə* 'white'.)

7. Encoding Adjectival Predication in the Uralic Languages and in the Languages of the Area

The structure of nominal predicates in the Finno-Ugric languages is basically non-verbal. Kangasmaa-Minn established three subtypes of the Finno-Ugric languages on the basis of the structure of adjectival predicates (Kangasmaa-Minn 1993):

I. The copula normally appears in the predicative construction even when it represents active indicative present 3rd person singular in the Balto-Finnic and Saami languages.

(27) Finnish: *Taivas on sininen ja valkoinen.* 'The sky is blue and white.'

II/a. The copula does not appear in a predicative construction representing active indicative present singular and plural 3rd person (Mari and Hungarian).

(28) Mari: *üdər čeber* 'The girl (is) pretty.'

üdərblak čeber 'The girls (are) pretty.'

II/b. In Mordvin, as opposed to Mari and Hungarian, in indicative present a nominal predicate lacks the copula in all persons:

(29) Mordvin: *alaša paro* 'The horse (is) good.'

parta-do 'You (are) good.'

III. In the Permian languages the copula is missing in all predicates belonging to the indicative present.

(30) Udmurt: *četci umoj* 'Mead (is) good.'

mon vumurt 'I (am) a water spirit.'

IV. The Ob-Ugrian languages show a mixture of Types (II) and (III): the copula is missing in the indicative present 3rd person (Mansi). It may occur in the 1st and 2nd persons (Khanti):

(31) Mansi: *näj jäi xum* 'You (are) a big man.'

(32) Khanti: *ma tàus õsem* 'I am a Tungus.'

8. Adjectival Predication in the Languages of the Area

In Ket, which is classified as a tensed language, the predicative adjectives (and other non-verbal predicates) are marked by predicate suffixes:

(33) *at qā-ři* 'I am big.'

(34) *bu qā-ru* 'He/She is big.'

Yukaghir belongs to the group of non-tensed languages. Adjectives in Yukaghir are intransitive verbs, both in their predicative and attributive functions.

(35) *met mer-uu-jeŋ* 'I am going/I went.'

(36) *met me-wewe-jeŋ* 'I am strong.'

(37) *tudel me-werwe-j* 'He/She is strong.' (Hajdú 1975)

Evenki (Tungusic): Stassen points out that from the point of view of semantics, the verbal systems in Tungusic must be rated as having an originally aspectual orientation. The appearance of the copula is not obligatory in Sg3.

(38) *bi alagumni bi-che-v*
I teacher be-PRET-VxSg1
'I was a teacher.'

(39) *minngi amim bejumimni (bi-si-n)*
my father-PxSg1 hunter be-PRES-VxSg3
'My father is a hunter.'

(40) *Ami-m engesi (bi-si-n).*
father-PxSg1 strong (be-PRES-Sg3)
'My father is strong.' (Nedjalkov 1997)

9. Stative Verb or Adjective?

Tundra Nenets and Nganasan are different in that in Nganasan adjectives are marked by (mostly non-productive) adjectival suffixes, while in Tundra Nenets nominals and stative verbs can be found, and the criteria of adjectives can hardly be established.

The main distinction between Nenets and Nganasan adjectives, according to my research, seem to be in the number of adjectival suffixes: in Nganasan there are more adjectival suffixes; most of them, however, are non-productive, and their origin is not clear. I try to expose a possible motivation of development in Nganasan.

In the sense of the Tensedness Hypothesis we expect that in Nenets, where

- (a) fewer tense suffixes have developed,
 - (b) the aspect has no morphological marker,
- property concept words should be lexicalised predominantly and more systematically as stative verbs.

I introduce lexicalised forms of some prototypical property concepts in Nenets and in Nganasan. (The table is representative, it does not include all prototypical property concepts.)

	Nenets	Word class		Nganasan
COLOUR				
‘white’	<i>сэрако</i>	N (Adj)	Adj	<i>sɨrajkuə</i>
‘muddy’	<i>яёна</i> <i>яёлтайна</i>	PtImp	Adj	<i>dod’ako</i>
‘yellow’	<i>тасехэй</i>	Pt?	Adj	<i>tod’akuə</i>
‘black’	<i>пйриденя</i>	PtImp	Adj	<i>tusajkuə</i>

	Nenets	Word class		Nganasan
			N (Adj)	<i>heŋkə</i>
'red'	<i>няръяна</i>	PtImp	Adj	<i>d'abakuə</i>
'green'	<i>илебей</i>	Pt?	Adj	<i>toɖako</i>
			Nder	<i>ŋotəɾəku</i>
'blue'	<i>танзена</i>	PtImp	Adj?	<i>ŋindia"siə</i>

DIMENSION

'big'	<i>ðарка</i>	N (Adj)	Adj	<i>ani"ka</i>
'small'	<i>нѐ"лѐко</i>	N (Adj)	Adj	<i>əligaku</i> <i>ʃiə"laku</i>
'tall/ high'	<i>пи́рця</i>	N (Adj)	Adj	<i>hirəgəə</i>
'low'	<i>ламту</i>	N (Adj)	Adj	<i>magəl'ükü</i>
'wide'	<i>лата</i>	N (Adj)	Adj	<i>tantəgəə</i>
'narrow'	<i>тыя(к)</i>	N (Adj)	Adj	<i>d'optagəə</i>
'long'	<i>ямб</i>	N (Adj)	Adj	<i>najbagəə</i> <i>kuntia</i>
'short'	<i>хэм'</i> <i>хэбиць</i>	N (Adj)	Adj	<i>kəəl'ikü</i>
'deep'	<i>ѐря</i>	N (Adj)	Adj	<i>d'ürəgəə</i>
'shallow'	<i>тора, торик</i>	N (Adj)	N (Adj)	<i>tɪraa</i>

PHYSICAL PROPERTY

'cold'	<i>тецьда</i> <i>япда</i>	PtImp	Adj	<i>česəgəə</i>
			Pt	<i>česititə</i>
'hot'	<i>ядембáда</i>	PtImp	Adj	<i>hekəgəə</i>
			Pt	<i>hekutitə</i>
'hard'	<i>тоенана</i>	PtImp	Adj	<i>tud'aruə</i> <i>nosəgəə</i>
			PtImp	<i>tud'ajkuə</i> <i>nošüčüə</i>
'soft'	<i>нюлák</i>	N (Adj)	Adj	<i>ŋaməgəə</i> <i>lomnajkuə</i>
'heavy'	<i>сáŋговота</i>	PtImp	Adj	<i>səŋkəgəə</i> <i>d'amələkə</i>
			PtImp	<i>səŋkututə</i>
'light'	<i>си́бя</i>	N (Adj)	Adj	<i>holəgəə</i>

	Nenets	Word class		Nganasan
				<i>holə"likü</i>
'bitter'	<i>ибцяда вӧряӓда</i>	PtImp	Adj	<i>tasəgəə</i>
			PtImp	<i>tasütüə</i>
VALUE				
'good'	<i>сӓва</i>	N (Adj)	Adj	<i>ńaagəə</i>
'bad'	<i>вэва(ко)</i>	N (Adj)	Adj	<i>nəŋhə bahⁱa</i>
SPEED				
'fast'	<i>мерета</i>	PtImp	Adj	<i>merəgəə</i>
	<i>сӓта</i>	N (Adj)	PtImp	<i>merit̪ə</i>
'slow'	<i>яӓна</i>	N (Adj)	PtImp	<i>ləduj̥sa</i>
				<i>d̪ontaaga</i>
AGE				
'young'	<i>ηаць</i>	N	N (Adj)	<i>numajka numəə</i>
'old'	<i>вэсэӓй</i>	N	N (Adj)	<i>bəjkuə</i>
	<i>пуху</i>			<i>hün̪sərəə</i>
'new'	<i>едэӓй</i>	N (Adj)	Adj	<i>meńd̪ad̪ə</i>
'ancient'	<i>òă"и</i>	N	N (Adj)	<i>manuə</i>

(Nenets sources: Tereščenko 1965, 1948; Nganasan sources: Wagner-Nagy ms; Kos-terkina 2001)

According to the behaviour of property concept words we can distinguish four subtypes of adjectival constructions:

GROUP 1

	Tundra Nenets	Nganasan
DIMENSION	N	ADJ (der)

Property concepts have a nominal nature in both languages. In Nganasan they have a nominal nature in both syntactic roles, and are marked morphologically (by non-productive suffixes).

The dimensional concepts constitute a group of words very different from colour terms. If we compare the dimensional adjectives of Nganasan and Nenets, we find a different situation compared to colour terms. In both languages, the type of dimension

is nominal. As it can be seen in both languages, the type of dimensional adjectives shows homogeneity. However, there is further difference in this type: in Nganasan it is clear, because the -KΘΘ suffix occurs almost in all adjectives, although they can appear without this suffix as well. This suffix occurs in other semantic types, too.

GROUP 2

COLOUR	V – N	ADJ
--------	-------	-----

In Nganasan the basic colour terms have their own marker (-KUΘ). In Nenets the colour terms have a basically verbal nature, however there are some nominals, too, as Salminen illustrates that negative and attributive constructions exhibit the opposition clearly (Salminen 1993: 259):

- (41) *wørk° nyí pøryidyeq* (42) *wørk° ser nyí ngaq.*
 bear not-Sg3 be.black.CONNEG bear white not-Sg3 be-CONN
 'The bear is not black.' 'The bear is not white.'
- (43) *pøryidyenyâ wørk°* (44) *wørk° ser*
 be.black-PtImp bear white bear
 'black bear' 'white bear'

The basic colour terms show homogeneity as a nominal type field, the only exception being *hojmägä / hojmintä*, which is however not a basic colour term. There are other colour terms, derived from nouns by a similitive suffix. This table does not include these lexemes. The use of these words is unclear:

- 'smoke' / 'fog' → 'blue, gray' Tne *šunraha* ~ Ng *kintäraku*
 'gall' → 'yellow, green' Tne *pađeraha*
 'grass' → 'green' Wne *jilji töräha* 'grasgrün' (Lehtisalo 1956: 129a);
 Ng *ñotäraku*
 'crow' → 'black' Ng *kularäku*
 'sky' → 'blue' Ng *ñuä šahjärke*

In Tundra Nenets the colour terms belong to the category of verb as stative verbs. In attributive position they occur as a participle.

GROUP 3

AGE	N	N (AdjRel)
VALUE	N	N (ADJ)

These types have a basically nominal nature in both languages. The two prototypical concepts 'good' and 'bad' as qualifiers seem to be nominal based. Tundra Nenets *sawa* is from Proto-Samoyed, Nganasan *ñaagä* was loaned from Evenki. The -KΘΘ ending is just homonymous with the -KΘΘ adjectival suffix; however, the motivation of borrowing could be this. And this type has no morphological marker in Nganasan.

GROUP 4

SPEED	V – N	V/ADJ
PHYSICAL PROPERTY	V – N	V/ADJ

If we compare the relevant data of these languages, the following conclusions can be drawn: in Nenets we can establish a „split” and in Nganasan a morphologically marked „switch”. While in Nenets concepts are lexicalised as a noun or a stative verb, in Nganasan there are stems that can occur in a verbal (as a participle) as well as a nominal (as adjectival) attributive construction. The marker of the adjectives is the same – KΘΘ suffix as in groups 1, 2 and 3. In predicative constructions – in contrast to dimensional adjectives – these words occur as stative verbs. As I see, the boundary can be drawn between the semantically homogeneous as well as closed prototypes and the other types. For this reason in the main semantic types, e.g. the type of COLOUR, the prototypical property concepts are lexicalised mainly as verbs, whereas the small, contradictory types (AGE, VALUE, DIMENSION) are primarily nominal.

10. Summary

1) It is a well-known fact that in Proto-Uralic tense(-system) marking by suffixes prevailed over aspect. Although Hajdú considers that aspect could play an important role in Proto-Uralic, his statement is based primarily on the Samoyedic languages. For this reason in the Proto-Uralic (and later in the Proto-Samoyed) language the present tense was unmarked, furthermore a PU **-ś* > PS **-sa* tense-suffix can be reconstructed beyond doubt, which denoted the past tense. In other words, in Wetzter’s sense the Uralic proto-language was tensed. On the other hand, a **-η(a)-* aorist suffix, which subsisted in all Samoyedic languages is reconstructed. Mikola (1988: 248) argues that this aorist suffix has subsisted in Nganasan as the *-ηu* suffix of interrogative mood, e.g. *tuj-ηu-η?* ‘Do you come?’. It has no reflex in other Samoyedic languages. But it should be noted that an unmarked aspect-system can hardly be (materially) reconstructed.

Thus, as I mentioned above, the adjectival predicate is similar to the nominal type according to the Tensedness Hypothesis in the tensed languages. I think this hypothesis is also valid for the Uralic proto-language, where the adjectival predicate had a nominal structure. However, it remains an open question whether we can talk about adjectival predication in Proto-Uralic, or rather nominal predication as a whole.

2) The above-mentioned PU **-ś* past tense suffix has subsisted in all Samoyedic languages. In Selkup, and especially in Nganasan, further tenses and suffixes have developed; in Tundra Nenets this is the only suffix that can be classified as a suffix of tense. The aspectual distinction is a characteristic of all Samoyedic languages, especially of the northern branch. For this reason we can suppose that after the break-up of the Uralic proto-language it had become a typical feature of the area in question.

3) I can offer a functional explanation for the coexistence of the two aspectual coaffixes in Nganasan: the aorist has two different morphological markers, the stem directly takes a suffix, a so-called coaffix. From a synchronic point of view, in fact the redundant markedness of the aspect can be involved in the development of the secondary suffixes of tense, in the sense that before personal suffixes there is a need for tense markers.

4) From a synchronic point of view, there is a separate, different paradigm for past tense in Tundra Nenets. The Vx-Tx order is not common in the languages of the world. I argue that the development and formation of this paradigm, as well as the whole paradigm in Past Tense, can be explained by the existence of this single tense suffix. I do not think that tense suffixes and personal suffixes could merge provided that there are several tense suffixes coexisting. In the case of several suffixes this merger could not be possible. However, it is still questionable and doubtful how the structure of nominal predication, namely (N-Vx Cop-T-Vx) spread over the verbal paradigm.

5) The Tensedness Parameter does answer the question of what kind of correlation there is between expressing time and encoding adjectival predication (e.g. cause and effect, or diachronic order). The drift hand in hand (as Stassen wrote) can mean that the tense-system in Nganasan could develop in a parallel direction with the structure of adjectival predication (stative verb > adjective in some semantic types). The outcome of this process could be the emergence of an adjectival class in some semantic prototypes and syntactic positions. But the characteristic of aspect has also remained dominant.

6) In Tundra Nenets the relative dominance of aspect served the persistence of stative verbs, however the place of the split and the motivation of the development of verbal paradigm in past tense are not clear. I do not believe that further tense suffixes could have been agglutinated following a personal suffix, or that further verbal paradigms could have developed in this way.

7) Of the languages of the area, the Evenki language shows similar characteristics to Nganasan. As Stassen suggests, within the Uralic phylum the Samoyedic languages occupy a position which is similar to the position of the Tungusic languages in the Altaic phylum. I think it is true especially if we compare Evenki to Nganasan.

With regard to the Selkup language, we can consider that Selkup supports the plausibility of the conclusions we have drawn from comparing Nenets and Nganasan in many respects. First, the Selkup language has a complicated time-system with many suffixes, second, the nominal predicate is similar to that of Nganasan. At the same time, aspect is an unmarked, typical category. The Selkup language distinguishes nominal predicates and adjectival predicates; however, as opposed to Nganasan, markers have not developed.

ABBREVIATIONS

Adj	adjective	PRES	present
AdjRel	relational adjective	PRET	preterite
All	allative (postposition)	Prx	predicative suffix
AP	aspect-prominent (language)	Pt	participle
Coaf	coaffix	PtImp	imperfect participle
Conneg	connegative	PS	Proto-Samoyed
COP	copula	PU	Proto-Uralic
DEF	definiteness	Px	possessive suffix
EMPH	emphatic	SW	Janhunen 1977
Kimp	imperfective coaffix	T	tense
Loc	locative	Tne	Tundra Nenets
N	noun	TP	tense-prominent (language)
Nder	derived noun	Tx	tensesuffix
Ng	Nganasan	V	verb
Sg	singular	Vhab	habituaive suffix
Pl	plural	Vx	verbal suffix
PERF	perfect	Wne	Forest Nenets

REFERENCES

- Alitkina, L. A. [Алиткина, Л. А.] 1983: Синтаксическая функция имен прилагательных в селькупском языке, in Шайхутдинова, Г. М. (ред.): *Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов*, Омск, ОМГУ, 29–33.
- Bhat, Darbhe Narayana Shankara 1999: *The Prominence of Tense, Aspect and Mood = Studies in Language Companion Series 49*, Amsterdam – Philadelphia, Benjamins
- Capell, Arthur 1965: A typology of concept domination, *Lingua* 15, 451–462.
- Carlson, Robert 1994: *A Grammar of Supyre*, Berlin, Mouton de Gruyter
- Comrie, Bernard 1975: Polite plurals and predicate agreement, *Language* 51, 406–418.
- Comrie, Bernard 1981: *The languages of the Soviet Union*, Cambridge, CUP
- Dixon, Robert Malcolm Ward 1982: *Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax*, Berlin, Mouton de Gruyter
- Givón, Talmy 1979: *On Understanding Grammar*, New York – San Francisco – London, Academic Press
- Janhunen, Juha 1977: *Samojedischer Wortschatz = CT 17*, Helsinki
- Janhunen, Juha 1982: On the structure of Proto-Uralic, *FUF* 44, 23–42.
- Hajdú, Péter 1975: Névszók predikatív ragozása a szamojéd nyelvekben, in Hajdú, Péter: *Samojedologische Schriften = SUA 6*, 115–140.
- Hopper, Paul J. – Thompson, Sandra A. 1984: The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar, *Language* 60, 703–752.

- Kangasmaa-Minn, Eeva 1993: On the Non-Attributive Adjective in the Finno-Ugric Languages. *UAJb* 12, 74–81.
- Konstantinova, O. A. [Константинова, О. А.] 1968: Эвенкийский язык, in Скорик, П. Я.. (ред.): *Языки народов СССР*, Том 5, Ленинград, Наука, 68–87.
- Kosterkina, N. T. – A. Č. Momde – T. Ju. Ždanova [Костеркина, Н. Т. – А. Ч. Момде – Т. Ю. Жданова] 2001: *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский*, Санкт-Петербург, Просвещение
- Labanauskas, Kazys [Лабанаускас, Казис] 2001: *Нганасанская фольклорная хрестоматия*, Дудинка, Таймырский окружный центр народного творчества
- Lehtisalo, Toivo 1956: *Juraksamojedisches Wörterbuch*, Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura
- Maslova, Elena 2003: *Tundra Yukaghir = Languages of the World/Materials* 372, München, Lincom Europa
- Nedjalkov, Igor 1997: *Evenki*, London – New York, Routledge
- Nikolaeva, Irina 2000: *Chrestomathia Jucagirica = UT* 10
- Pustet, Regina 1989: *Die Morphosyntax des „Adjektivs“ im Sprachvergleich = Continuum Schriftreihe zur Linguistik* 7, Frankfurt am Main, Verlag Peter Lang
- Pusztay, János 1977: Bemerkungen zur Frage der Aspekte in den uralischen Sprachen. *FUM* 1, 153–159.
- Ross, John Robert 1972: The category squish: Endstation Hauptwort, in Peranteau, Paul M. – Judith N. Levi – Gloria C. Phares (eds.): *Papers from the eight regional meeting of Chicago Linguistic Society* 8, Chicago, Chicago Linguistic Society, 316–328.
- Salminen, Tapani 1998: Nenets, in Abondolo, Daniel (ed.): *The Uralic Languages*, London – New York, Routledge, 516–547.
- Stassen, Leon 1997: *Intransitive Predication, Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory*, Oxford, Oxford University Press
- Tereščenko, N. M. [Терещенко, Н. М.] 1948: *Русско-ненецкий словарь*, Москва, ОГИЗ
- Tereščenko, N. M. [Терещенко, Н. М.] 1965: *Ненецко-русский словарь*, Москва, Изд. Советская Энциклопедия
- Wagner-Nagy, Beáta: *Nganaszan morfológiai szótár*, Manuscript
- Wagner-Nagy, Beáta (ed.) 2002: *Chrestomathia Nganasanica = SUA Supplementum* 10
- Werner, Heinrich 1995: *Zur Typologie der Jenissej-Sprachen = VDSUA* 45
- Wetzer, Harrie 1996: *The Typology of Adjectival Predication = Empirical Approaches to Language Typology* 17, Berlin – New York, Mouton de Gruyter

„ЭПОС ОБ ИТТЕ” У ЮЖНЫХ СЕЛЬКУПОВ

НАТАЛЬЯ ТУЧКОВА

Томск, Россия

1. Набор сюжетов, объединяемых исследователями в эпос об Итте или цикл сказок об Итте и Пюнегуссе, в южноселькупском ареале существует в виде суммы нескольких сюжетных фрагментов, записанных одновременно в XIX – XX вв. с неодинаковой полнотой изложения.

Впервые развёрнутый текст с героем-„сынишкой” *Итя* появляется в материалах Н. П. Григоровского. Текст был записан им в районе верхнего устья Чаи. Публикация этого сюжета была осуществлена по-селькупски и по-русски в разделе *Остяцкие сказки* первого селькупского букваря – *Азбуки сюссогой гулани* (Григоровский 1879: 30–33).

Единичная запись данного сюжета не показалась Н. П. Григоровскому чем-то особенным, тогда как финский исследователь К. Р. Доннер, путешествовавший по Тыму и Кети с научными целями в 1912 г., обратил внимание на тот факт, что между отдельными фольклорными текстами, которые ему приходилось фиксировать, „существует взаимная близость происхождения”, благодаря их главным героям – *Итте* и его противнику *Пюнегуссе*. Тексты с их участием, по мнению собирателя, были ритмизованны, и К. Доннер определил их как составные части единого поэтического произведения, назвав его *Самоедский эпос*.

К. Доннер опубликовал краткий пересказ поэмы сразу по возвращении из Сибири; в 1915 г. эта публикация появилась в русском переводе В. М. Крутовского (Donner 1913–1918; Доннер 1915). В связи с отсутствием атрибутивной информации в данной публикации, реальное количество записанных К. Доннером эпизодов и их вариантов, а также информанты (кроме одного – Алексея Арбалдаева, потомка шамана из ю. Миташкиных) остаются пока не известными широкому кругу исследователей. Опубликованный К. Р. Доннером пересказ сюжетов так и остался на долгие годы единственным наиболее целостным воспроизведением этого эпоса. Многие эпизоды никогда более не были зафиксированы; также никто более не отмечал ритмизацию в этих текстах.

По данным финского исследователя Ярмо Алата, изучавшего наследие К. Доннера в Национальном архиве Финляндии, записи текстов сказаний отсутствуют среди его дневниковых материалов; в наличии только краткий пересказ „эпоса” на шведском языке. Однако существует некий текст и на сель-

купском языке, но он до сих пор остаётся не переведённым и не введен в научный оборот (Алатало 1997: 144).

В 1950–1960-е гг. интенсивный сбор этнографической информации о южных селькупках и фиксацию селькупского фольклора проводили лингвист Томского педагогического института А. П. Дульзон и этнограф Томского университета Г. И. Пелих. Однако среди записей и публикаций селькупского фольклора А. П. Дульзона нет текстов с героем *Итте*, а среди фольклорных текстов, собранных и опубликованных Г. И. Пелих, всего только два текста с участием этого героя (Пелих 1972); несколько фрагментов с героем *Итя*, записанные Г. И. Пелих в пос. Иванкино, остаются пока неопубликованными и хранятся в её полевых материалах в архиве Музея археологии и этнографии Томского университета.

Свой вклад в собирание сюжетов данного сказочного цикла внёс также венгерский исследователь L. Szabo. В его подборке текстов на селькупском языке, записанных в 1960-х гг. в Ленинграде от рассказчицы-селькупки Тагиной Т. Д. с р. Тым, оказался один текст с героями *Иидже* и *Пёёнеге*.

1970–1980-е гг. – период сборов и публикации фольклорных текстов, записанных томскими лингвистами: А. И. Кузьминой, В. В. Быконей, Н. М. Воеводиной, Н. П. Максимовой, И. А. Ильяшенко и этнографом И. Н. Гемуевым. Среди собранных ими текстов, есть и тексты с героем *Итте* (*Идже*). Последними по времени (1990-е гг.) являются сборы и публикация фольклора, в том числе и с фрагментами текстов про *Идже*, селькупкой И. А. Коробейниковой (Коробейникова 2001).

Итоги собирательской деятельности разных исследователей сведены в таблицу (см. Приложение 1: *Тексты с героем Итте: хроника сборов и публикаций*). Анализируя обобщенный в таблице материал, следует с сожалением признать, что в ареале обитания южных селькупов крайне редко проводились экспедиции, в которых фиксация селькупского фольклора являлась бы основной целью. Даже для К. Доннера сбор фольклорного материала был важной, но не первостепенной и не единственной исследовательской задачей. При этом целенаправленный сбор именно фрагментов *Эпоса об Итте* не проводился никогда. Материалы такого рода фиксировались всегда в значительной степени случайно, а потому, как правило, записи лаконичны и низкого качества.

Самыми объёмными и развёрнутыми фиксациями эпизодов цикла оказались записи Н. П. Григоровского, К. Доннера, И. Н. Гемуева, Н. П. Максимовой. Но даже лучшие из записанных текстов не безупречны для фольклористических исследований.

2. Количество собранных текстов и их распределение по диалектным ареалам

Таким образом, к началу XXI. века выявляется значительное количество (более 30) фрагментов эпоса разной степени полноты изложения.

Значительное количество сюжетно развитых текстов было собрано на Кети в сюзсыкумском диалектном ареале. Так как реально остаётся неясным количество вариантов и самостоятельно бытовавших сюжетных фрагментов, записанных К. Доннером, то его текст-пересказ учтён как одно целостное произведение. Помимо данного текста, обладающего сложной внутренней структурой и состоящего из целого набора сюжетов, на р. Кети было записано еще 10 сюжетно содержательных фрагментов с участием героя Итте, в том числе не повторяющихся сюжеты К. Доннера; например, сюжет про сестру Итте, про маленького Итте, творящего животных и ягоды, про Итте, охотящегося за небесным лосем и др. (Доннер 1915; Пелих 1972; Пухначев 1972; Кузьмина 1977; Воеводина 1980; Гемуев 1984).

На р. Чае, в особом диалектном субареале сюзсыкумов, было сделано 2 записи с участием героя Итя: один фрагмент был записан по-селькупски в 1870-е гг. Н. П. Григоровским (Итя ворует у слепого Старика-шамана рыбу), другой известен в пересказе по публикации К. Доннера (Итте обращается к Богу с просьбой отменить голод у татар) (Григоровский 1879; Доннер 1997: 157).

Из пос. Новосондорovo на Оби существует пока 1 неопубликованная запись сказки с героем Итя, хранящаяся в дневниковых материалах А. И. Кузьминой (ПМ Кузьминой).

В шёшкупском диалектном ареале (в пос. Иванкино на Оби) было зафиксировано 13 кратких текстов с героем Идя:

7 опубликованных фрагментов, записанных по-шёшкупски и

5 неопубликованных, записанных по-русски и хранящихся в дневниковых материалах Г. И. Пелих (Сказки нарымских селькупов 1996; ПМ Г. И. Пелих 1961; Шёшкуй букварь 1993).

Из самого обширного в районе расселения южных селькупов чумылькупского диалектного ареала известно всего 9 текстов:

2 записи с р. Тым (ПМ Р. А. Ураева 1956; Szabo 1967),

2 – с Чузика (Быконя 1981; Кузьмина 1977),

3 с Оби из Ласкино (Коробейникова 2001) и

2 относительно объёмных текста с Чижипки (Байдак, Тучкова 2004).

При этом почти все тексты имеют запись на чумылькупском языке.

В целом можно однозначно констатировать, что „сказки с участием героя Итте” были известны во всех районах обитания южных селькупов. Эпос фикси-

ровался на протяжении последних двух столетий вплоть до настоящего времени (последние записи 1980–1990-х гг.). Бассейн р. Кети является территорией наибольшего фиксирования сюжетных фрагментов цикла. Именно здесь наблюдается их максимальное разнообразие и наиболее развернутое изложение. Недаром К. Доннер называл Верхнюю Кеть „Карелией самоедов” (Доннер 1997: 148). Напротив, шёшкупские тексты характеризуются в большинстве своём повествовательной неразвитостью, а чумылькупские – сюжетным однообразием.

3. Общие и локальные сюжеты

Самые стабильные эпизоды, повторяющиеся на разных реках южноселькупского ареала:

- „косоглазые караси и утки” – 7 фиксаций (Чая, Кеть – 3, Чижапка, Обь-Иванкино – 2); этот эпизод встречается исключительно внутри иных текстов об Итте и выполняет роль пролога.
- „урок храбрости” – 6 фиксаций (Тым, Чузик, Обь-Ласкино, Чижапка, Обь-Иванкино, Кеть); данный эпизод, напротив, функционирует обычно как целостное и самостоятельное произведение, бытующее преимущественно в чумылькупском ареале.
- „ловушка-дразнилка” – 4 фиксации (Кеть, Тым, Обь-Ласкино)
- Следует отметить, что в тех случаях, когда появляется эпизод с „ловушкой-дразнилкой”, сюжет развивается строго по схеме: людоед приносит героя к себе домой, просит дочь (дочерей) его сварить, а в итоге он съедает собственного ребенка. Полностью запись этого сюжета была произведена 4 раза (2 – на Тыму, 2 – на Кети); кроме того, как минимум трижды этот сюжет был записан еще и у северных селькупов.
- Сюжет о проглатывании людоедом героя Итте и последующее его избавление из брюха врага был записан также 4 раза (Чая, Кеть, Обь-Иванкино, Чижапка – в каждом диалектном ареале по разу).
- Три раза был записан эпизод, как Итте приклеил врага Пёнеге к котлу (обласку) смолой-клеем (Тым, Чузик, Обь-Иванкино).
- Трижды был записан текст об охоте Итте на Лося и уход вслед за ним на Небо (Кеть, Чузик, Обь-Иванкино).
- Также трижды был записан эпизод с железной шубой великана, когда Идя хитростью просит его снять шубу, а родственники в этот момент нападают на Пёнэгессэ и убивают его (Кеть, 2 – Обь-Иванкино).
- Дважды (очень кратко) отмечены были эпизоды о путешествии Итте на небо с просьбой к Богу: отменить голод у татар, пожаловаться на мороз (Чая, Обь-Иванкино).

- Дважды – информация о том, что созвездие Орион представляется сетью Итте с тремя поплавками (Кеть, Обь-Ласкино).

(см. Приложение 2)

Единичными (локальными) следует признать: Многие фрагменты из текста-пересказа К. Доннера: путешествие Итте по морю, в том числе эпизоды с огромной рыбой, имеющей волосатый и пятнистый рог, а также с птицей Пюне; о борьбе Итте с сыновьями Лесного Духа, о борьбе его с богатырями за дочерей Лесного Духа; уход Итте на покой, спать.

Тексты с Кети в записи И. Н. Гемуева: о сестре Итте, об Итте, творящем зверей и рыб из шерсти, данной ему отцом.

Фрагменты из Иванкино, где Итте маленький и лежит в колыбели.

4. Имена героев

Имя главного героя на р. Кети звучит стабильно как *Итте*, (у Г. И. Пелих *Итче*).

В Иванкино и Сондорово – *Итя, Иде*.

В чумылькупских текстах оно чаще всего выступает в форме *Иджэ*, но имеет значительные фонетические и словообразовательные различия: на Тыму отмечены варианты *Иджеларбасэк, Иидже Каджа*; на Чузике – *Идя*; Обь (Ласкино) – *Идзя, Идже Каза*; на Чижапке – *Китка* (Никитка в русском переводе информантки), *Итя, Иде*.

Имя противника героя также имеет значительную вариативность:

- На Кети – *Пюнегуссе*, а также *Пюневальде* (Г. И. Пелих) / *Пюневельде* (И. Н. Гемуев).
- На Чае, как и на Кети – *Пюнегуссе*.
- На Оби в Иванкино: *Пёнэгессэ, Оккырсай лоз, Пёнэге*.
- На Тыму – *Пунгель-ара, Пёёнеге, Пёнеге*;
- На Чузике – *Пёнеге*; Обь (Ласкино) – *Пюневальде*;
- На Чижапке – *Хайгыдыл ара, Пёнеге*.

Эквивалентами им на русском языке являются: *людоед, лесной черт, черт, лесной, безглазый (одноглазый) старик*. (Все варианты приведены в таблице – см. Приложение 1 в графе *Имена основных героев*.)

5. Родственники Итте

Помимо основного героя и его противника-людоеда, в сказочных фрагментах есть ряд дополнительных персонажей: как правило, это родственники Итте.

Бабушка Итте

Этот образ присутствует в значительном числе записанных текстов и является ключевой фигурой повествования. На Кети её называют *Имыя*, *Иммыя-пая*, в иванкинских текстах *Альдюга*, в чумылькупских *Аджьука* (мать отца). Вместе с бабушкой Итте живет в верховьях некоего маленького притока большой реки. Она вырастила Итте, научила его не бояться оставаться в лесу и быть храбрым, предупреждала его об опасностях, не разрешала ему далеко уплыть на обласке, пугая „одноглазыми карасями”. Преодолевая этот запрет, Итте попадает в водоворот приключений.

Родители Итте

Упоминания о них в текстах редки. Они либо уходят днем на рыбалку (Иванкино) или за ягодой (Кеть), возвращаясь только к вечеру (а днем Иттю посещает черт), либо их когда-то забрал к себе в работники или съел Пюнегуссе. При каких обстоятельствах людоед съедает родителей Итте – это остается за рамками повествования; сюжет начинается с констатации данного факта, который как раз и объясняет, почему Итте живет вдвоем с бабушкой.

Сестра Итте

В двух текстах появляется образ сестры Итте. Он вырисовывается как персонаж, перешедший на сторону врага героя – людоеда Пюнегуссе. Мотив инцеста отсутствует. В тексте с Кети сестра Итте начинает жить с людоедом и сама становится людоедкой. Вдвоем они замышляют убить Итте и совершают несколько совместных попыток. Дважды им удается победить Итте, сварить его и съесть, но каждый раз Итте выручает его жена и сын. В тексте из Иванкино сестра Иде только лишь потенциально готова стать женой лоза: „Сестра Иди сидела, плакала и пела: Одноглазый лоз бы пришел, я бы за одноглазого лоза замуж бы вышла”. Но отец прогнал пришедшего за сестрой Иди лоза, и „осталась она в девках сидеть” (Сказки нарымских селькупов 1996).

В качестве еще одного родственника, играющего значительную роль в судьбе Итте, упомянут его дядя. Текст о жизни Итте со своим дядей записан единожды на Кети И. Н. Гемуевым.

Есть также *тесть* и *тымский зять* Итте, с которыми он гонится за небесным лосем и попадает на Небо.

Жены и дети Итте

Многие приключения Итте завершались тем, что у него появлялась жена. По совокупности разных сюжетов его женами были: одна из дочерей безглазого старика-шамана, которая созналась, что она не ела человеческого мяса (Чая); девушка из уха Рыбы с Шерстистым Рогом или Рыбы с Пятнистым Рогом (Кеть); все три

Дочери Лесного Духа – *Массуй лоозыт нээла*, привезенные Итте от богатырей-*маду*ров (Кеть); девочка из лукошка *Некувай-ниттень*, подаренного Одноглазым чертом (Кеть); дочь татарского князя, отданная Итте в благодарность за то, что он спас их народ от голода (Чая).

Несмотря на большое количество жен, о детях Итте сведения в текстах практически отсутствуют. Только К. Доннер приводит информацию, что от одной из дочерей Лесного Духа у Итте родился сын – Медвежий Дух-идол *Паргай куорг лоз*, от этого их сына ведут свое происхождение селькупы Кети; и от дочери татарского князя у Итте были сын и дочь – „сына он притягивал крючками, а дочь отпихивал от себя”. Кроме того, сыном Итте стал „сынишка”, подаренный ему медведем в лукошке в качестве помощника.

6. Борьба Итте с великаном-людоедом

В качестве врага Итте практически во всех текстах выступает великан и людоед Пюнегуссе, постоянно приносящий вред людям: он их ловит и пожирает „без разбора”. Подчеркивается его кровожадность. В Иванкино отмечается, что он ходит с шилом и втыкает шило в людей, а затем пьёт кровь. Особенно он любит съедать детей, но помимо того, что он мог их съесть, он также мог „натянуть им глаза на затылок”. Также упоминается, что у него был один глаз (признак представителя потустороннего мира), или глаза находились на макушке. У людоеда есть дочь/три дочери. Вокруг его жилища натканы колья с насаженными черепами и растянуты человеческие кишки.

В нескольких вариантах представлена борьба и смерть отрицательного героя:

- Итте коварно обманывает дочерей Пюнегуссе и варит их в котле вместо себя; ничего не подозревающий людоед сначала съедает похлебку из собственных детей, но затем, когда обнаруживает обман, сильно сердится и гонится за Итте. Итте забирается на дерево и оттуда дразнит людоеда. Запасенным заранее пеплом/песком он засоряет глаза великану, а затем сжигает его на костре, причем голова великана превращается в кочку на болоте, а зубы становятся колючками шиповника. Вариантами данного финала являются ситуации: когда Пёёнеге с залепленными золой глазами сам себя „в землю закопал” (Тым); людоед „заплакал и ушел” (Кеть); Итте настегал Пюнегуссе черёмуховым прутом и убил его (Кеть). Тот факт, что пепел и искры от сожженного тела Пюнегуссе превращаются в комаров и паутов, которые с тех пор ежегодно жалят и мучают людей, встречается только в тексте К. Доннера. Такая метаморфоза людоеда хорошо известна также по северосель-

купским текстам; однако в южных текстах это редко проговаривается, хотя всегда подразумевается.

- Людоед съедает Итте, но тот успевает захватить с собой нож и сам освобождает себя, разрезав изнутри брюхо Людоеда; после чего он женится на одной из его дочерей, которая не ест человеческое мясо (Чая, Обь-Иванкино, Чижалка, Кеть).
- Идя совместно со своим народом убивает Великана, заставив хитростью снять железную шубу: „Пёнгессэ Идю вниз отпустил и железную шубу скинул. Тогда Идины родственники все пришли и Пёнгессэ убили” (Сказки нарымских селькупов, 1996:132).
- Итте, победив людоеда и сестру-предательницу, „на восточную ёлку сестру задом воткнул, а Пюнегуссе – на западную. Так они и качаются до сих пор” (Кеть).
- Пёнге прилипает к намазанному смолой котлу/обласку, не может высвободиться и умирает от голода (Обь-Иванкино).

7. Идже (Итте) - паук

В чумилькупском ареале имя Идже / Идже Каджа не всегда воспринимается как собственное имя фольклорного героя, предстающего в антропоморфном облике – мальчика, ребёнка-подростка, парня. Стоит отметить, что часто информанты с р. Парабели, Васюгана, Кёнгы, не зная сюжетов о герое Итте, интерпретировали это имя как название паука, давая ему „русский перевод” словом *мезгирь*. Наиболее развернутые представления о пауках-мезгирах и целом городе мезгирей были записаны на Чижалке Н. П. Максимовой и И. А. Ильяшенко (Байдак, Тучкова, 2004: 64). Если людоед ловит людей, съедает их или пьёт кровь, то Идже-паук ловит комаров и других кровососов, появившихся из сожженного тела Пюнегуссе, сетью-паутиной. Герой предстаёт в образе паука и в Иванкинских текстах: „Идя промышлять (сетью) захотел. Сети свои собрал он, пошел, сети свои поставил. В Идины сети попали мухи, комары, мошки, пауты. Идя поедает (их)...” (Сказки нарымских селькупов 1996: 137). Кроме паука, Идя мог также выступать в образе стрекозы, также способной поедать кровососущих тварей. Таким образом, как бы хитер и силен не был Пюнегуссе, Итте будет всё равно оказываться и хитрее, и сильнее его.

8. Итте и звёздное небо

Ряд текстов, где герой Итте попадает на Небо в погоне за Лосем, воспроизводят широко известный в Сибири миф о *Небесной охоте* на Лося, объясняющий появ-

ление на небе созвездия „Большой Медведицы”. По данным А. И. Кузьминой, селькупам верховий Кети созвездие Большой Медведицы было известно под названием *И:тте пенггам нёгат* – „Итте преследует лося”. Итте совместно с *Ыльдят* – „дедушкой, отцом жены” и *Казыкын’тын илай т’е’парт* – „зятем, проживающем на реке Тым” пустились в погоню за лосем, и не заметили как пришли на небо; “теперь всё время там живут”. Такой же сюжет был отмечен в среднеобском диалекте, только участниками охоты вместе с Идей оказались *Кольгоссе* и *Кана*. „Они всё время бегут: лось идет впереди, за лосем следует Идя, позади Иди идет Кана, вслед за Каном – Кольгоссе”. В чумылькупском ареале (р.Чузик, д. Горелый яр) созвездие Большой Медведицы называют „досиная полка” и интерпретируют как сидение в обласке, которое Идя и Кана намазали смолой и к которому прилип „черт” Пёнеге; чтобы избежать смерти и успокоить рассердившегося Пёнеге, Идя и Кана обещают добыть ему лося, и все втроем (Идя – Кана – Пёнеге) вслед за лосем попадают на небо (Кузьмина 1977: 73–76). Последний сюжет, где Иде наказывает Пёнэгессэ, поймав его в намазанный кедровой смолой обласок, был записан еще раз в Иванкино. Однако заканчивается он не актом „небесной охотой”, а смертью Пёнэге от голода (Сказки нарымских селькупов 1996: 154). Имя Итте фигурирует также в названии групп из семи звезд, „расположенных на небе в виде острия стрелы” – это стрелы героя Ити (*и:т’м’ен тыссела*). А. И. Кузьмина приводит следующую интерпретацию: „Когда Идя стрелял и не попадал в сохатого, то его стрелы зацеплялись на небе, прилипали к небу и оставались там в виде звезд” (Кузьмина 1977: 76). Созвездие Орион трактуется селькупам как растянутая для просушки рыболовная сеть Итте. Селькупы Кети называют ее *и:т’м’ен на:р касай понггэ* – ‘Иттина сеть с тремя поплавками’, где „поплавками” выступают три крупные звезды „Пояса Ориона”. Такое же название для этого созвездия записано на Средней Оби (Ласкино) – *и:ден на:Гур каза пок* (Кузьмина 1977: 76). Все эти общесибирские мифологические сюжеты, строго говоря, вероятно не относятся собственно к циклу сказок об Итте, но они явно адаптированы и включены в общеселькупский фольклорный фонд: небесный охотник – сын Бога (это известно по текстам иных сибирских народов) соотнесен с Итте, таким образом, при наличии этих текстов, можно сделать умозаключение, что Итте воспринимался селькупам как Сын Бога. В связи с намёком на божественное происхождение Итте, особым становится образ, известный по североселькупскому фольклору: *Нун Ий – Сын Неба*; однако у южных селькупов этот образ ни разу не был отмечен. Зато известен текст с Кети, где Итте в виде очень маленького мальчика получает от своего отца Старика горсть творящей шерсти, из которой появляются звери в лесу и рыба в реках. Такая

творящая функция присуща только Богу Нуму и, таким образом, также косвенно утверждается, что Итте – сын Бога.

9. Циклизация текстов об Итте

Вопрос с включением общесибирских мифов в состав *Эпоса об Итте* поднимает принципиальный вопрос: как различные текстуальные фрагменты с участием данного героя соотносятся друг с другом. Можно ли все эти сюжеты называть циклом сказок (или сказаний); достаточно ли оснований для применения данного термина? У фольклористов есть несколько подходов к определению понятия фольклорного цикла. Широкое толкование данного термина позволяет называть циклом ряд произведений, объединённых какой-либо общностью – темой, материалом, ритмом или музыкальным мотивом, одними и теми же действующими лицами или даже настроением (Никонов 1985: 193). Более узкое и строгое понимание термина цикл предполагает наличие таких признаков цикла как: центр повествования или срединный персонаж (вроде „князя Владимира”, „короля Артура” и т.п.), который не обязательно сам проявляет активность по ходу действия, но выполняет роль связующего звена между различными частями эпоса. Присутствие образно-поэтического центра предполагает упорядоченность образно-художественной структуры, по связи с которым и осуществляется движение действия внутри эпического произведения (Аникин 2004). Если руководствоваться первым определением, то сюжетные фрагменты, действительно, по наличию двух обязательных действующих лиц – Итте и Пюнегуссе можно определить как фольклорный цикл. Относительно второго определения необходимы дополнительные литературоведческие (фольклористические) исследования имеющегося материала и обсуждение специалистами ряда вопросов: например, можно ли срединным персонажем считать Бабушку, воспитавшую Итте – в ряде текстов действие начинается с неё и подразумевается, что завершается оно тем, что Итте возвращается домой, к Бабушке – на исток родной реки. Однако таких текстов немного. Как известно, впервые различные истории с героями Итте и Пюнегуссе, услышанные и записанные в разных местах, объединил в единый текст К.Доннер. Он буквально „сшил” это произведение из отдельных „саг”. В поселке Миташкино на Кети он впервые услышал её „в полном виде”, однако рассказчик не смог весь текст „сообщить дословно”, некоторые части произведения он давал только в пересказе (Доннер, 1915: 39). Тем не менее, у финского исследователя получилась схема поэмы, которую он проверял и дополнял, двигаясь далее вверх по Кети в Лелькинскую и Натско-Пумпокольскую инородческие волости, а затем в Тазовскую тундру. Если попытаться охарактеризовать тип циклизации, которую осуществил К. Доннер, то это, вероятно, будет примыкание,

когда эпизоды просто следуют один за другим, не ломая своих границ. Путеводной нитью, в данном случае, выступила судьба основного героя Итте – его взросление, мужание, постоянная борьба с противником-людоедом, победа, достижение статуса мудрого правителя, усталость и уход на покой. Таким образом, вопрос фиксации разных возрастных характеристик Итте, которые выступили важным критерием в процедуре циклизации, приобретает особый интерес: известно ли что-нибудь о возрасте Итте по иным текстам, записанным не К. Доннером? На этот вопрос уже сейчас со всей определённой можно ответить утвердительно. Например, Н. М. Воеводиной на Кети в посёлке Усть-Озёрном зафиксирован текст по-селькупски о том, как маленький *Ит'е* живёт с отцом и матерью *ез'иев'имкъезе* и к нему приходит чёрт - *лооз*. В этом тексте подчеркивается, что Итте очень маленький и не может даже сам забраться на лавку, но уже побеждает чёрта (Воеводина 1980: 68–71). И. Н. Гемуевым в том же поселке Усть-Озёрном записан сюжет, где размеры маленького Итте буквально исчезающе малы: он так мал, что, прицепившись к спинке нарты, оказался незаметным для людей, тащивших эту нарту; или мог спрятаться под одежду отца-Старика и стать невидимым. Его маленький возраст подчеркивается также есознательным детским поведением – он не слушает наказ отца-Старика – разбросать „помаленьку” данную ему шерсть, творящую зверей и рыб, а раскидывает её всю целиком, отчего нарушается баланс между охотниками и добычей в природе. При этом он постоянно норовит заснуть, но не просто от лени, а для того, чтобы набраться сил, вырасти: „день он пробалуется, вечером в свой уголок забьется и спит”; „поест – спит”. Идя – младенец в тексте в записи из Иванкино: „Жили-поживали старик со старухой. У них жили дети: один сын большим был, дочь средняя. Идя, третий, маленький был. В берестяной люльке спал” (Сказки нарымских селькупов 1996: 137). Итте неженатый парень в большинстве фрагментов К. Доннера, Н. П. Григоровского, Г. И. Пелих, в текстах северных селькупов. После каждой победы он приобретает себе жену. Итте – мудрый и уставший правитель своего народа, удалившийся от дел после пришествия в землю селькупов Христа и его детей (русских) – такая возрастная и статусная характеристика героя присутствует только в тексте К. Доннера.

10. Проблема жанровой принадлежности текстов об Итте

Не менее важным является вопрос жанровой принадлежности текстов об Итте. Является ли этот набор сюжетов эпосом в литературоведческом смысле или все фрагменты с участием Итте следует называть сказками, или же для их обозначения необходимо использовать иной фольклористический термин? Российская литературоведческая традиция определяет эпос как „повествование, характеризу-

ющееся изображением событий, внешних по отношению к автору”, при этом „народным эпосом” именуют специфическую разновидность повествовательных произведений *в прозе и стихах*, неотделимых от исполнительского искусства (Аникин 1985: 203). Если наличие стихотворной формы не является строго обязательным условием при использовании термина «эпос», то тогда к собранному фольклорному материалу с участием героя Итте вполне можно его применять. Однако в таком случае явственно будет ощущаться некая „натяжка”, которая обуславливается низкохудожественной формой изложения сюжетов. Тем не менее, судя по тексту-пересказу К. Доннера, который уверенно называет отдельные сюжетные эпизоды сагами (сказаниями), а всю сумму текстов – эпосом или „великой эпической самоедской поэмой”, можно предположить, что ему довелось слышать качественное и, вероятно, поэтизированное исполнение, тогда как все последующие собиратели записывали фрагменты в тот период, когда не только исполнительское мастерство, но и даже простые навыки свободного владения селькупской разговорной речью оказались в южноселькупском ареале в значительной степени утраченными. Произведение оказалось отделённым от исполнительского искусства и деградировало в художественном плане (произошло явное занижение формы изложение – от суммы поэтических сказаний остались прозаические тексты близкие к сказке или же рассказы-пересказы). Исследования по архаичному фольклору нередко фиксируют ситуацию, когда одно произведение бытует в различных фольклорных формах: один и тот же сюжет мифа или предания может быть исполнен либо в песенной форме, либо в прозаической, либо в форме ритмизованной прозы, и песенная форма исполнялась, как правило, только в ритуальной обстановке. Если же ритуальная обстановка отсутствовала, то произведение исполнялось в более простой форме. Повторное исполнение не практиковалось, поэтому для записей исследователей, которые обычно требовали повторов, произведение нередко воспроизводилось в виде рассказа-пересказа (Лукина 1990: 34–35). Можно предположить, что не только плохое владение разговорной селькупской речью и утрата высокохудожественного исполнительского мастерства, но также и отсутствие „ритуальной обстановки” при интенсивном разрушении ткани селькупской традиционной культуры в XX в. объясняет отсутствие у селькупов записей песенных и поэтических произведений, и, в том числе, сказаний об Итте в поэтической форме. О факте бытования в прошлом в селькупской среде героико-эпических песен и традиций художественного их исполнения певцами-сказителями упоминал М. Кастрен, который считал, что *богатырские песни – Küeldet* – были „в величайшем уважении у Самоедов”. „С религиозным почти благоговением прислушиваются они к каждому слову, срывающемуся с уст певца. Точно так же как шаман, сидит и певец, на скамейке или на

сундуке, по середине юрты, а слушатели располагаются вокруг него. В Томской губернии я заметил, что певец старается выразить телодвижениями участие, принимаемое им в своем герое. Тело его трясется, голос дрожит, левою рукою он беспрестанно закрывает глаза, полные слез, а в правой – держит стрелу, обращенную острием к полу. Слушатели сидят обыкновенно безмолвно; но когда богатырь погибает, или взвивается на крылатом орле к облакам – у них вырывается громкое *хее*, соответствующее нашему *ура*” (Кастрен 1860: 304). Фактически угасшая в XX в., селькупская эпическая традиция нашла новое своё воплощение. Как минимум трижды предпринимались попытки соединить фольклорные тексты об Итте с индивидуальным (авторским) творчеством: К. Доннер соединил разрозненные части и выстроил их в определенном композиционном порядке; А. Преловский, по нескольким, включенным в текст К. Доннера поэтическим строкам-формулам, вроде следующих: „Итте, обладающий мудростью семи богов, Итте, обладатель семи стран”, „Рыба с волосатым рогом, рыба с пятиным рогом”, определил в них «анафорическую рифму и внутренний дактилический строй стиха» и на основе данного вывода создал своё поэтическое произведение *Матур Итте: Селькупское сказание* (Гашилов 2000); И. А. Коробейникова перевела текст К. Доннера на чумьлыккупский диалект селькупского языка и занимается его пропагандой в учебном процессе (Коробейникова 2001: 276–280). Таким образом, на основе селькупских фольклорных текстов появились литературные авторские произведения, позволяющее продлить в преображенном виде существование эпической традиции и сделать её достоянием как научной общественности, так и широкой читающей аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатало, Ярмо 1997: Путешествие Кая Доннера по Кети в 1912 г, in *Земля верхнекетская*, Томск
- Аникин, В. П. 1985: Эпос, in *Краткий словарь литературоведческих терминов*, Москва
- Аникин, В. П. 2004: *Теория фольклора*, Москва
- Байдак, А. В. – Н. А. Тучкова 2004: Эпизоды „Эпоса об Итте” в чумьлыккупском диалектном ареале, in *Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, этнографии, лингвистики*, Томск, 51–64.
- Быконя, В. В. 1981: Идже и бабушка, in *Сказки народов Сибирского Севера*, Томск
- Быконя, В. В. – А. А. Ким – Ш. Ц. Купер 1993: *Шёшкуй букварь*, Томск
- Воеводина, Н. М. 1980: Итя, in *Сказки народов Сибирского Севера*, Томск, 68–71.

- Гашилов, А. И. 2000: Селькупский миф об Иче в поэтической версии А. Преловского, in *Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ*, Санкт-Петербург, 141–145.
- Гемуев, И. Н. 1984: *Семья у селькупов*, Новосибирск
- Григоровский, Н. П. 1879: *Азбука сюссового гулани*, Казань
- Donner, Kai. 1913–1918: *A Samoyed Epic* = *JSFOu* 30, 26/1–13.
- Доннер, Каи 1915: Самоедский эпос, in *Труды Томского Общества изучения Сибири*. Том 3. Вып. 1., Томск
- Доннер, К. Р. 1997: Самоедский эпос, in *Земля верхнекетская*, Томск, 145–162.
- Кастрен, М. А. 1860: Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири, in *Магазин земледения и путешествий. Географический сборник*. Т. VI. Ч. II. Собрание старых и новых путешествий, Москва
- Коробейникова, И. А. 2001: Проблема обратного перевода фольклорных текстов: с русского языка на селькупский, in *Самодийцы*, Тобольск – Омск, 274–280
- Кузьмина, А. И. 1977: К этимологии названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке, in *Языки и топонимия* 4, 71–85.
- Кузьмина, А. И. 1961–1978: *Полевые материалы*, in Архив IFUU, Hamburg. [Рукопись]
- Лукина, Н. В. 1990: Предисловие, in *Мифы, предания, сказки хантов и манси*, Москва, 5–57.
- Никонов, В. А. 1985: Цикл, in *Краткий словарь литературоведческих терминов*, Москва
- Пелих, Г. И. 1961: *Полевые материалы* in Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета [Рукопись]
- Пелих, Г. И. 1972: *Происхождение селькупов*, Томск
- Преловский, А. *Матур Итте*: Селькупское сказание (поэтическая версия). [Рукопись, фрагменты in Гашилов А. И. 2000]
- Пухначев, В. М. 1972: *Сказки старого Тыма*, Новосибирск
- Ураев, Р. А. 1956: *Полевые материалы* in Семейный архив С. И. Осиповой. [Рукопись]
- Сказки нарымских селькупов* 1996, Томск
- Szabo, L. 1967: *Selkup Texts with Phonetic Introduction and Vocabulary*, Bloomington – The Hague, Indiana University

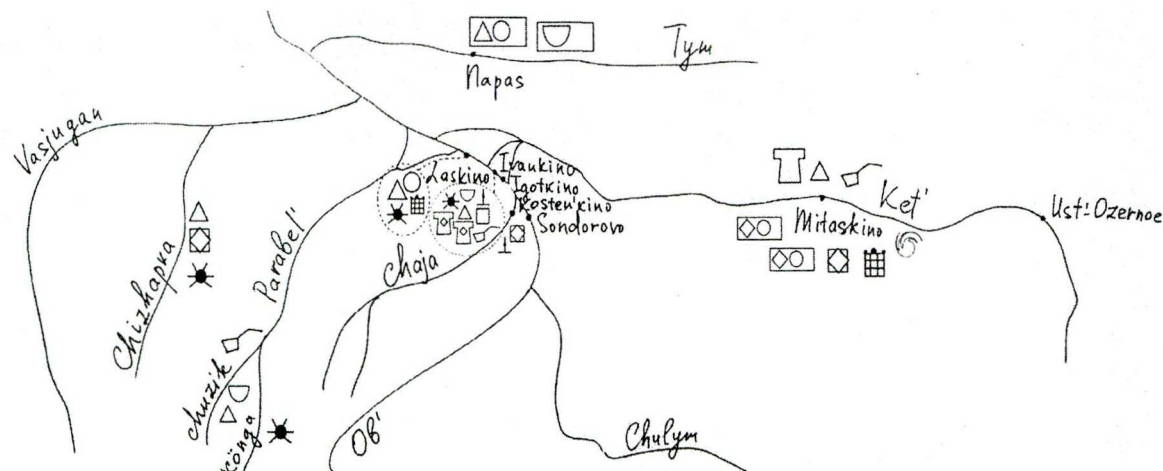
ПРИЛОЖЕНИЯ

Собира- тель	Количес- тво фраг- ментов	Инфор- манты	Место записи	Год записи	Год публ.	Имена основных героев
Григоров- ский, Н.П.	1		[р.Чая, ю. Костень- кины]	[1870-е гг.]	1879; 1961	Итя, Пюнегуссе, Альджига / Альдчига
Доннер, К.	Реальное кол-во записанных фрагментов неясно	Арбалдаев, А. и др.	Р. Кеть, ю. Миташкины и др.; р.Чая	1912	1915; 1997; 2001	Итьте, Пюнегуссе, Массу-лоз, Пюне, Тари амди куэл- еккри амди куэл, Паргай- куорг, Кристос и др.
Пухначев, В. М.	1		[Кеть]	[1930-е]	1959 и др.	Итте, Имья- пая
Ураев, Р.А.	1	Чичигозин, А. И.	Р.Тым, Напас	1956	Неопубл	Иджеларба- сэк, Пунгель ара
Szabo, L.	1	Тагина, Т.Д	(р.Тым), Ленинград	[1960]	1967	Iiže kaža. Röönege
Пелих, Г.И.	2	Боркин, В. С., Кондуков, Н. И.	Р.Кеть, Боркино Кеть, Усть- Озерное	1951; 1963	1972	Итте; Итче, Пюневальде, Имьят Пананге
Кузьмина, А. И.	3 1 2 1 1		Кеть; Ср.Обь [Иванкино]; Чузик, Горелый Яр, Обь (Ласкино) Новосондор ово	[1970-е]	1977 Неопубл.	Итте, Ыльдят, Казыкын'тын илай тепарт; Идя, Кольгоссе, Кана; Идя, Кана, Пёньгъ; И:де It'a
Воеводина, Н. М.	1	Кондукова, К. Н.	Кеть, Усть- Озерное	[1970-е]	1980	Ит'е, ез'иев'имквэз е, лоз'е
Быконя, В. В.	1	Минеева, Н. Н. (Чузик, Пудино)	Тым, Напас	[1970-е]	1981	Идже, Имјал паја, Пёнеге
Быконя, В. В., Ким, А. А., Купер, Ш. Ц.	1		Обь, Иванкино	[1980-е]	1993	Иде, Альдига

Собира- тель	Количес- тво фраг- ментов	Инфор- манты	Место записи	Год записи	Год публ.	Имена основных героев
Гемуев, И. Н.	1 2	Мунгалов, С. П. Кондуков, Н. И.	Кеть, ю. Марковы Кеть, Усть- Озёрное	1980	1984	Итте, Пюнегусэ, Оксай-Лоз, Некувай- ниттень, Кон; Итте, отец- Старик Итте, Дядя, Пюневельде, Пачьянны
Ким, А.А., Максимо- ва, Н. П.	4 1	Иткумова, Л. П., Тобольжи- на, М. Р.	Обь, Иванкино	1980-е гг.	1996	Иде, Пёнэгессэ, Альдига; Ара-Паясык, Оккырсайи лоз, Иден неннят; Иде, Пёнэге
Максимо- ва, Н. П., Ильяшен- ко, И. А.	2	Чинина Д. Н. (р. Чи- жапка, ю. Вольджа)	Обь, Каргасок	1983 г.	2004	iTa, aDukade, kitka, aDuka
Коробей- никова, И. А.	1 1	Малькова, А. А. Тагаева, М. Н.	Обь, Ласкино	1996	2001	Идзя, Пёнэге, Аджука Идже кажа, Пюневальде

Приложение 1

Фрагменты «Эпоса об Итте» на территории Южных Селькупов

Бабушка учит Итте храбрости Grandmother Teaches Itte to be Brave	△	Итте приклеил Людоеда смолой Itte glued the Man-Eater with tar	◐	Итте-паук (Итте ест комаров и мух) Itte-spider (Itte eats flies and mosquitos)	★
Ловушка-дразнилка Echo-trap	○	Итте путешествует на Небо Itte travels on the Sky	⊥	Итте преследует лося Itte pursues Elk	◑
Косоглазые караси и утки Cross-eyed crucians and ducks	◇	Людоед съедает своих дочерей вместо Итте Pnegusse eats his daughters instead of Itte	□	Сеть Итте с тремя поплавками Itte's net with three floats	▣
Великан снимает шубу Man-Eater (the Giant) takes off the fur-coat	⌂	Итте попадает в живот Людоеда Itte Falls into Pñegusse's Stomach	□	Итте получает творящую шерсть Itte receives creating wool	☯

SOME PROBLEMS OF NGANASAN PHONOLOGY: MORA OR SYLLABLE?

ZSUZSA VÁRNAI
Budapest, Hungary

In this paper I analyse the Nganasan vowel system. First I summarise the notations of vowels as proposed in the literature, then the various types of vowels: short vowels, diphthongs, ⁱ*a* and ^u*a*, and finally long vowels will be discussed in detail.

1. Short vowels

<i>Castrén</i>	front		central		back	
	unrounded	rounded	unrounded	rounded	unrounded	rounded
high	<i>i</i>	(<i>u</i>)				<i>u</i>
mid	<i>e</i>					<i>o</i>
low						<i>a</i>
Prokof'ev						
high	<i>i</i>		(<i>i</i>)	(<i>u</i>)		<i>u</i>
mid			<i>e</i>			<i>o</i>
low					<i>a</i>	
Tereščenko						
high	<i>u</i> [i]	ÿ [ü]				
			ɨ [i]			ɣ [u]
mid	ə [e]					o [o]
			ə [ə]			
low	ɤ [æ]					
	<i>a</i> [a]					
Helimski	front		non-front			
	unrounded	rounded	unrounded	rounded		
high	<i>i</i>	ï	ĩ	<i>u</i>		
mid	<i>e</i>		ə	<i>o</i>		
low	ⁱ <i>a</i> *		<i>a</i>	^u <i>a</i> *		

Table (1): Notation of short vowels

*= Helimski called these „diphthongoids”.

In addition to the vowels that his predecessors had observed before him, Tereščenko identified a new vowel *ɤ* [æ], which is front, unrounded and low („very open”). He said that *ɤ* [æ] often palatalised the preceding consonant (Tereščenko 1979: 29). Castrén had mentioned, too, that after *j* and palatalised consonants, and in diphthongs whose other

element was front, there occurred the variant *ä* (Castrén 1954: 4). Helimski's research further specified this vowel's status: he proposed that *i**a* and *u**a* were diphthongoids (as opposed to diphthongs) (Helimski 1998: 485). These special elements of the Nganasan vowel system will be considered diphthongs (as opposed to short vowels) in my analysis (see later).

	front		central	back
	unrounded	rounded	unrounded	rounded
high	<i>i</i>	<i>ü</i>	<i>j</i>	<i>u</i>
mid	<i>e</i>		<i>ə</i>	<i>o</i>
low			<i>a</i>	

Table (2): The short vowels of Nganasan

2. Diphthongs

One question that arises is how many diphthongs there are in Nganasan. Every researcher so far thought that Nganasan had a high number of diphthongs:

Castrén (1854: 21)

- *ei, ui, oi, ai, üi,*
ie, ue, oe, ae, üe,
iu, eu, ou, au, üu,
uo, ao,
ia, ea, ua, oa, üa,
iü, eü
- Diphthongs normally include two short elements, but in the Samoyed languages there may be diphthongs with a long second part, namely *uâ* (*uaa*) in Nganasan (Castrén 1854: 22).
- Triphthongs: *iei, eai* (*eäi*), *oai, uei, aoi, uai, üai, eau, uou, oae, eae* (Castrén 1854: 23).

Prokof'ev (1937: 56)

- *ea, ia, oa, ua, üa,*
ae, ie, üe,
uo, üo,
au, ou
- long vowels often alternate with diphthongs within a paradigm: *kumā* 'knife': *kumauna* 'my knives'.

Tereščenko (1979: 30–32)

- *eu, ou, au, əu,*
üo, üö, uo,
ia, üa, ua, ja
iə, jə

- diphthongs alternate with monophthongs: *ua* ~ *a*, *uo* ~ *o*, *üö* ~ *ü*, *uo* ~ *o*, *ua* ~ *o* (Tereščenko 1979: 31), and they can alternate with other diphthongs: *uo* ~ *əa* ~ *ua*, *ua* ~ *uo*.
- diphthongs can be divided by a morpheme boundary, they can alternate with monophthongs (long or short) in a paradigm: *sorua* 'rain' : *soruləsa* 'it's raining' (Tereščenko 1979: 31).
- sometimes triphthongs occur: *hjääd'e* 'thumb', *ñühüou* 'forefinger' (Tereščenko 1979: 32).

Tibor Mikola was the first to point out in his short description of Nganasan (1970) that there were fewer diphthongs in this language than the researchers had thought before. He said they had misinterpreted „non-phonematic glides” as elements of diphthongs (1970: 60).

Eugen Helimski created a new situation in his description: he differentiated short and long vowels, diphthongs and diphthongoids. Diphthongoids (ⁱ*a* and ^u*a*) have a very short initial element, they occur rarely, and their morphonological and metrical behaviour is the same as that of short vowels.

Helimski in his description wrote that diphthongs may have any of the 10 vowels (including diphthongoids) as their first component, and *i*, *ü*, *u*, *a*, ⁱ*a* (and *ə* only after high vowels) as their second component (Helimski 1998: 485–486). So there would be 56 possible combinations of vowels (excluding long vowels with the same element occurring twice in them). This seems to be too many.

Table (3) shows the clusters of two different vowels that actually do occur in Nganasan. So the number of combinations is 21. „–” indicates Helimski's restrictions for diphthongs. There could be further examples in the empty cells, but there are not enough data available from this language, because it is a scarcely researched, endangered one. Hence this lack of data is ambiguous: either the combination is really missing or there are just no collected data. Where possible, monomorphemic examples are given.

V ₁	V ₂	<i>i</i>	<i>ü</i>	<i>j</i>	<i>u</i>	<i>e</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	ⁱ <i>a</i>	^u <i>a</i>
<i>i</i>		X		–		–	<i>iə</i>	–	<i>a</i>		–
<i>ü</i>			X	–		–	<i>üə</i>	–	<i>üa</i>		–
<i>j</i>				X		–	<i>jə</i>	–	<i>ja</i>		–
<i>u</i>		<i>ui</i> *		–	X	–	<i>uə</i>	–	<i>ua</i>		–
<i>e</i>		<i>ei</i>	<i>eü</i>	–		X	–	–			–
<i>ə</i>		<i>əi</i>		–	<i>əu</i>	–	X	–			–
<i>o</i>		<i>oi</i>		–	<i>ou</i>	–	–	X	<i>oa</i>		–
<i>a</i>		<i>ai</i>	<i>aü</i>	–	<i>au</i>	–	–	–	X		–

	V ₂	<i>i</i>	<i>ü</i>	<i>j</i>	<i>u</i>	<i>e</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>ⁱa</i>	<i>^ua</i>
V ₁											
<i>ⁱa</i>		<i>ⁱai*</i>		–		–	–	–		X	–
<i>^ua</i>				–		–	–	–	<i>^uaa</i>		X

Table (3): Clusters of two different vowels that occur in Nganasan

*= only in morphologically complex forms:

tujh^uatui 'prospective' [PlGen], *laka^rai* 'suddenly' [PlGen]; *ñeinsi* 'to smell', *bai* 'deadline', *koidi* 'to leave', *kai^mü* 'cover', *ñeüsa* 'to undress', *sai* 'noise', *mäu* 'earth', *kou* 'ear', *kaulasa* 'to close', *biə* 'wind', *hüə* 'year', *kunsjə* 'inside', *ñomuə* 'rabbit', *dⁱia* 'brain', *dⁱindüa* 'horse', *kiabtusa* 'to decorate with marquetry', *kuañdə* 'fresh', *koagəlsj* 'to change the subject', *h^uaa* 'wood'.

We can see in (3) that the combinations of vowels are diverse, too unsystematic and irregular.

Usually the combination of vowels in diphthongs is more regular, and a restricted number of diphthongs occurs in languages. We have to mention Maddieson's (1984) and Ladefoged – Maddieson's (1996) typological databases, and their observations about diphthongs. In Maddieson's survey (1984: 133–134) a total of 83 diphthongs were found in the observed languages (the total number of languages analysed was 317), and they occurred only in 22 languages. The distribution of diphthongs in the sample is as follows:

languages	diphthongs
1	22
2	8
1	5
2	4
5	3
3	2
8	1

As we can see, except for one case (where 22 diphthongs occur in one language – it could be a mistake) many languages have only a few diphthongs. „Obviously a much larger number of languages permit sequences of juxtaposed vocalic segments which might be considered phonetically to be diphthongs, or have diphthongal sound which arise allophonically” (Maddieson 1984: 133).

We should stop here for a moment, and discuss what a diphthong is and now what is its relation to syllable structure.

A combination of two vowels can either be a diphthong or a hiatus. A diphthong is a combination of two vowels in one syllable (whose nucleus is branching). A hiatus is made up by two adjacent vowels in two adjacent syllables (a sequence of two non-branching nuclei).

On the grounds of what we established above we should think that earlier „diphthongs” are in fact hiatuses, so we have to assign them to two syllables each.

We have to mention that Helimski also wrote: „The phonetic stock of Nganasan is very rich in long vowels and diphthongs, but (apart from the case of *'a* and *"a*, see above) it is resonable to treat and transcribe them as vocalic sequences.” (Helimski 1998: 485).

Mikola similarly interpreted Helimski’s opinion in his dissertation: „Helimski listed only two diphthongs in the inventory of vowel phonemes. He mentioned that there are many other diphthongs in this language, but he thought that from the view-point of phonology they are two integral vowels” (Mikola 2004: 72).

This idea is supported by the phenomenon of consonant gradation. There are two types of consonant grade alternation in Nganasan: Rhythmic and Syllabic Gradation. Here are the rules of Syllabic Gradation:

- 1) If a syllable is open, or a closed syllable becomes open, the strong grade (of the gradational consonant that stands in the onset of the syllable) surfaces: *h, t, k, s, ś, ŋh, nt, ŋk, ns, nś*.
- 2) If a syllable is closed, or an open syllable becomes closed, the weak grade (of the gradational consonant that stands in the onset of the syllable) surfaces: *b, δ, g, d', mb, nd, ŋg, nd'*.

	H	T	K	S	Ś	ŊH	NT	ŊK	NS	ŊŚ
strong grade	<i>h</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>s</i>	<i>ś</i>	<i>ŋh</i>	<i>nt</i>	<i>ŋk</i>	<i>ns</i>	<i>nś</i>
weak grade	<i>b</i>	<i>δ</i>	<i>g</i>		<i>d'</i>	<i>mb</i>	<i>nd</i>	<i>ŋg</i>		<i>nd'</i>

Table (4)

e.g., *bahi* ‘wild reindeer’: *babi* [PI]; *bantu* ‘root’: *bəndu* [PI]; *hənsə* ‘bunch’: *həndə* [PI]; *nagür* ‘three’: *nakürə* [PI]; *hənd'ir* ‘drum’: *həns'irə* [PI].

Now consider how this all works in the case of words that end in vowel sequences. According to the traditional view, vowel combinations are diphthongs, so the gradational consonants are expected to stay in the weak grade before these sequences, because they belong to the syllable closed by the suffix. But according to the idea developed here these sequences create hiatus and belong to adjacent syllables, so before hiatus gradational consonants are expected to stay the in strong grade, because the suffix closes the second syllable, which has no onset. What happens actually?: *d'ütijə* ‘middle’, *d'ütijə* [PI] not **d'üδijə* [PI]; *kasuə* ‘cortex’, *kasuə* [PI] not **kad'üə* [PI]. If we observe what happens, we can see that the strong grade of the gradational consonant surfaces before vowel sequences, so these two vowels must be constituents of two separate syllables.

Consider another piece of evidence in connection with vowel harmony. If the two adjacent vowels belonged to the same syllable (if they constituted a diphthong), vowel harmony would be expected to apply. But we find *hüə-δu* [PxSg3] ‘year’ rather

than **hüə-δü*, *küə-δu* [PxSg3] 'pine' rather than **küə-δü*, *biə-δi* [PxSg3] 'wind' rather than **biə-δi*, so the second part of the sequence blocks the spreading of vowel harmony.

3. The status of *i*^h*a* and *"a*

About *i*^h*a* Castrén mentioned that after *j* and palatalised consonants, and in diphthongs where the other part of the combination is front, the variant *ä* occurs (Castrén 1954: 4). Tereščenko identified a vowel *я* [æ], which is front, unrounded and low („very open”). He said that *я* [æ] often palatalised the preceding consonant (Tereščenko 1979: 29). Helimski took that *i*^h*a* and *"a* to be diphthongoids (as opposed to diphthongs) (Helimski 1998: 485). All *i*^h*a*, all *"a* are recorded in early notes as *ia* (in Castrén's data *ea*) and *ua* sequences, respectively.

Mikola thought in another way about the diphthongs and these two vowels:

„Zwar habe ich in Frage gestellt, dass im Nganasanischen die Phoneme *a* und *ae* getrennt gibt und auch, ...dass es in der Sprache unserer taimyrischen Sprachverwandten so viele Diphthonge gibt, wie das von Tereščenko behauptet wird (1970: 60–61)” (Mikola 2004: 71). He wrote about *i*^h*a* and *"a* that: „Der-selbe Unterschied in der Bezeichnung einer ähnlichen Erscheinung zeigt sich zwischen Helimskis und meiner Notation, wo ich nach dem Konsonanten markiere, was Helimski nach dem Vokal markiert: (M) *h_aa* 'Satb, Stock' (Mikola 1970:75) (H) *hu_aa* (=h["]*aa*) 'Baum, Holz' (Helimski 1994: 144)” and „(T) *hæŋ* (1966c:417), (M) *h'aŋ* (1970: 75), (H) *h'iŋ* (1994:192) 'flache Hand' ” (Mikola 2004: 72).

Helimski's subsequent research specified the status of these two vowels: he called *i*^h*a* and *"a* diphthongoids (as opposed diphthongs) (Helimski 1989, 1994, 1998: 485).

As we mentioned above, two adjacent vowels (previously analysed as diphthongs) create hiatus. That is fortunate from the viewpoint of *i*^h*a* and *"a*, because now they may be seen as the diphthongs of Nganasan as corroborated by their morphological behaviour. Both of them are rising diphthongs (*i*^h*a*, *"a*).

This claim can be supported by some other phonological phenomena, too. The mid vowel *ə* can be assimilated by first components of vowel sequences into the corresponding mid vowel, and then optionally merge with those first components into the corresponding long mid vowel: *š_iə'laku* [š_iel'aku ~ šēl'aku] 'small', *hekutjə* [hekutjē ~ hekutē] 'warm', *hüə* [hüö ~ hō] 'year', *ŋuəj* [ŋuoj ~ ŋōj] 'foot', *məu* [mou ~ mō] 'earth'.

This phenomenon does not occur with the two diphthongs: their elements are not assimilated, rather they contract or monophthongise. They are more liable to posi-

tional variation than the other vowels. In casual pronunciation they can lose their initial element: The first ⁱ element of the diphthong ⁱa is often assimilated to the previous consonant, which is palatalised, or the diphthong can be monophthongised into [ä]: *hüägⁱaj* [hüögⁱaj ~ hüögä] 'knee'; *küüⁱa* [küüⁱä] 'died' (see Helimski, 1998: 485). The first ^a element of the diphthong ^aa can disappear, or else the diphthong can be monophthongised into [â]: *kəbtu^aa* [kəptu^aâ] 'blowed out' (see Helimski, 1998: 485). In sum: in casual pronunciation, diphthongs alternate with short vowels, whereas vowel clusters alternate with long vowels.

Mikola wrote about the origin of ^aa: „Die **pä* Verbindung zeigte die Entwicklung *pä* > *fa* > *h^aa*. Das labiale Element des *f* trennte sich vom Konsonanten und schlodde sich nach Helimski in der Form /^h/ dem Vokal an. Für eine solche Trennung des (**p* >) *f* ist mir aus anderen Sprachen kein Beispiel bekannt. PS **pä* 'Baum, Holz, Wald' (SW: 117) > ngan. (H) *h^aaa*, (M) *h_oa*, (C) *fâ*, vgl. ung. *fa*; PS **päjmâ* 'Stiefel' (SW: 118) > ngan. (C) *feamu*, (M) *h_oajmu*“ (Mikola 2004: 74).

And about the origin of ⁱa: „Nach dem heutigen Belegen und Castrén's Aufzeichnungen hat sich das **e* gespalten. Die Spaltung hatte den Diphthong *eä* > ⁱa zur Folge. Das halbtonige Element des ⁱa haben die leicht mouillierbaren Konsonanten in sich verschmolzen und wurden dadurch palatalisiert. Das gilt vor allem für die Dentale. Diese Hypothese scheinen Castrén's Belege zu untermauern: PS **peŋ* 'flache Hand' (SW: 121) > ngan. (C) *fean*, (M) *h^aan*....Nach Nicht-Labialen steht kein Diphthong, der Halblaut /^h/ verschmolz mit dem vorangehenden Konsonanten.“ (Mikola 2004: 74–75).

According to Mikola's conception, then, the short element (ⁱ and ^a) before *a* could be secondary articulation: palatalisation in case of ⁱa, labialisation in case of ^aa. This would seem to be expedient since the distribution of both diphthongs is rather restricted. They:

- occur rarely;
- never occur in word initial position;
- occur very rarely in hiatus, primarily in morphologically complex forms.

However the diphthong ⁱa has to be a separate phoneme rather than the product of secondary articulation because it plays a role in vowel harmony: the moderative affix (-jkA) has two variants, which alternate according to harmonic classes: *a*: *bəlua-jka* 'very angry'; ⁱa: *hirəgə-jkⁱa* 'very tall'. Although similar evidence does not appear to exist with respect to ^aa, for uniformity's sake we will adopt the same view about ^aa, too. But this question needs more investigation, additional fieldwork with native speakers, and historical research about the origin of these two vowels.

4. Vowel length

Another question of the Nganasan phonology that arises is whether vowel length is contrastive in this language or not. Earlier researchers have all thought that there are many long vowels in Nganasan:

Castrén (1854: 3–8)

- each vowel has a long correspondent: *a, e, o, i, u* (*u*) : *â, ê, ô, î, û* (*û*)

Prokof'ev (1937: 56)

- every vowel can be long: *a, e, i, o, u, (u)* : *ā, ē, ī, ō, ū*
- there can be alternation just like: *sonaa* ~ *sonā* 'gull'

Tereščenko (1979: 30)

- *i, ü, a, ə* : *ī, ū, ā, ē*

Helimski (1998: 485–496):

i, ü, j, u, ə, a : *ii, üü, ij, uu, əə, aa*

If our claim about vowel sequences above is on the right track, we have to think about long vowels too, that so they are two adjacent nuclei, because of the correspondence of their phonological attributes and metrical value with those of hiatus. As we supported our claim above with the help of syllabic gradation, we should try the same here in connection with long vowels: *latəə* 'bone', *latəə* [PI] not **laδəə* [PI]; *nitəə* 'cattle', *nitəə* [PI] not **niδəə* [PI].

Now we can see that sequences of the same constituent occurring twice are equivalent with sequences of different constituents: the strong grade of a gradational consonant surfaces before vowel sequences, so these two identical vowels, phonologically at least are constituents of two separate syllables.

Another argument can be based on the fact that, in casual pronunciation, word medial glottal stops may be absent: *añika* "a: [añika"a ~ añikā] 'big'. This VCV ~ VV alternation suggests that the VV sequence is bisyllabic to begin with.

Accordingly, from the viewpoint of the phonology, there are no long vowels in Nganasan. Thus the following oppositions will be analysed as single vowels vs. sequences of identical vowels:

<i>i</i> : <i>ü</i> <i>čimi</i> 'tooth' : <i>čüimi</i> 'fathom'	<i>j</i> : <i>ü</i> <i>hiti</i> 'nest' : <i>hüimsi</i> 'frightened'
<i>ü</i> : <i>üü</i> <i>hüðəku</i> 'pith' : <i>hüü</i> 'tinder'	<i>u</i> : <i>uu</i> <i>kuhu</i> 'skin' : <i>kuur</i> 'barrel'
<i>ə</i> : <i>əə</i> <i>kəsu</i> 'fume' : <i>kəəli</i> 'tears'	<i>a</i> : <i>aa</i> <i>bahi</i> 'wild reindeer' : <i>baarbə</i> 'farmer'

5. The structure of the syllable

In this section I discuss the constraints that apply to the constituents of the syllable and define the syllable template in Nganasan. There is general consensus in the literature that the nucleus can only be a vowel [–consonantal] in Nganasan: there is no syllabic

consonant in this language. The problem is the complexity of the nucleus. We should observe syllable weight and the metrical value of the vowels.

5.1. Syllable weight

The weight of the syllable depends on whether its components are complex or not. So a light syllable (short vowel in an open syllable) is monomoraic with a non-complex nucleus whereas a heavy syllable (long vowel in an open syllable or short vowel in a closed syllable) is bimoraic with a complex nucleus or rhyme. Usually short vowels are monomoraic, long vowels and diphthongs are bimoraic.

Péter Hajdú was the first to write about the phenomenon of mora counting in Nganasan in his studies. He observed the phenomenon of consonant gradation on Cast-rén's and Prokof'ev's data. He recognised that the variation of gradational consonants depends not only on whether the syllable is closed or open, but there is another source of variation: the quantity of root vowels determines whether the consonant occurs in weak or strong grade. He observed stress in this language, and he noticed that it is not the quantity of the syllable but the quantity of the root vowels that determines stress assignment (Hajdú had the traditional opinion about the vowel sequences, too). This points to the fact that gradation follows the principle of mora counting.

Helimski's research specified the exact status of mora counting in Nganasan (Helimski 1989, 1994, 1998: 485). Namely:

- short vowels are monomoraic (*nĭ* 'women', *kam* 'blood'),
- long vowels and vowel sequences are bimoraic (*bii* 'ten', *ñüä* 'child'),
- *i*a and *u*a, the diphthongoids, just like simple vowels, are monomoraic (*hⁱañ* 'palm', *h^ualä* 'stone'), independently of whether the syllable is closed or open.

In the light of these facts, one question arises: Is Nganasan really a mora counting language? Is it not enough to attribute these (morpho)phonological processes to syllables (not moras)?

As we mentioned above, we take a new stance about the status of diphthongs and long vowels in Nganasan: namely, that two adjacent vowels belong to two adjacent syllables (not to one as in the traditional conception), so they constitute a hiatus:

- simple nuclei, namely short vowels (*nĭ* 'woman', *kam* 'blood') belong to one syllable;
- complex nuclei, namely the *i*a and *u*a diphthongs (*hⁱañ* 'palm', *h^ualä* 'stone'), just like simple vowels, belong to one syllable; but
- long vowels and vowel sequences (*bii* 'ten', *ñüä* 'child') belong to two adjacent non-branching nuclei, i.e., to two consecutive syllables.

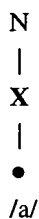
So mora counting is unnecessary in Nganasan. The concept of mora does not play as important a role as researchers had thought before.

5.2. Representations of nuclei

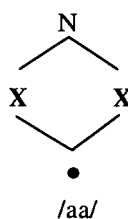
5.2.1. Representation of nuclei in traditional terms

The nucleus may be branching or non-branching in Nganasan. If it is branching, its two timing slots may be occupied by a single (shared) segmental matrix or else by two different segmental matrices.

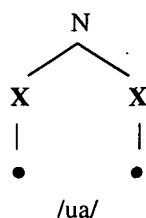
a) non-branching nucleus

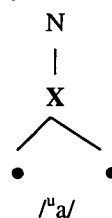
b) branching nucleus, long vowel

c) branching nucleus, till now: diphthongs

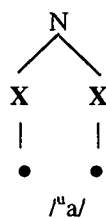
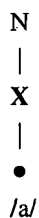
d) „diphthongoids”

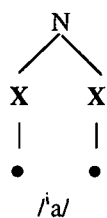
5.2.2. Representation of nuclei in my opinion

The nucleus may be branching or non-branching. If it is branching, it may only be associated with two different segmental matrices. Thus, the following nucleus templates are well formed:

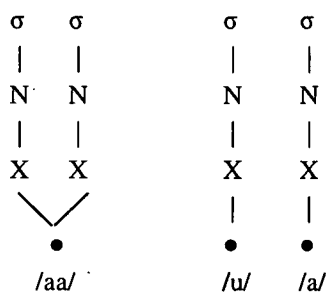
a) non-branching nucleus

b) branching nucleus, diphthongs

c) hiatus: vowel sequences

5.3. Constraints on nuclei

5.3.1. Constraints on non-branching nuclei

- #__: *i, ə, a*: *imi* 'grandmother', *əṛəkəṛə* 'beautiful', *anika"ə* 'big'
- σ_1 : any vowel
- σ_{n+1} : any vowel, except *e, o*

5.3.2. Constraints on branching nuclei

- there is no branching nucleus in #__ position
- they can occur in any syllable, but more often in the first syllable
- in suffixes only in alternation: -HAMHU [renarrative mood]: -*h"əŋhu~* -*bⁱambj*;
- __# only *i* *a* (it is very rare)

5.4. Syllable contact: vowel–vowel combinations

In this section I discuss constraints on adjacent nuclei (V\$V).

These constraints apply between adjacent vocalic segments belonging to different syllables, or more exactly two adjacent nuclei, namely hiatus. Hiatus may occur with the following restrictions:

- There are many possibilities to combine vowel inclusters (V_{i_i} ; V_{i_j}).
- Each vowel can occur as the first part of the combination.
- The second part of the cluster there cannot involve non-central mid vowels (*e, o*) or branching nuclei (*i, a*).

Restrictions concerning non-central mid vowels are the same as in non-initial syllables. This is another reason for us to claim that vowel sequences belong to separate syllables, accordingly the second part of the sequence belongs to the second syllable. Vowel sequences cannot occur in the initial position of the word: $*\#V_iV_j$; $*\#V_iV_j$. Table (5) shows clusters of two vowels (in hiatus) that occur in Nganasan.

$V_1 \backslash V_2$	<i>i</i>	<i>ü</i>	<i>j</i>	<i>u</i>	<i>e</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>ⁱa</i>	<i>^ua</i>
<i>i</i>	+	–	–	–	X	+	X	+	X	X
<i>ü</i>	–	+	–	–	X	+	X	+	X	X
<i>j</i>	–	–	+	–	X	+	X	+	X	X
<i>u</i>	*	–	–	+	X	+	X	+	X	X
<i>e</i>	+	+	–	–	X	–	X	–	X	X
<i>ə</i>	+	–	–	+	X	+	X	–	X	X
<i>o</i>	+	–	–	+	X	–	X	+	X	X
<i>a</i>	+	+	–	+	X	–	X	+	X	X
<i>^a</i>	*	–	–	–	X	–	X	–	X	X
<i>^ua</i>	–	–	–	–	X	–	X	+	X	X

Table (5): Vowel sequences in Nganasan

*= only morphologically complex forms: *tujh^uatui* ‘prospective’ [PIGen], *laka^rai* ‘suddenly’ [PIGen]; *čii^mi* ‘fathom’, *heⁱnsi* ‘to smell’, *bəi* ‘deadline’, *koidⁱ* ‘to leave’, *kai^mü* ‘cover’, *hüü* ‘fungus’, *heⁱša* ‘to undress’, *saü* ‘noise’, *hü^msj* ‘frightened’, *kuur* ‘barrel’, *məu* ‘earth’, *kou* ‘ear’, *kauləsa* ‘to close’, *biə* ‘wind’, *hüə* ‘year’, *kunsjə* ‘inside’, *nomuə* ‘rabbit’, *kəəl^j* ‘tears’, *dⁱa* ‘brain’, *dⁱndüa* ‘horse’, *kjəbtusa* ‘to decorate with marquetry’, *kuəndə* ‘fresh’, *koəgəlsj* ‘to change the subject’, *baarbə* ‘farmer’, *h^uaa* ‘wood’.

As we see in Table (5), mid vowels, except central *ə*, and branching nuclei cannot occur in the second part of the sequence (V_2) (see the X-ed fields in (5)). As we see in (5) and the examples, it is disadvantageous for a branching nucleus to occur in the sequence. So we can formulate this constraint:

anticomplex constraint

A branching nucleus cannot occur as the second part of a vowel sequence.

There cannot be diphthongs (branching nuclei) at the beginning of the word, either, so we can say that complex nuclei occur after filled (non-empty) onsets only.

To summarize: two important questions of Nganasan phonology are how many diphthongs there are in Nganasan and whether vowel length is contrastive in this language or not.

We have argued that sequences that had earlier been analysed as diphthongs are better seen as instances of hiatus, so we have to assign them to different syllables. And we saw on the grounds of syllabic gradation that sequences involving the same constituent twice have the same status as sequences with two different constituents: so phonologically they are constituents of two separated syllables too. After these we claimed about the status of *ⁱa* and *^ua* that they may be the diphthongs of Nganasan as their morphonological behaviour suggests. Both of them are rising diphthongs (*ⁱa*, *^ua*).

Since we have taken a new stance about the status of diphthongs and long vowels, in the light of these considerations mora counting is unnecessary in Nganasan. The concept of mora does not play as important a role as researchers had thought before.

REFERENCES

- Castrén, Matthias Alexanteri 1854: *Grammatik der samojedischen Sprachen*, Herausgegeben von Anton Schiefner, St. Petersburg, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften
- Castrén, Matthias Alexanteri 1855: *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*, Bearbeitet von Anton Schiefner, St. Petersburg, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften
- Hajdú, Péter 1962: Die Frage des Stufenwechsels in den samojedischen Sprachen, *UAJb* XXIV, 41–54.
- Hajdú Péter 1964: Mórás nyelv-e a nganaszan?, *NyK* 66, 397–400.
- Hajdú Péter 1966: *Bevezetés az uráli nyelvtudományba*, Budapest, Tankönyvkiadó
- Hajdú Péter 1982: *Chrestomathia Samoiedica*, Budapest, Tankönyvkiadó (second edition)
- Helimski, Eugen [Хелимский, Е.] 1989: О морфонологии нганасанского языка [Manuscript], Paper read at IV. Phonologisches Symposium Uralischer Sprachen, Hamburg
- Helimski, Eugen [Хелимский, Е.] 1994a: Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка, in Хелимский, Е. (ред.) *Таймырский этно-лингвистический сборник*, Москва, РГГУ, 190–221.
- Helimski, Eugen (1995): Proto-Uralic gradation: continuation and traces, *CIFU-VIII*, Pars I., Jyväskylä 17–51.
- Helimski, Eugen 1998: Nganasan, in Abondolo, Daniel (ed.) *The Uralic Languages*, London, Routledge, 480–515.
- Janhunen, Janhunen 1977: *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien* = CT 17
- Kenstowicz, Michael 1994: *Phonology in Generative Grammar*, Cambridge – Oxford, Blackwell
- Kosterkina, N. T. – A. Č. Momde – T. Ju. Ždanova [Костеркина, Н. Т. – А. Ч. Момде – Т. Ю. Жданова] 2001: Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский, Санкт-Петербург, Просвещение
- Ladefoged, Peter – Ian Maddieson 1996: *The Sounds of the World's Languages*, Oxford – Cambridge, Blackwell
- Maddieson, Ian 1984: *Patterns of Sounds*, Cambridge, CUP, (UPSID (UCLA [University of California, Los Angeles] Phonological Segment Inventory Database)
- Mikola, Tibor 1970: Adalékok a nganaszan nyelv ismeretéhez, *NyK* 72, 59–92.
- Mikola, Tibor 1986: Beiträge zur nganasanischen Sprachgeschichte, *FUM* 10, 243–247.

- Mikola, Tibor 1988: Geschichte der samojedischen Sprachen, in Sinor, Denis (ed.): *The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences*, Leiden – New York – København – Köln, Brill, 219–263.
- Mikola, Tibor 2004: *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen* = *SUA* 45
- Prokof'jev, G. N. [Прокофьев, Г. Н.] 1937: Нганасанский (тавгийский) диалект, in Прокофьев, Г. Н. (ред.): *Языки и письменность народов Севера, Часть 1*, Москва – Ленинград, Учпедгиз, 53–77.
- Rédei, Károly (red.) 1986–1988: *Uralisches Etymologisches Wörterbuch* Band I., Budapest, Akadémiai Kiadó
- Tereščenko, N. M. [Терещенко, Н. М.] 1966: Нганасанский язык, in Лыткин, В. (ред.): *Языки народов СССР Том 3. Финно-угорские и самодийские языки*, Москва, Наука, 416–437.
- Tereščenko, N. M. [Терещенко, Н. М.] 1979: *Нганасанский язык*, Ленинград, Наука
- Törkenczy, Miklós 1994: A szótag, in Kiefer, Ferenc (ed.), *Fonológia = Strukturális magyar nyelvtan 2, Budapest, Akadémiai Kiadó*, 273–392.
- Várnai, Zsuzsa 2002: Hangtan, in Wagner-Nagy, Beáta (ed.): *Chrestomathia Nganasanica* = *SUA Supplementum* 10, 33–70.
- Várnai, Zsuzsa 2003: Valóban morás nyelv-e a nganaszan?, in Molnar, Zoltán – Gábor Zaicz (eds): *Permistica et Uralica. Ünnepi Könyv Csúcs Sándor tiszteletére* = *FUP* I, 268–271.
- Wagner-Nagy, Beáta 2003: Nganaszan nyelvtörténet a proto-szamojéd tükrében [Manuskript]
- Wagner-Nagy, Beáta 2004: Wort- und Silbenstruktur im Protosamojedischen, *FUM* 26/27, 89–109.

KONSTITUENTENNEGATION IM NGANASANISCHEN

BEÁTA WAGNER-NAGY

Budapest, Hungary

1. Zum Begriff Negation

In jüngster Zeit steht Negation vermehrt im Blickpunkt der Linguistik. In der formalen Logik wird Negation folgendermaßen definiert:

Unter der Negation der Proposition p versteht man die Proposition "es ist nicht wahr, dass p ", für die folgende Wahrheitsregel gilt: " $\sim p$ ist dann und nur dann wahr, wenn p falsch ist".

Die logische Negation, auch innere Negation genannt, hat keine Auswirkung auf die Präsupposition des Satzes. Durch nochmalige Negation einer inneren Negation – also bei doppelter Negation – erhält man eine wahre Aussage. Dies bedeutet, dass der Wahrheitswert von " $\sim \sim p$ " und " p " gleich ist, dass also die beiden Propositionen äquivalent sind. (Weiterführende Literatur über die logische Negation befindet sich in Madarász et alii 1999: 52–57.)

Hentschel (1998: 11) rekurriert bei ihrer Beschreibung der sprachlichen Negation statt auf die innere ($\sim$) auf den Begriff der äußeren ($\neg$) Negation. Im Falle der äußeren Negation ist der Wahrheitswert der negierenden Äußerung auch dann wahr, wenn sich die Negation auf nicht existierende Dinge bezieht, wie dies durch folgendes Beispiel verdeutlicht werden soll:

		Sokrates existiert	Sokrates existiert nicht
gegensätzliche Aussagen	<i>Sokrates ist krank.</i>	W/F	F
	<i>Sokrates ist gesund.</i>	W/F	F
deprivative Aussagen	<i>Sokrates ist blind.</i>	W/F	F
	<i>Sokrates ist sehend.</i>	W/F	F
Verneinungssätze	<i>Sokrates ist nicht krank.</i>	W/F	W
	<i>Sokrates ist nicht blind.</i>	W/F	W

Mit diesem Test kann man die gegensätzlichen Aussagen und die in privativer Opposition stehenden Sätze eindeutig von der Negation unterscheiden und trennen. Aufgrund dessen betrachte ich im Folgenden nur diejenigen Konstruktionen des Nganasanischen als negierend, die diesem einfachen Test entsprechen.

2. Möglichkeiten und Typen der Negation in den Sprachen der Welt

In seiner einschlägigen Monographie unterscheidet Dahl (1979) nach der sprachlichen Realisierung der Negation (Neg) folgende Negationsarten:

Von einer synthetischen, oder morphologischen Negation spricht man, wenn eine Flektionskategorie, z.B. ein Suffix, Stammalternation, Reduplikation etc. als Träger der negativen Semantik auftritt. Ein Negationssuffix gibt es z.B. im Türkkeitürkischen (~ osmanischen Türkischen) in der Form *-ma /-me* (*bekle-me-yor-um* 'ich warte nicht'). Über ein Negationspräfix verfügt z.B. das Serbische *ne-mam* 'ich habe nicht/kein'. Wendet man die oben dargestellten Kriterien auf das im Englischen und Deutschen häufig vorkommende Präfix *un-* an, stellt man fest, dass es sich hierbei nicht um innere Negation handelt, denn die doppelte Negation führt nicht zu einer positiven Aussage im logischen Sinne: *Bob is happy* ≠ *Bob is not unhappy*. (Für weitere Details siehe Frawley 1992). Diesen Typus bezeichnet Hentschel (1998) als lexikalische Negation und behauptet, dass seine Funktion nicht in der Negation des gesamten Wortes bestehe, sondern lediglich die Negation der mit dem Wort verbundenen – in diesem Fall positiven – Erwartungen, also eine konnotative Negation sei. Diesen Typus findet man auch im Nganasanischen, doch wird in der vorliegenden Studie darauf nicht eingegangen.

Eine zweite Art der Negation, die in den Sprachen der Welt viel häufiger vorkommt, ist die analytische, oder mit anderen Worten die syntaktische Negation. Auch hier unterscheidet man weitere Untertypen. Nach Dahl (1979: 84) ist die Negation durch Partikeln das am häufigsten vorkommende Verfahren, so z.B. im Deutschen, Englischen, Ungarischen, Französischen etc. An zweiter Stelle mit ebenfalls recht großer Häufigkeit steht die Negation durch Negationsverben. In solchen Konstruktionen erscheinen die Kategorienmerkmale des finiten Verbs (Modus, Tempus, Numerus und Person) in der Regel am verneinenden Hilfsverb, während das Hauptverb durch eine infinite Form vertreten ist, wie z.B. in einer Partizipialform (Ewenkisch) oder in anderen Formen (z.B. in den nordsamojedischen Sprachen oder im Finnischen). An dieser Stelle soll ein Beispiel aus dem Nganasanischen die Verwendung von negierenden Hilfsverben verdeutlichen:

- (1) *Maad'a hi-ŋi-ŋ hoðətə-'' hēmi-ntə d'a?*
 warum nicht-Minter-Sg2 schreiben-Vcong Mutter-GenPxSg2 PO_{zu}
 'Warum schreibst du deiner Mutter nicht?' (T79: 261)

In einigen Sprachen (so zum Beispiel im Finnischen) trägt das Hilfsverb nur die verbalen Kategorien der Person und des Numerus, während die Kategorien Modus und Tempus am Hauptverb und/ oder an der Kopula erscheinen: *e-n halua-isi* 'ich möchte nicht', *e-n ol-isi halunnut* 'ich hätte nicht gemocht'.

Schließlich gibt es seltener auftretende Möglichkeiten der Negation wie z.B. die periphrastische, auf die hier nicht eingegangen werden kann. Es sei in diesem Zusammenhang auf Dahl (1979: 86–88) verwiesen.

Es gibt einen weiteren Negationstypus, der bei Dahl unerwähnt bleibt, nämlich die Negation durch ein Nomen mit verneinender Semantik, ein Typus, der z.B. im Ewenkischen vorkommt.

- (2) *Nungan-dun* *purta-ja* *āchin*.
 er/sie-Dat Messer-Akkindef Nicht-/Fernsein/Fehlen
 ‘Er/sie hat kein Messer. (Ned: 97)

An das negierende Nomen können im Ewenkischen Suffixe herantreten, fakultativ auch das Seinsverb in Kopulafunktion (vgl. Nedjalkov 1997: 96–99, Nedjalkov 1994: 27–29).

Je nach Bezugsgröße (Skopus) gibt es zwei Grundtypen der Negation: die Satznegation und die Konstituentennegation. Die Konstituentennegation wird üblicherweise als modifizierende Operation betrachtet, während die Satznegation als eine Konstruktion beschrieben wird, die die Argumentenstruktur des finiten Verbs (Hauptverbs) modifiziert. In diesem Fall wird das Negationswort als ein Argument des finiten Verbs behandelt (Trón 2001: 88). Dies mag auf Sprachen zutreffen, die über eine Negationspartikel verfügen; im Falle von Sprachen, die über ein Negationsverb verfügen (und nicht ein semantisch leeres Hilfsverb *und* eine Fragepartikel, wie z.B. das Englische), bedarf es hingegen der weiteren Präzisierung der Definition von Satznegation.

3. Die sprachlichen Mittel der Negation im Nganasanischen

Man beschreibt die nordsamojedischen Sprachen gewöhnlich als einen Typus, der die Negation durch ein Negationsverb bevorzugt. So ordnen Honti (1997: 92–93) und auch Hajdú (1969) aufgrund des Nenzischen alle drei nordsamojedischen Sprachen unter diesen Typus ein. Wenn man jedoch den Bestand an sprachlichen Mitteln der Negation im Nganasanischen betrachtet, wird man schnell feststellen, dass das Nganasanische neben den Negationsverben eine Reihe anderer Mittel der Negation aufweist, die im Nenzischen unbekannt sind.¹ Die Erforschung der Negation im Nganasanischen ist kein Unterfangen ohne Präzedenz: Katzschnmann hat sich in mehreren Studien mit den Negationsarten des Nganasanischen auseinandergesetzt, unter besonderer Berücksichtigung der Hilfsverben (1993, 1995, 2001). Betrachten wir nun die sprachlichen Mittel der Negation im Nganasanischen.

¹ Aus diesem Grund halte ich das in der Sekundärliteratur übliche Verfahren, aufgrund einer einzigen Sprache die ganze Sprachfamilie betreffende Verallgemeinerungen zu treffen, selbst dann für bedenklich, wenn es sich dabei um eng verwandte Sprachen handelt.

Syntaktische Mittel

<i>ñisi</i>	‘es gibt nicht, es gibt kein’	negierendes Hilfsverb
<i>læði"si</i>	‘nicht können, nicht in der Lage sein’	modales negierendes Hilfsverb
<i>kasad'a</i>	‘beinahe, fast’	modales negierendes Hilfsverb
<i>ɣuəli-</i>	‘??(selbstverständlich)’	??
<i>ñintu" ~ ñintuu</i>	‘nicht, nein’	Partikel o. Nomen
<i>d'an̄ku</i>	‘es gibt nicht, es gibt kein’	Partikel o. Nomen

morphologische Mittel

<i>-mætuma" a</i>	Moduszeichen, Partizipialform
<i>-muŋkætə</i>	negierendes Supinum

wortsemantische Mittel

<i>d'an̄gujsa</i>	‘nicht sein, nicht existieren’	Verb mit negativer Semantik
<i>d'erusa</i>	‘nicht wissen’	Verb mit negativer Semantik
<i>d'ündamtäsa</i>	‘nicht wollen’	Verb mit negativer Semantik
<i>hund'aləsi</i>	‘nicht aufpassen’	Verb mit negativer Semantik
<i>mæčid'i</i>	‘nicht ausreichen’	Verb mit negativer Semantik
<i>toiša</i>	‘nicht müssen’	Verb mit negativer Semantik

4. Konstituentennegation**4.1. Die Partikeln**

Im Gegensatz zum Finnischen, Nenzischen, Enzischen etc. kennt das Nganasanische auch andere sprachliche Mittel der Negation, außer die mit einem Negationsverb. Diese Elemente – nämlich *ñintu(u)* und *d'an̄ku* – werden von Tereščenko (1979: 313; nur bezüglich *d'an̄ku*) und Wagner-Nagy (2002: 152) als Negationspartikeln eingestuft. Das Negationswort *d'an̄ku* wurde in einer früheren Arbeit von Tereščenko (1973: 83) als Verb definiert, ähnlich wie bereits von Castrén (1854: 490). Castrén gibt an, dass das Verb nur das Konjugationsparadigma des Indikativ Präsens aufweist (z.B.: *jan̄uŋ* ‘du bist nicht’), andere Tempora und Modi werden analytisch, mit einem Kopulaverb gebildet (z.B.: *janku eišua* ‘es gab nicht’). Das Element *ñintu* betrachtet auch Castrén als Partikel (1854: 492).

Eine Partikel ist *per definitionem* unveränderlich in der Form, d.h. sie weist keine Affixe auf. Betrachten wir die beiden erwähnten sprachlichen Zeichen unter diesem Gesichtspunkt:

- (3) *Mənə ñintuu-m śiəla"ku-m ɣuə-m.*
 ich nicht-Sg1 klein-Sg1 Gott-Sg1
 ‘Ich bin kein kleiner Gott.’ (HM: 106/875)
- (4) *Čimi-či maagəl'ičə-" d'an̄gu-".*
 Zahn-PlPxSg3 nichts-Pl(3) [es gibt nicht]-Pl(3)
 ‘Er/sie hat gar keine Zähne.’ (KNS: 166/129)

Die Negationsmarker (Neg) der obigen beiden Sätze können nicht als Verben betrachtet werden. Das schwerwiegendste Argument gegen eine Behandlung als Verben ist die Tatsache, dass diese Elemente keine der obligatorischen Flexionsmorpheme der Verben {Koaff, Mx, Tx} aufweisen. Gleichzeitig kann man beobachten, dass im Beispielsatz (3) an die „Negationspartikel“ ähnlich wie bei allen Konstituenten der NP das Personalsuffix der subjektiven Konjugation herantritt. Dieses Suffix ist identisch mit dem Personalsuffix der prädikativen Nomina (prädikative Konjugation).² Es gibt keine weiteren Belege, die erhärten würden, dass im Nganasanischen auch andere Partikeln nach dem prädikativen Paradigma konjugierbar wären. Wohl aber gilt dies für Adverbien, von denen man ebenfalls nicht erwartet, dass sie durch Flexionsmorpheme erweiterbar sind, z.B.: *Kuntəga* "a-m. 'Ich bin weit weg.', *Mənə tamnu*-m. 'Ich bin dort.'

Da im Nganasanischen das nominale Prädikat immer nach dem prädikativen Paradigma konjugiert wird, scheint die Annahme plausibel, dass dies auch in Satz (4) der Fall ist und *d'anjku* durch das Personalsuffix VxPI3 erweitert wurde. Wenn man diese Konstruktion anders interpretieren möchte, dann gilt zumindest, dass das Prädikat durch das Pluralzeichen erweitert wurde, also handelt es sich auch in diesem Fall um ein Flexionsmorphem. Aus Castrén's zitiertem Beispiel (*januŋ*) geht hervor, dass es sich hier um eine prädikativ konjugierte Form handelt.

Aus den sprachlichen Daten resultiert somit folgendes: Wenn wir die fraglichen Elemente als Partikeln betrachten, dann muss die Definition der Partikel für das Nganasanische modifiziert werden. Halten wir uns an die strikte Definition, so müssen wir die beiden Wörter aus dem Kreis der Partikeln ausschließen. Als Konsequenz bleibt jedoch die Frage zu beantworten, zu welcher Wortart diese Elemente dann gehören. Eine naheliegende Lösung wäre, dass diese Wörter negierende Substantive sind. Dagegen sprechen jedoch Belege, in denen *ñintuu* mit den weiteren Konstituenten der NP zumindest im Dual – noch nicht oder bereits nicht mehr – kongruiert:

- (5) *Maanuna-gəj ñintu" ñaagəə-gəj, maad'a sə"na"ari tə?*
 was für-Du3 nicht gut-Du3 warum dumm-PI2 Klit
 'Was für (zwei) nicht gute (jene) (seid ihr), warum seid ihr dumm?'
 (KNS: 178/330).

Auch bei Castrén finden sich Belege, in denen *ñintu* nicht (zwingend) suffigiert wird: *ñintu asam* 'ich bin nicht ein Tunguse' (SIC!) (Castrén 1854: 492). In den Manuskripten von Castrén erscheint dieser Beleg jedoch in folgender Form: *njinttu(m) ajam* 'ich bin kein Tunguse' (zitiert von Katzschmann 2001: 124). Es ist daher anzunehmen, dass im 19. Jh. die Kongruenz (bereits oder noch) schwankend war.

Gegen die Betrachtung dieser Wörter als Nomina spricht auch die Tatsache, dass weder bei Castrén, noch in zeitgenössischen Aufzeichnungen Belege zu finden

² Für weitere Einzelheiten der prädikativen Konjugation siehe Tereščenko 1979, Helimski 1998 oder Wagner-Nagy 2002.

sind, in denen an sie Kasussuffixe antreten.³ Aufgrund der hier dargestellten Daten bin ich der Meinung, dass die fraglichen Elemente als Negationspartikeln einzustufen sind, die heute auch Charakteristika der Nomina aufweisen.

Betrachten wir nun den Gebrauch von *hintu(u)* und *d'anku*. Durch die Negationspartikel *hintuu* wird eine Satzkonstituente negiert (siehe die Beispiele (5), (9)). Zur Negation des verbalen Prädikats wird sie nicht eingesetzt, im Gegenzug können Negationsverben nicht bei einem nominalen Prädikat verwendet werden, was z.B. im Nenzischen durchaus möglich ist. Die Partikel ist der negierten Phrase immer vorangestellt, ihr Skopus erfasst nur diese Phrase

d'anku wird bei der existentialen Negation verwendet und modifiziert eine Satzkonstituente. Sie steht nahezu immer in Endposition des Satzes⁴, im Präsens erscheint sie nie in Verbindung mit einer Kopula. Heute gibt es für die Bildungsweise mit einer Kopula keine Belege. Aufgrund der Belege Castréns kann man jedoch vermuten, dass die Formen des Futurs und des Präteritums mit einer Kopula gebildet werden. Die Negationspartikel kongruiert mit dem Subjekt des Satzes in Numerus und Person. Unmittelbar vor der Partikel steht immer ihr Skopus.

- (6) *Təndə-'' ɲanasanə-'' turku bəra-tənu d'angu-''.*
 jenes-PI Mensch-PI See-Gen Ufer-Lok nicht sein-PI3
 'Jene Menschen sind nicht am Seeufer.' (T73: 83)

Bezieht sich die Negation auf die Konsituente „Menschen“, wird diese Satzkonstituente in die Position vor der Negationspartikel bewegt:

- (7) *Turku bəratənu təndə'' ɲanasanə'' d'angu''.*
 See-Gen Ufer-Lok jenes-PI Mensch-PI nicht sein-PI3
 'Am Seeufer sind keine Menschen.'⁵

Wenn man ausdrücken möchte, dass die Menschen sich nicht am Ufer, sondern irgendwo anders aufhalten, wird vor der NP die Negationspartikel *hintuu* erscheinen

³ Nach Payne (1985) ist Ewenkisch die einzige Sprache, in der auch durch negative Nomina negiert werden kann. Im Ewenkischen kann das negative Nomen *āchin* durch Kasussuffixe, Possessivsuffixe und Numeruszeichen erweitert werden. Weitere Beispiele diesbezüglich siehe bei Nedjalkov (1994: 28–29)

⁴ In den von mir untersuchten Beispielsätzen ist *d'anku* lediglich dreimal in nicht finaler Position belegt. Es handelt sich dabei z.B. um die folgenden Belege:

<i>Nūa-j</i>	<i>ho-ŋj-ŋ?</i>	<i>Məna d'angu-''</i>	<i>nūaŋə.</i>
Kind-PIakk	haben-Minter-Sg2	ich gibt es nicht-PI3	Kind-PIPxSg1
'Hast du Kinder?' (JN:13)		'Ich habe keine Kinder' (JN: 13)	

Offensichtlich steht in diesem Beispiel ein negierendes Element in Fokusposition. Dies ist der Fall auch bei dem folgenden Beispiel, bei dem es sich um einen spezifischen Frage-Negationsatz handelt:

<i>Məna d'a-tə-nə</i>	<i>d'anku</i>	<i>piśmo?</i>
ich	PO _{Nr} -Npräd-PxSg1	gibt es nicht-Sg3 Brief
'Gibt es keinen Brief für mich?' (JN: 48).		

Aufgrund der beiden Sätze scheint zwar naheliegend, dass *d'anku* bei Fokussierung von seiner Position bewegt wird, zur Formulierung einer Regel reichen jedoch zwei Beispielsätze nicht aus, zumal das Thema des Fokus im Ngenasanischen ein weitgehend unerforschtes Gebiet darstellt.

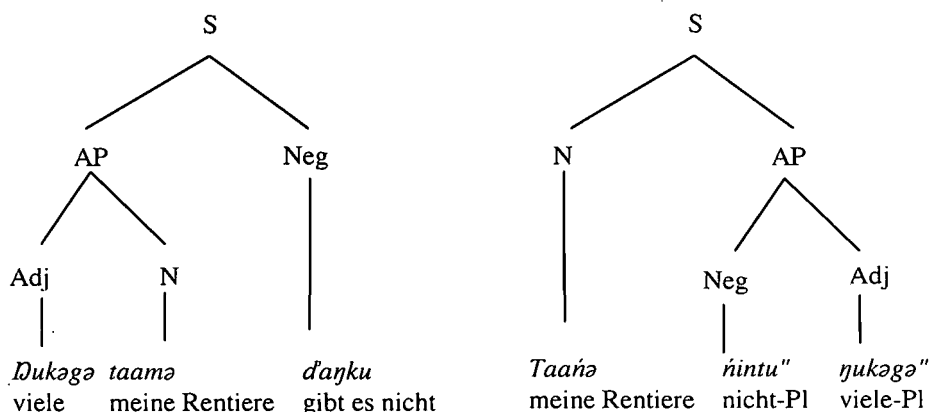
⁵ Dieser Satz ist nicht belegt. Die Möglichkeit der Konstituentenbewegung wurde anhand weiterer Beispiele inferiert. Die Bewegungsregel durch Muttersprachler überprüft werden.

(*hintuu turku bəratənu*). Keine Belege habe ich bisher für die kontrastive Negation des Typs *nicht ... , sondern ...* in nganasanischen Übersetzungen gefunden. Daher ist in dieser Frage Vorsicht geboten: Die vorgeschlagenen Regeln gelten solange als hypothetisch, bis sie durch weiteres Feldmaterial endgültig bestätigt werden können.

Die beiden Negationspartikeln *d'əŋku* und *hintuu* sind wegen ihrer unterschiedlichen Funktion nicht austauschbar. Sie erzeugen unterschiedliche Satzstrukturen:

- (8) *Dukəgə taa-mə d'əŋku.* (9) *Taa-ńə hintu-" ɣukəgə-".*
 viel Rentier-PxSg1 gibt es nicht-Sg3 Rentier-PlPxSg1 nicht-Pl3 viel-Pl3
 'Ich habe nicht viele Rentiere.' (L01: 76) 'Meine Rentiere sind nicht viele.' (T73: 84)

Die Struktur der obigen Sätze sieht wie folgt aus:

4.2. Die Möglichkeiten der morphologischen Negation im Nganasanischen

Nach der Beschreibung von Payne ist der eindeutigste Fall der morphologischen Negation, wenn diese durch ein verbales Derivationsmorphem ausgedrückt wird, wie z.B. im Türkentürkischen (Payne 1985: 226). Die Lage erscheint im Nganasanischen jedoch viel komplizierter. Hier sind ein sog. Abessivmodus, ein abessivisches Partizip und ein negierendes Supinum bekannt.

Der Abessivmodus steht für Ereignisse, die noch nicht eingetreten sind bzw. Handlungen, die noch nicht vollzogen wurden, von denen aber anzunehmen ist, dass sie eintreten bzw. vollzogen werden. Ausser den Negationsverben kann jedes Verb in diesem Modus erscheinen. Mit diesem Modus drückt man eine Satznegation aus. Aus diesem Grund wird hier diese Negationsmöglichkeit näher nicht erläutert.

- (10) *D'esj-nə kūmaa-rəku kuńiagəličə kačə-məɖuma"ə-m.*
 Vater-GenPxSg1 Messer-Nsim nirgends sehen-Mab-Sg1-subj
 'Ein Messer wie von meinem Vater habe ich (noch) nirgendwo gesehen. (K: 33)

Der Gebrauch des abessivischen Partizips stellt eine weitere, besondere Möglichkeit der Negation im Nganasanischen dar. Diese Form wird gebraucht, wenn man in der nebensatzwertigen Partizipialkonstruktion eine Negation vornehmen möchte. Da im Nganasanischen die zusammengesetzten Sätze äußerst selten sind, erscheinen die untergeordneten Prädikationen in der Form von Partizipialkonstruktionen. Dies ist auch der Fall bei der Negation eines Relativsatzes.

- (11) *Huturəməduma* "a" *taačə* *maðə* *takənu* *kətutu*.
 einspannen-PtAbess-Pl Rentier-PlPxSg2 Zelt-Gen PO_{hinter} weiden-Kimp-Pl3
 'Deine noch nicht eingespannten Rentiere weiden hinter dem Zelt.' (T79: 265)
 [Deine Rentiere, die du noch nicht eingespannt hast, weiden hinter dem Zelt.]

Wie aus folgendem Satz hervorgeht, hat das Partizip die gleiche Valenz wie das Verb. Die Ergänzung ist immer links vom Partizip positioniert.

- (12) *Taačü* *huðurtəkəmatuma* "a *kuəðümu* *matə* *čii*"ə.
 Rentier-PlAkkPxSg3 einspannen-PtAbess Mann Zelt-Lat hineingehen-Kperf-Sg3
 'Der seine Rentiere noch nicht eingespannt habende Mann ging in das Zelt hinein.' (T73: 86)
 [Der Mann, der seine Rentiere noch nicht eingespannt hatte, ging in das Zelt hinein.]

Die Negation in einer finalsatzwertigen Konstruktion wird durch die Supinform des Verbs ausgedrückt, die mit dem Suffix -mUNKə^NTə+(Px) gebildet wird.

- (13) *Ńüə* *d'orə-lə-muŋkətə-tu,* *kundubtu-ŋuru*!
 Kind-Gen weinen-Vinch-NegSup-PxSg3 schlafen legen-Mimp-Pl2
 'Legt das Kind schlafen, damit es nicht weint!' (T73: 262)

Die Besonderheit dieser Konstruktion ist, dass die nebensatzwertige Nominalphrase immer in satzinitialer Position steht. Wenn die Subjekte der Haupt- und der untergeordneten Prädikation nicht identisch sind, wird das Subjekt der Finalkonstruktion durch ein Possessivsuffix und/ oder ein possessivsuffigiertes Nomen markiert, wie dies aus Beispiel (13) hervorgeht.

ABKÜRZUNGSVERZEICHNIS

Akk	Akkusativ	JN	Aron – Momd'e 1992
Akk indef	Akkusativ mit indefinitem Objekt	K	Kovalenko
	negierendes Hilfsverb	Kimp	Koaffixum der imperfektiven Verben
Aux _{Neg}		Klit	Klitikum
Dat	Dativ	Koaff	Koaffixum
Du	Dual	Kperf	Koaffixum der perfektiven Verben
Fut	Futur	KMZ	Kosterkina – Momd'e – Ždanova
Gen	Genitiv		
ger.	Gerundium		
HM	Helimski 1994		

KNS	Kosterkina – Nagy –	PtPass	Participium passivum
	Sobanski	PtPerf	Participium perfectum
Lat	Lativ	Px	Possessivsuffix
Lok	Lokativ	r	reflexive Konjugation
L01	Labanauskas 2001	Rx	Wortstamm
Mab	Abessiv (Modus)	Sg	Singular
Minf	Inferential	SK	Сказки народов Сибирского Севера
Minter	Interrogativ		
Mproh	Prohibitiv (Modus)	sup.	Supinum
Mx	Modalsuffix	T73	Tereščenko 1973
Ned	Nedjalkov 1997	T79	Tereščenko 1979
Neg	Negationsmarker	Tx	Tempuszeichen
Nsim	Similativsuffix	Vcong	negierter Verbalstamm
o	objektive Konjugation	Vdur	Durativsuffix
part.	Partizip	Vhab	Habitativsuffix
Pl	Plural	Viter	Iterativsuffix
PO	Postposition	Vkaus	Kausativsuffix
Prol	Prolativ	Vx	verbales Personalsuffix
PtAbess	Participium abessivum		

LITERATURANGABEN

- Aron, N. M. – A. Č. Momd'e [Арон, Н. М. – А. Ч. Момде] 1992: *Язык нганасан*, Норильск
- Bernini, Giuliano – Paolo Ramat 1996: *Negative Sentences in the Languages of Europe*, Mouton de Gruyter, Berlin – New York
- Csepregi Márta 2001: Szintetikus tagadás a finnugor nyelvekben, *FUD* 8, 59–71.
- Dahl, Östen 1979: Typology of sentence negation, *Linguistics* 17, 79–106.
- Dahl, Östen 1993: Negation, in Jacobs, Joachim – Armin von Stechow – Wolfgang Sternefeld – Theo Vennemann (eds): *Syntax*. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, Walter de Gruyter, Berlin – New York
- Dryer, Matthew 1988: Universals of negative position, in Hammond, Michael – Edith Moravcsik – Jessica Wirth (eds): *Studies in syntactic typology*, Benjamins, Amsterdam – Philadelphia
- Frawley, William 1992: *Linguistic Semantics*, Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale – Hove – London
- Haegeman, Liliane 1995: *The Syntax of Negation*, CUP, Cambridge
- Hajdú, Péter 1969: Zur Syntax der negativen Verbalformen im Samojedischen, in Schlachter, Wolfgang (Hrsg.): *Symposium über Syntax der uralischen Sprachen*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen
- Helimski, Eugen 1998: Nganasan, in Abondolo, Daniel (ed.): *The Uralic Languages*, Routledge, London, 480–515.
- Hentschel, Elke 1998: *Negation und Interrogation*, Niemeyer, Tübingen
- Honti, László 1997: Die Negation im Uralischen I., *LU XXXIII*, 81–96.

- Kahrel, Peter – René van den Berg (eds) 1994: *Typological Studies in Negation*, Benjamins, Amsterdam – Philadelphia
- Katzschmann, Michael 1993–94: Die Negation(sverb)en des Nganasanischen, *NNyt* XXXV, 47–68.
- Katzschmann, Michael 1995: Morphosyntaktische Betrachtungen zur Nganasanischen Negation, *NNyt* XXXVI, 237–250.
- Katzschmann, Michael 2001: Über „Verba conjunctionalia” und andere Eigentümlichkeiten im Nganasanischen – u. a. ein Nachtrag zu den Negation(sverb)en, *NNyt* XLI/2 = *Mikola-émlékkönyv*, 121–128.
- Kiefer, Ferenc 1983: *Az előfeltevése elmélete*, Akadémiai, Budapest
- Kosterkina, N. – E. Helimski [Костеркина, Н. – Е. Хелимский] 1994: Малые камлания большого шамана, in Хелимский, Е. (ed.): *Таймырский этнолингвистический сборник*, РГГУ, Москва, 17–146.
- Kosterkina, N. – B. B. Nagy – F. Sobanski 1997: Über die Tiere auf der Erde. Ein nganasanisches Märchen nebst Übersetzung und morphologischem Wörterverzeichnis, *NNyt* XXXVIII, 57–199.
- Kosterkina, N. T – A. Č. Momd'e – T. Ju. Ždanova [Костеркина, Н. Т. – А. Ч. Момде – Т. Ю. Жданова] 2001: *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский*, Просвещение, Санкт-Петербург
- Labanauskas, Kazys [Лабанаускас, Казис] 2001: *Нганасанская фольклорная хрестоматия = Фольклор народов Таймыра* 6., Дудинка, Таймырский окружный центр народного творчества
- Madarász Tiborné – Pólos László – Ruzsa Imre 1999: *A logika elemei*, Osiris, Budapest
- Nedjalkov, Igor 1997: *Evenki*, Routledge, London – New York
- Nedjalkov, Igor [Nedyalkov, Igor] 1994: Evenki, in Kahrel, Peter – van den Berg, René (eds): *Typological Studies in Negation*, Benjamins, Amsterdam – Philadelphia, 1–34.
- Payne, John R. 1985: Negation, in Shopen, Timothy (ed.): *Language Typology and Syntactic Description*, CUP, Cambridge
- Сказки народов Сибирского Севера* 2, 1976, Tomsk, 37–44, 107–123.
- Tereščenko, N. M. [Терещенко, Н. М.] 1966: Нганасанский язык, in Лыткин, В. И. (ред.): *Языки народов СССР Том 3. Финно-угорские и самодийские языки*, Наука, Москва, 416–437.
- Tereščenko, N. M. [Терещенко, Н. М.] 1973: *Синтаксис самодийских языков*, Наука, Ленинград
- Tereščenko, N. M. [Терещенко, Н. М.] 1979: *Нганасанский язык*, Наука, Ленинград
- Trón, Viktor 2001: *Fejközpontú frázisstruktúra-nyelvten*, Tinta, Budapest
- Wagner-Nagy, Beáta 2001: *Die Wortbildung im Nganasanischen = SUA* 43
- Wagner-Nagy, Beáta (Hrsg.) 2002: *Chrestomathia Nganasanica = SUA Supplementum*

ABBREVIATIONS

AUU	<i>Acta Universitatis Upsaliensis</i> , Uppsala
CT	<i>Castreniumin toimitteita</i> , Helsinki
JSFOu	<i>Journal de la Société Finno-Ougrienne</i> , Helsinki
FUD	<i>Folia Uralica Debreciensia</i> , Debrecen
FUF	<i>Finnisch-Ugrische Forschungen</i> , Helsinki
FUM	<i>Finnisch-Ugrische Mitteilungen</i> , Hamburg
FUP	<i>Fenno-Ugrica Pázmániensia</i> , Piliscsaba
LSFU	<i>Lexika Societatis Fenno-Ugricae</i> , Helsinki
LU	<i>Linguistica Uralica</i> , Tallinn
MSFOu	<i>Mémoires de la Société Finno-Ougrienne</i> , Helsinki
NNyt	<i>Néprajz és Nyelvtudomány</i> , Szeged
NyK	<i>Nyelvtudományi Közlemények</i> , Budapest
SUA	<i>Studia Uralo-Altaica</i> , Szeged
UAJb	<i>Ural-Altaische Jahrbücher</i> , Wiesbaden
UT	<i>Urálisztikai Tanulmányok</i> , Budapest
VDSUA	<i>Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica</i> , Wiesbaden

Nyomdai kivitelezés:
Gold Press Nyomda Szeged.
Felelős vezető: Illés Mihály